

П.А. СТОЛЫПИН - ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ

П.А. СТОЛЫПИН - ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ

Речи
в Государственном
Совете
и Думе

УБИЙСТВО
СТОЛЫПИНА

.....
Следствие
по делу
убийцы

П.А. СТОЛЫПИН- ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ

**Речи в Государственном Совете
и Думе**

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

**Следствие
по делу убийцы**

Составитель З.М. Чавчавадзе.

Предисловие В.А. Солоухин.

Художник - Валерий Харламов.

Оформление - Экспериментальный центр графики „Сирин-89“.

Книга напечатана на бумаге, приобретенной на пожертвования графа Сергея Сергеевича Палена (Париж).

ISBN 5-85894-006-4

© «Рюрик» М. 1991 г.

Подписано в печать 30.07.1991 г. Формат 60х90/16. Объем 11. Опеч. л.
Тираж 65 тыс. Цена договорная. Зак. 518

Советско-Британское совместное предприятие РЮРИК Лтд

ПП „Чертановская типография“ Мосгорпечать
113545, Москва, Варшавское ш., 129а

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В нынешнее переломное для судеб нашей страны время, когда с наступлением гласности народ начинает получать доступ к собственной истории в ее неискаженном виде, отечественная леворадикальная пресса все еще не может избавиться от преступной глendenциозности в интерпретации причин, лежащих в основе глубочайшего и всестороннего кризиса, окончательно парализовавшего страну на пороге XXI века. Первый этап перестройки, ознаменовавшийся уничтожающей критикой сталинизма как единственного зла, ввергнувшего страну в пучину тоталитаризма и вытекающих из него бед, постепенно вышел на новый рубеж, с высоты которых непрегубежденному взгляду стало достаточно ясно, что сталинский тоталитаризм как по своей жестокости, так и по разрушительности, по существу ничем не отличается от тоталитаризма большевистского, кровью и террором насаждавшегося с первых же дней октябрьского переворота.

В настоящий момент борьба за общественное сознание переносится в сторону защиты идеи, в соответствии с которой корень нынешних бед заключается исключительно в насильственном крушении идеалов февральской революции, реализация которых якобы только и могла вывести Россию на путь социального и экономического процветания.

Для того, чтобы эта идея утвердилась в общественном сознании, необходимо, естественно, скрыть от него, что накануне навязанной России I мировой войны наша страна уже встала на этот самый путь социально-экономического прогресса и что надо было только мешать ему осуществляться теми грандиозными темпами, которые не только поражали мир, но и пугали его.

Именно эту правду стараются сегодня скрыть от одурманенного семидесятилетней целенаправленной ложью сознания советского человека те политические силы, которые крайне не заинтересованы в возрождении идеалов строительства национального дома на основе исторически сложившихся традиций и специфического опыта, накопленного россиянами за долгие века своего государственного бытия. Именно эта правда во всей своей полноте раскрывается в результатах глубоко продуманной и смелой реформаторской деятельности крупнейшего государственного деятеля и величайшего патриота России - Петра Аркадьевича Столыпина.

Сама его личность и неутомимая деятельность на благо страны все еще остаются в отечественной историографии изуродованными самой бесстыдной и откровенно беспардонной пропагандистской ложью. Известно, однако, что историческая правда в конце концов всегда торжествует победу. Не обойдет она стороной и столь крупную политическую фигуру, каким являлся П.А. Столыпин. Залогом тому - просыпающийся в нашем обществе интерес к его роли в государственной жизни предреволюционной России.

Настоящее издание ставит своей целью познакомить читателя с трагической историей убийства П.А. Столыпина и с некоторыми его публичными выступлениями, являющимися красноречивыми свидетельствами незаурядности его государственного ума и глубины его патриотических чувств и устремлений. В основу книги, помимо непосредственно самого текста речей П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете, положены исторические материалы, собранные скрупулезным трудом А. Серебренникова и опубликованные им в сборнике „Убийство Столыпина“ (издательство „Телекс“, 1989, Нью-Йорк), а также комментарии Ю. Фельштинского к составленной им книге „П.А. Столыпин. Речи (издательство „Телекс“, 1990, Нью-Йорк). Пользуясь случаем, мы выражаем нашим зарубежным исследователям-соотечественникам глубокую благодарность за столь самоотверженный труд в воссоздании истинного образа славного сына России - Петра Аркадьевича Столыпина.

З. М. Чавчавадзе

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша история. Наша боль.

В самом начале шестидесятых годов, во время не первой ли поездки в капиталистическую страну, меня пригласили в Лондон в русский клуб им. Пушкина. Русских эмигрантов хоть в Лондоне, хоть в Париже было тогда, тридцать лет назад, гораздо больше, чем теперь. Не помню уж в какой связи я, выступая, произнес имя Столыпина. По залу прошлептел недоуменно-одобрительный ропот. Как я узнал позже, председательница этого клуба написала в Париж своей сестре Софье Михайловне Зерновой: „Выступал у нас писатель из Москвы, сравнительно еще молодой, но представь себе - знает Столыпина!“. Эта рекомендация положила основу нашему знакомству с Софьей Михайловной, переросшему в дружбу. По делу не в этом, а в том, что одно только произнесение имени Столыпина (в положительном, разумеется, контексте), показалось в устах московского писателя едва ли не чудом. Да, по степени нетерпимости, по степени озлобленности со стороны лево-экстремистских революционеров можно смело судить о положительных качествах и о положительном значении для России того или иного государственного деятеля или просто патриота.

Ведь девизом их было: „Чем хуже, тем лучше“. А если перевернуть? Получится: „Чем лучше, тем хуже“.

Возьмите царствование Александра II, одного из просвещеннейших российских императоров, которого воспитывал Василий Андреевич Жуковский, откроем СЭС - Советский Энциклопедический Словарь, от тех нескольких строк, которые отпущены российскому императору, вест даже не равнодушным, не предвзятым, а враждебностью, если не хамством. Во всяком случае нескольким Александровым на соседней странице, а именно Александрову - композитору, организатору и руководителю ансамбля песни и пляски, Александрову - советскому инженеру, начальнику строительства Цимлянского гидроузла и Куйбышевгидростроя, заместителю министра энергетики и электрификации СССР, Александрову - кинорежиссеру („Веселые ребята“, „Цирк“, „Волга-Волга“), Александрову - автору оперетты „Свадьба в Малиновке“ - всем этим Александровым отпущено строк не меньше, чем российскому императору Александру II. Не упомянуто даже одно из главных его деяний - освобождение Болгарии от турецкого ига. И, напротив, на букву „Р“ (Русско-турецкая война) ни одним словом не упомянуто имя Александра II, как будто русские солдаты сами взяли да и пошли воевать против турок. Впрочем, что турецкая война! В 1961 году, когда исполнилось сто лет со дня отмены Крепостного права в России, ни одна (ни одна!) советская газета даже и не упомянула об этом событии. Тот же принцип: „Чем лучше, тем хуже“. Ведь отмена Крепостного права разряжала революционную обстановку в стране, как бы выбивала почву из-под ног революционеров-экстремистов.

Отметим, что на жизнь Александра II было совершено четыре покушения и только на пятый раз он был убит. Народовольцами - сообщает советская энциклопедия. Но если народовольцы, то почему же они не обрадовались тому, что крестьяне (а в то время народ и крестьяне - это были синонимы)

получили волю? Дело в том, что революционеры-экстремисты никогда всерьез о воле, о свободе народа не думали, а думали только власти для себя, что и показали десятилетия, в течение которых революционеры-экстремисты находятся у власти в захваченной ими стране. Отсюда и знаменитая, ставшая уже общеизвестной, даже крылатой, фраза, произнесенная Петром Аркадьевичем Столыпиным: „Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия“.

Петр Аркадьевич Столыпин - сын севастопольского героя генерал-адъютанта Столыпина от брака с княжной Горчаковой - родился в 1862 году, детство провел в имении Среднеково под Москвой. По окончании курса в С.-Петербургском университете в 1884 году он начал свою служебную деятельность... С этих фраз начинаются все биографии Петра Аркадьевича. Но биографисты скупы и кратки, ибо никакими особыми „внешними“ событиями жизнь Столыпина не изобиловала. Вся его жизнь была - служение отечеству, причем на самом высоком уровне: он возглавлял правительство Российской Империи, поэтому лучше взглянуть не на хроникальную сторону его жизни, а на оценку его как личности. Читаем: „Горячий приверженец порядка и законности, он шел прямым путем к скорейшему осуществлению нового уклада государственного строя. Просвещенный политик, экономист и юрист, крупный административный талант, он почти отказался от личной жизни и свою удивительную работоспособность, не знающую с утомлением, вложил в дело государственного успокоения и строительства... Как человек П. А. Столыпин отличался прямотою, искренностью и самоотверженной преданностью Государю и России. Он был чужд гордости и кичливости благодаря исключительно редким качествам своей уравновешенной натуры... Враг всяких неясностей, подозрений и гипотез, он чуждался интриганства и интриганов и мелкого политиканства. По своим политическим взглядам П. А. Столыпин не зависел от каких-либо партийных давлений и притязаний. Твердость, находчивость и высокий патриотизм были присущи его честной, открытой натуре. Столыпин особенно не терпел лжи, воровства, взяточничества и корысти и преследовал их беспощадно...

(Газета „Новое время“ 6 сентября 1911 г.)

Пушкин сказал: „Самые прочные преобразования суть те, которые происходят бескровным и мирным путем“.

В самом деле, как будто на протяжении веков не было в российском государстве революций, но разве мы не верим, что эпоха Петра отличалась от эпохи, скажем, Ивана Грозного, а эпоха Екатерины от эпохи Петра, а эпоха Александра II от эпохи Екатерины... Государство разбивалось, менялось, преобразовывалось, совершенствовалось, просвещалось, богатело, проходя иногда через короткие периоды смут и дворцовых переворотов, не затрагивавших, однако, глубинные, почвенные слои народа, основы его существования и, главное, не затрагивая генетического фонда народа, без этих стомиллионных жертв, без тотального ограбления, без чудовищного всеобщего насилия и порабощения.

Эпоха Столыпина, называемая эпохой великих реформ, и готовила Россию к новой ступени мирного и прочного развития, обновления и укрепления.

По принципу „Чем хуже, тем лучше, а чем лучше, тем хуже“, революционеры-экстремисты пылали лютой ненавистью к Столыпину как к государственному деятелю и реформатору, несшему государству и народу благососто-

яние, духовный и материальный расцвет. Столыпин говорил, что России нужно пятнадцать мирных лет и тогда она будет недосыгаема. И вот, если на Александра II было совершенно пять покушений и только на шестой раз он был убит взрывом бомбы, то на Столыпина было одиннадцать (одиннадцать!) покушений, пока наконец выстрелом из револьвера в Киеве в Оперном театре некий подонок Богров не прервал жизнь Петра Аркадьевича.

В годы, в десятилетия большевизма запрещалось даже упоминание имени Столыпина, кроме брани и ругани, поэтому понятно удивление эмигрантской русской аудиторией в Лондоне в 1963 году, когда заезжий московский литератор без обиняков назвал Столыпина славным патриотом и великим государственным деятелем.

В последние годы личность Столыпина и его деятельность все больше и больше привлекают к себе всеобщее внимание. И это вовсе не потому, что „разрешили“. Разрешили говорить, писать и публиковать - это правда, но важнее то, что люди стали думать, задумываться. Они в наше время, когда земля истощена, истерзана, зарастает сорняками, бурьяном, крапивой, а в лучшем случае Иван-Чаем, когда исчезли и продолжают исчезать с лица российской земли тысячи и тысячи деревень (800.000 пустых домов сейчас в деревнях и селах РСФСР, не считая тех, что уже снесены), когда произошло „раскрестьянивание“ России, когда сто миллионов гектар травостойных российских лугов заросли кустарником и „закочкавались“, когда земля отравлена химикатами или залита водохранилищами, когда пусты и магазинные прилавки и государственные закрома (хоть и не хотелось бы употреблять это хорошее русское слово в применении к такому государству), люди в это наше время стали задумываться: а что было бы с землей, с крестьянством, с ними самими, со всей Россией, если бы осуществились преобразования, намеченные Столыпиным и прерванные сначала пулей Богрова, а потом насильственным захватом власти в 1917 году?

Да что если бы вместо всех прогрозверсток и прогнозов, приводивших деревню к неоднократному тотальному голоду, людоедству и вымиранию, вместо всех крестьянских восстаний и их кровавого подавления, вместо насильственной коллективизации с выбросом на погибель в тайгу и тундру шести миллионов наиболее крепких крестьянских хозяйств, с полным обезлюдением деревни, а теперь и с обезлюдением ее, вместо страшного искусственно созданного голода в 1933 году на Кубани, на Украине, в Поволжье, что если бы вместо всех этих страшных бедствий просто и мирно была бы осуществлена в стране Столыпинская реформа?

Вообще-то говоря, это невозможно вообразить. Достаточно взглянуть на одну только, притом отсталую, российскую губернию, которая случайно осталась вне СССР. Я имею в виду Финляндию. Разве можно ее по уровню жизни, по общему всестороннему развитию, просто по внешнему виду, по цивилизованности сравнить с соседней Карелией или с соседней Ленинградской областью.

Невозможно вообразить, какой теперь была бы Россия. И не надо было бы мстаться в поисках выхода из тупика со всеми этими нелепыми арендами, семейными подрядами. Не надо было бы покупать хлеб за границей, не надо было бы решать никаких земледельческих проблем, они решались бы самими свободными, самостоятельными крестьянами, владеющими землей.

Путь, на который хотел повернуть крестьянство Столыпин, называют фермерским, а иногда датским. Ну, что же, был я однажды в Дании и попросил, чтобы меня отвезли на ферму, притом небольшую, так чтобы гектар на семь земли. Именно такие наделы были до колхозов в нашем селе Алепине. Мою просьбу уважили. Благоустроенный коттедж со всеми городскими удобствами. Муж и жена лет по тридцать, дочка школьница. Колесный трактор, лошадь, больше для верховых прогулок дочки, нежели для работы в поле. Два автомобиля - легковой и полугрузовичок, пикап. Вместе с фермером на этом пикапе мы ездили на фабрику комбикормов, где грузили бумажные мешки с кормом. И не было на эти корма никакого лимита, выданного облисполкомом. Бери ,сколько хочешь. Я спросил, как у них тут обстоит дело с кормами ближе к весне, когда у нас кормят коров веточным кормом и даже подвешивают на веревки, чтобы не падала от слабости. Оказывается земледельческая наука в Дании работает не над проблемой, чем накормить скот, а как заставить корову съесть лишний килограмм корма, ибо именно то, что она больше уж не может съесть, ограничивает надой, который не бывает меньше 5.000 литров в год. У нас за такие надои присваивали звание Героев Социалистического Труда.

Я узнал, что двое этих фермеров, тридцатилетние муж и жена, произвели и продали в прошлом году две тонны мяса, сорок три поросенка на бекон и две тонны сливочного масла, что, думаю, по силу не каждому нашему колхозу. О производительности на одних рабочих руках не приходится и говорить.

Столыпин говорил: „Настоящий прогресс земледелия может совершаться только в условиях личной земельной собственности, развивающей в собственнике сознание как права, так и обязанностей“... Земледелец, обладающий земельной собственностью, защитник порядка и опора общественного строя“.

Как это глубоко верно. Но ведь Столыпин занимался не только проблемами крестьянства и земледелия. Проблемы образования всеобщего, среднего и высшего, национальные проблемы, отношения с Польшей, Финляндией, железные дороги - все касалось правительства. Цель же была одна: „...исполнение моей программы рассчитано на много лет. Я горячо верю в блестящую будущность России. Впрочем, Россия и теперь велика, богата и сильна...“

Следовательно, стреляя в Столыпина, стреляли в Россию и в ее будущность.

Конечно, речи Столыпина, издаваемые этой книгой, имеют сейчас более исторический, нежели практический интерес. Но эта наша история, наша боль...

В.А. Солоухин

І. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.А. СТОЛЫПИНА.

1. Биография П.А.Столыпина.*

Петр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 г., детство провел в имении Средниково под Москвой. По окончании курса в С.-Петербургском университете в 1884 г. он начал свою служебную деятельность в министерстве внутренних дел, через два года причислился к департаменту земледелия и сельской промышленности министерства земледелия и государственных имуществ, в котором последовательно занимал различные должности и особенно интересовался сельскохозяйственным делом и землеустройством. Затем перешел на службу в министерство внутренних дел ковенским уездным предводителем дворянства и председателем ковенского съезда мировых посредников и в 1899 году был назначен ковенским губернским предводителем дворянства. Служба предводителем дворянства близко познакомила П. А. с местными нуждами, завоевала ему симпатии местного населения и дала административный опыт. В это время он был выбран почетным мировым судьей по писарскому и ковенскому судебномировым округам. В 1902 г. покойному было поручено исправление должности гродненского губернатора, через год он был назначен саратовским губернатором. Начало революционной смуты ему пришлось провести в должности губернатора в Саратове и принять решительные меры против революционной пропаганды и особенно по прекращению беспорядков в Балашовском уезде. В Саратове же он принимал живое участие в деятельности местных благотворительных учреждений. Местный отдел попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых избрал его в свои почетные члены. Когда в 1906 году совет министров во главе с графом С. Ю. Витте вышел в отставку и новый совет министров было поручено сформировать И. А. Горемыкину, покойному был предложен пост министра внутренних дел. С этого времени - 26 апреля 1906 г. - П. А. являлся до дня своей кончины действительным руководителем

* Журнал „Исторический вестник“, т. 126, октябрь 1911. Редакционная статья (без подписи).

министерства. После роспуска Первой думы покойному всемилостивейше повелено быть 8 июля 1906 г. председателем совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел. С этого момента началась талантливая государственная деятельность Столыпина, направленная на умиротворение России путем стойкой борьбы со своеволием и беззаконием и путем разработки и проведения в жизнь новых законов. Став во главе совета министров, П.А. сумел вдохнуть в деятельность совета единое дыхание, возратить государственной власти поколебленный престиж и укрепить его. Революционные партии террористов не могли примириться с назначением убежденного националиста и сторонника сильной государственной власти на пост премьер-министра, и 12 августа 1906 г. произвели покушение на его жизнь взрывом министерской дачи на Аптекарском острове. Было убито 27, ранено 32 лица (в их числе тяжело пострадала дочь и ранен малолетний сын Столыпина), но П.А. остался невредимым. Провидение сохранило его жизнь, и покойный с прежней энергией и увлечением отдался всецело государственной деятельности. Горячий приверженец порядка и законности, он шел прямым путем к скорейшему осуществлению нового уклада государственного строя согласно высочайшим предначертаниям. Просвещенный политик, экономист и юрист, крупный административный талант, он почти отказался от личной жизни и свою удивительную работоспособность, незнакомую с утомлением, вложил в дело государственного успокоения и строительства. Только летом, и то на самое непродолжительное время, он позволял себе отдых, уезжая преимущественно в свое имение, но и там не переставал давать направление правительственному механизму государства. Заболев весной 1909 г. крупозным воспалением легких, он согласился покинуть Петербург только по настойчивым требованиям врачей и провел в Крыму около месяца. Наибольшее время П.А. посвящал руководительству и председательству в совете министров, созывавшемуся не менее двух раз в неделю, и в разного рода совещаниях по текущим делам и вопросам законодательства. Заседания эти часто затягивались до утра. Утренние доклады и дневные приемы чередовались у него с личным внимательным просмотром текущих дел, просмотром русских и иностранных газет и тщательным изучением новейших книг, посвященных особенно вопросам государственного права. Неоднократно он, как председатель совета министров, выступал в Государственной думе и Государственном совете защитником правительственных проектов. Он всегда являлся блестящим оратором, говорил вдохновенно, сжато и

дельно, развивая мастерски и ярко руководящие положения законопроекта или давая ответы и объяснения по различного рода запросам о действиях правительства. В 1909 г. покойный присутствовал при свидании Государя Императора с германским императором в финляндских шхерах. В разное время он совершил несколько поездок по России, знакомясь с результатами землеустроительных работ и с работами по хуторскому и отрубному разверстанию. Немало он приложил также стараний к улучшению водоснабжения в Петербурге и к прекращению холерной эпидемии. Государственные заслуги покойного были отмечены в короткое время целым рядом царских наград. Помимо нескольких высочайших рескриптов с выражением признательности, П. А. был пожалован в 1906 г. в гофмейстеры, 1-го января 1907 г. назначен членом Государственного совета, в 1908 г. - статс-секретарем.

Как человек, покойный отличался прямодушием, искренностью и самоотверженною преданностью государю и России. Он был чужд гордости и кичливости, благодаря исключительно редким качествам своей уравновешенной натуры. Он всегда относился с уважением к чужим мнениям и внимательно к своим подчиненным и их нуждам. Враг всяких неясностей, подозрений и гипотез, он чуждался интриганства и интриганов и мелкого политиканства. По своим политическим взглядам П. А. не зависел от каких-либо партийных давлений и притязаний. Твердость, настойчивость, находчивость и высокий патриотизм были присущи его честной, открытой натуре. П. А. особенно не терпел лжи, воровства, взяточничества и корысти и преследовал их беспощадно; в этом отношении он был горячий сторонник сенаторских ревизий.

Покойный был женат на дочери почетного опекуна О. Б. Нейдгарт, имел пять дочерей и сына.

Таковы достоверные и правильно освещенные газетные биографические сведения о почившем, позволяющие нам обозреть общие черты его характера и жизненной деятельности сначала в провинции, а затем во главе правительственной власти. Обращаясь к частностям, мы прежде всего должны отметить те необычайные условия, среди которых так быстро и рельефно выступила на фоне русской жизни фигура недавнего саратовского губернатора, тогда еще мало знакомого бюрократическому, светскому и общественному Петербургу.

У всех в памяти буйный состав Первой государственной думы с ее „товарищескими выступлениями“, знаменитым Выборгским воз-

званием и полным нежеланием перейти от хлестких и революционных речей к тому практическому делу, ради которого было призвано народное представительство и которого так страстно ожидала от него застоявшаяся в нужных ей поступательных реформах Россия. С первого же дня заседания нашего молодого парламента можно было достаточно ясно убедиться, что он не пригоден к той роли, которая ему была предназначена, и через несколько месяцев непрерывных столкновений с представителями власти его вынуждены были распустить. Следующий состав Государственной думы пытался занять ту же позицию, что и Дума первого призыва, и стране угрожала опасность, что вся деятельность г.г. депутатов сведется к систематической оппозиции правительству, исключительной критике и резким выступлениям, при каковой политике действия совершенно парализовалась та программа, которая достаточно определенно была высказана в высочайшем манифесте по случаю роспуска Первой думы.

На этот призыв к миру и деятельной работе депутаты второго призыва ответили с первого же заседания выступлениями по примеру своих недавних предшественников. Когда П. А. Столыпин, облеченный к тому времени властью председателя совета министров, прочел свою декларацию в заседании 6-го марта 1907 г., ему посыпались возражения и сделана была попытка подорвать авторитет правительства. Вот на эти-то попытки и ответил Столыпин своей знаменитой, отныне исторической, речью, которая сразу очертила его боевую, наступательную на революцию позицию и создала из него тот оплот силы, власти и законности, которые до того отсутствовали и которые возвращали правительству его авторитет у населения. Этой речью он сразу поднялся над всею Думою и явил собою того истинного „богатыря мысли и дела“, о котором упомянуто в манифесте.

Столыпин сказал следующее:

„Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдал себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду.

„Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявить: это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной думе волею монарха не дано право выражения правительству неодобрения, порицания или недоверия. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы предполагать, что люди, которым вручена была власть во время великого исторического перелома, во время неустройства всех законодательных государственных устройств, чтобы люди, сознающие всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали тяжести взятой на себя ответственности. Но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы, от царской резиденции, волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространились крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстаивать то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов. В то время правительство задалось целью - сохранить те заветы, те устои, начала которых были положены в основу реформ императора Николая II. Борясь исключительными средствами и в исключительное время, правительство ввело и привело страну во Вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут, волею монарха, нет ни судей, ни обвиняемых, что эти скамьи (показывает на места министров) не скамьи подсудимых - это место правительства.

„За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не к взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и все, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести здесь свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более, я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-

либо злоупотреблений.

В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к словам, обращенным к власти: „руки вверх“. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: не запугаете.“

Эта историческая речь создала сразу имя Столыпину, и фраза „не запугаете“ была тем сигналом, которым было объявлено населению, что наступил конец параличного состояния государственной власти, что она возвращается к своей ответственной обязанности и готова без страха и трепета встретить напущенных внутренних врагов. Гипноз страха, малодушия и слабости отныне как бы покинули стоявших у кормила русского государственного корабля, и явился лишь вопрос, каков будет курс этого корабля и поскольку кормчий будет в силах и состоянии твердо держаться намеченного курса. Как и можно было ожидать, Вторая государственная дума, поставившая себе, по словам некоторых ее представителей, главной задачей „осаду власти“, не могла и по существу этой задачи, и по методам ее выполнения, удовлетворить требованиям премьер-министра: работа законодательная в ней не продвигалась, и она утонула в словоизвержениях известного пошиба, доставшихся ей по наследству от ее предшественницы. Оказалась она в некоторых своих частях родственной и с революционными элементами населения. Роспуск ее совершился, а дабы и Третья дума не оказалась в законодательном противодействии правительству, по инициативе Петра Аркадьевича, выборный закон был изменен в смысле дачи большого значения элементам сословным и национальным, благодаря чему депутаты являлись как бы более ответственными перед пославшими их и дабы последним был облегчен правильный способ избирательства более сознательных элементов в Думу. Этим законом Столыпин создал Третью думу, с которой, хотя и не без некоторых трений порою, ему и удалось провести законные циклы сессий.

Если Столыпин сразу после своей исторической речи 6-го марта

1907 года завоевал симпатии думского большинства, то с течением времени эта симпатия - и общественная, и отчасти личная - стала как будто несколько бледнеть и слабеть. Это ослабление достигло значительных размеров к началу текущего года, и против него образовались своего рода неприязненные блоки, где в трогательном единодушии, достойном лучшей доли, сошлись элементы крайней правой и крайней левой и даже с участием здесь еще вчерашних умеренных политических друзей. Такого рода блоки образовались как в стенах Таврического дворца, так и дворца Мариинского, в Государственном совете, этой нашей верхней палате. Если оппозиция премьер-министру в кругах Государственной думы не могла вызвать особого удивления, то оппозиция верхней палаты достойна внимания и тем более, что исходила она из такого центра, откуда ее менее всего было ожидать. Оппозиция П. А. Столыпина слева обосновывалась теми соображениями, что он слишком будто бы консервативен и национален, оппозиция справа находила его слишком либеральным, конституционным и уступчивым. Вот и извольте тут разобраться! Любопытнее всего то, что противодействие, опирающееся на соображения второй категории, как теперь выясняется, было не столько действием политического порядка, сколько исходило из соображений личной неприязни, на каком-то чувстве сошлись как алчущие власти, так и потерпевшие крушение в своей еще недавней блестящей карьере. В походе против Столыпина немалую роль сыграли, между прочим, граф С. Ю. Витте и П. Н. Дурново.

В первый раз кампания правых против Столыпина должна была проявиться на преобразовании русской миссии при японском правительстве в посольстве. Правые хотели подчеркнуть в этом акте покушение „революционного Столыпина“ на прерогативы монарха, который должен был провести это помимо Думы. Затем решено было оставить этот повод и ожидать более удобного случая. Случай нашелся в штатах морского министерства. Когда эти штаты, пройдя через Думу и Государственный совет, не удостоились высшего утверждения. Столыпин подал в отставку. Третье столкновение Столыпина с этой компанией было в вопросе о введении земства в западных губерниях. Оппозиция в стенах Мариинского дворца была поддерживаема союзом русского народа и дворянской организацией, ставшими в неприязненное отношение к Петру Аркадьевичу за его нежелание признавать руководящее значение этих общественных групп и стремление вводить эти группы в рамки законности, согласно началам, положенным в основу реформированного строя.

Мы не станем восстанавливать здесь всей хроники недавних событий и, если отмечаем ее здесь в общих чертах, то чтобы показать, поскольку трудно было положение Петра Аркадьевича в его борьбе на два фронта и в особенности по отношению справа, где каждый раз пускались в оборот такие опасные соображения, как желание якобы главы совета министров умалить прерогативы верховной власти. Быть может, в силу именно такой опасности покойный сановник и вынужден был пускаться в ход экстраординарные меры, без наличия которых невозможно было отстаивать государственные мероприятия, неотложные в своем проведении.

Если оппозиция справа связывала в значительной мере его руки в борьбе за создание и упрочение в России нового строя, то немало палок в его рабочие колеса было вставлено и слева, причем агитация его мероприятиям велась всегда чрезвычайно последовательно, безостановочно и довольно даже искусно. Но если с этой оппозицией были в его распоряжении как никак средства борьбы, легко почерпаемые из особенностей его психики, индивидуальности и дарования, то труднее дело было там, где борьба не всегда зависела от него лично. Мы разумеем в данном случае не область думской и советской борьбы, а область революционную, которая не могла простить Столыпину его мужества, с которым он гордо поднял брошенную правительству революционную перчатку. Для революции он был особенно опасен, опасен и своим мужеством, и той позицией, которую он занял в качестве представителя мирной русской прогрессивной эволюции, в нормах, преподанных ему высочайшими манифестами. Он не лукавил с последними, не старался их использовать по своему личному политическому усмотрению, а действовал, как министр-реформатор, поставленный на свой пост царем-реформатором. Такого рода политика действий неминуемо должна была привести к недалекому замирению России, приведению ее в политическую норму, а отсюда к ее культурному росту, благополучию и мощи, что никогда не входило и не входит в революционные программы, так как этим самым их аннулирует, с одной стороны, и, с другой - не соответствует интересам инородческим и иноземным, играющим в тех программах всегда, хотя и скрытую, видную роль. Революция, не желавшая сложить свое оружие перед Столыпиным и чувствуя в нем силу победителя, направила свою решительную деятельность против него лично, и вот последовал известный взрыв его гачи на Антекарском острове, где оказались в числе многих жертв взрыва пострадавшими его дочь и сын. В общей сложности убитыми оказалось 27 человек и 32 человека

ранеными. Силою взрыва от брошенной бомбы разворочены были прихожая, дежурная комната и следующая за нею приемная, а также разрушен подъезд, снесен балкон второго этажа, опрокинуты выходящие в сад деревянные стены первого и второго этажей. Сила страшного взрыва была такова, что частями разрушенных стен и выброшенных из дома предметов мебелировки, а также мелкими осколками стекла, раздробленными почти в крупу, была обсыпана вся набережная перед гачей. Трупы убитых, вырытые работающими пожарными и солдатами, оказались большей частью с оборванными частями тела, многие имели вид бесформенного мяса, без голов, рук и ног.

Событие на Аптекарском острове не привело к результатам, намеченным революционерами и косвенно ожидаемым левыми группами. Столыпин остался невредим, проявил во все течение события того дня удивительное благородное мужество и самообладание и, конечно, сохранил свою историческую служебную роль России. На этот раз дело у врагов Столыпина не вышло, сорвалось, как срывалось и все прочие на него натиски вплоть до катастрофы 1-го сентября текущего года. Таким образом, мы видим нашего председателя совета министров на всем протяжении его кипучей деятельности в пользу обновления и умиротворения России в состоянии постоянного боевого напряжения и борющимися и направо и налево, как силою своего удивительного ораторского таланта, так порою искусной мирной политикой, а в другие поры - политикой решительных резких действий. При всех коллизиях он сравнительно удачно выходит из трудных положений, но это требует от него громадного напряжения сил и непрерывного делового круговращения, благодаря чему он и ставит все общество, все законодательные и исполнительные учреждения, всю Россию в такое же вращение, как-то поспевая самолично входить всюду своим импульсом, своей инициативой и контролем. При этом общие основные положения его политики действий остаются неизменными. Беседуя с одним представителем иностранной прессы, он так формулирует эту политику, насколько она отражается на современном состоянии России:

„Все заботы правительства направлены к проведению в жизнь прогрессивных реформ. Неустанное развитие городов идет об руку с экономическим подъемом сельской и деревенской жизни. Правительство содействует проникновению в сознание широких народных масс той великой истины, что единственно в труде народ может обрести спасение.

„В центре забот правительства стоит преуспевание институ-

та мелкой земельной собственности. Настоящий прогресс земледелия может совершаться только в условиях личной земельной собственности, развивающей в собственнике сознание как права, так и обязанностей. Наши усилия в этом направлении не пропадают даром. В России все трудятся, и если в Петербурге есть люди, немного занимающиеся политикой и критикующие земельную политику правительства, то в общем преобладает настроенное бодрого оптимизма и веры в будущее. Земледелец, обладающий земельной собственностью, защитник порядка и опора общественного строя.

„Легко сказать: „дайте стране все свободы“. И я говорю: надо дать свободы, но при этом добавлю, что предварительно нужно создать граждан и сделать народ достойным свободы, которые Государь соизволит дать. Поэтому исполнение моей программы рассчитано на много лет. Я горячо верю в блестящую будущность России. Впрочем, Россия и теперь велика, богата и сильна...“

Коснувшись в одной из своих гумских речей нашей внутренней политики в ее карательных частях, он говорил: „Для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом. Вся наша полицейская система, весь труд и сила, затрачиваемые на борьбу с разъедающей язвой революции, - конечно, не цель, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что были попытки и в законодательное учреждение бросать бомбы! А там, где аргумент - бомба, там, конечно, естественный ответ - беспощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, не облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой. Ведь изнеможенное, изболевшееся народное дело требует укрепления; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это с низов. И тогда, конечно, сами собою отпадут и исключительные положения, и исключительные кары. Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой. Путь к исцелению России указан с высоты престола, - и на вас лежит огромный труд выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это случится

тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере, в главных очертаниях, здание обновленной, свободной, - свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия,- преданной, как один человек своему государю России, и время это, господает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда.“

Нельзя не сознаться, что работа при таких условиях была не из легких, и можно только удивляться его всепоглощающей энергии, которая позволила ему в короткий пятилетний срок его премьерства достигнуть таких значительных относительно результатов, принимая при этом в расчет нашу общую способность за все скоро и энергично браться и так же скоро остывать и переходить в расслабленное состояние бездеятельности и знаменитого „авось“. Столыпин ни этой бездеятельности, ни этого „авось“ не терпел и, горя сам в работе и кипя законопроектами, побуждал все окружающее, не исключая и наших законосовещательных учреждений, работать не покладая рук и быть постоянно начеку нужд России.

„Кипя, волнуясь и спеша“, Петр Аркадьевич, однако, ясно сознавал, что он - лицо, пожертвованное благу реформированной России. Уходя из дому, он, по его словам, никогда не был уверен, что вернется цел и невредим, и всегда чувствовал себя под Дамокловым мечом опасности. Вопрос сводился только к тому: когда и где пробьет его последний час. День 12-го августа 1907 г. прошел для него лично благополучно, но четыре года спустя враги его справили свое торжество над ним.

2. Убийство П. А. Столыпина в Киеве.

1 сентября в 9 часов вечера начался в городском театре, в Высочайшем присутствии, парадный спектакль. В 11.30, в антракте, после второго акта, П. А. Столыпин, сидевший в первом ряду близ Государевой ложи, поднялся с места и стал спиной к сцене, разговаривая с подходившими к нему лицами. Вдруг раздались в зале один за другим два выстрела... Раненный двумя пулями Столыпин сохранил присутствие духа. Он осенил крестным знамением себя и царскую ложу, в которой стоял Государь, после чего мертвенно бледный, стал падать.

После консилиума в больнице доктора Маковского, куда был перенесен Петр Аркадьевич, у всех явилась надежда, что спасение его

Возможно. От мгновенной смерти спас крест Св. Владимира, в который попала пуля и, раздробив который, изменила прямое направление в сердце. Этой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень. Другую пулей насквозь пронизана кисть левой руки. 4-го сентября произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья, а 5-го сентября, в 10 часов 12 минут вечера, Столыпина не стало...

Когда-то он сказал: „Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец угадается“.

Смерть действительно прервала на полном ходу деятельность Столыпина. Унесла его в могилу, не дав закончить предпринятый им гигантский труд, задачу, в которую верил он всю жизнь.

Им было сказано когда-то : „Итак, на очереди главная наша задача - укрепить низы. В них вся сила страны. Их более 100 миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте - и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед целым миром... Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа - вот девиз для нас всех, русских!

Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России“.

3. Памяти П.А. Столыпина

...Мое первое знакомство с П. А. произошло в Государственной думе 3-го созыва, вскоре после ее открытия. Он часто бывал там, чутко прислушиваясь к мыслям и настроениям народных представителей. Наша первая встреча была очень краткой: весь разговор заключался в нескольких отрывочных фразах, какими обыкновенно меняются люди, впервые говорящие между собой. Это был ноябрь 1907 года. В последующее время мне чаще приходилось встречать П. А. и беседовать с ним на политические темы. Многие из них, как частные беседы, я считал неподлежащими огласки. Но теперь, когда личность покойного перешла в историю, не будет нескромным огла-

силь кое-что из них.

В конце 1907 года еще живы были в памяти трагические события на Аптекарском острове, унесшие десятки жизней, коснувшиеся семьи П. А. и чудом пощадившие его самого. После них П. А. берегли; считали необходимым человеком для России; ему отведено было помещение во дворце; многочисленные наряды стражи и чиновников заграждали доступ в его кабинет. Как жаль, что эта заботливость так быстро истощилась!.. Сам П. А. жил чрезвычайно просто; его рабочий кабинет помещался во втором этаже, как раз над крайним подъездом дворца в сторону Эрмитажа, на Дворцовой площади. Это был обширный зал, ничем не напоминавший кабинет государственного деятеля. У одной из его стен стоял большой диван, над ним телефон. „Днем можете садиться на диван; ночью - это моя постель“, - сказал П. А., шутливо улыбаясь.

День Г. А., если он не выезжал, был всегда одинаков. С одиннадцати часов утра начинались доклады и прием должностных лиц и продолжались до завтрака. С трех часов прием посетителей до 6 час., с 6 час. прогулка на воздухе; в 7 час. обед. С 8 час. работа, иногда экстренные приемы, и так до 3 час. ночи. Сам П. А. бывал лишь в Государственной думе, Государственном совете или с обязательными докладами у ГОСУДАРЯ. Зная, какими опасностями грозил каждый выезд его, все охотно посещали его в его тогдашней резиденции.

А. И. Гучков, знакомый еще до созыва 3-й Думы с П. А. и пользовавшийся его большими симпатиями, как-то передал мне его приглашение. Поводом к нему послужило избрание меня докладчиком в Государственной думе по реформе местного суда. П. А. очень симпатизировал этой реформе и хотел ускорить прохождение ее в Государственной думе. С этого и укрепилось наше первое деловое знакомство с покойным.

„Меня очень порадовало, - начал он, - внимание Госуд. думы к реформе местного суда. В ряду предполагаемых реформ ей принадлежит, несомненно, очень крупное место. Пока у нас не будет аппарата, твердо применяющего законы, издание их явит бессцельную работу. Реформу местного суда, его нормальное устройство правительство кладет в основу всех новых прогрессивных реформ. Как полагаете: сколько времени займет прохождение ее в комиссии? Нельзя ли сделать возможное для ускорения ее?“

Дальнейший разговор касался подробностей законопроекта и скоро перешел на общие вопросы думской жизни. П. А. тревожила одна тема, тогда поднимавшаяся в Государственной думе: шли разговоры

о реформе государственного банка.

- Меня беспокоят толки эти, - сказал П. А., - мне не кажутся необходимыми какие-либо перемены там. Между тем, в них большая угроза: мы можем потерять В. Н. Коковцева. При реорганизации государственного банка он не останется на своем посту, а вы понимаете, как он нужен правительству с его огромным опытом, знаниями, широкой эрудицией. Мы не можем потерять его...

Позже мне приходилось бывать у П. А. довольно часто. Иногда я приезжал один; чаще вместе с А. И. Гучковым, так как целью визитов были собеседования на общие вопросы, занимавшие Гос. думу, правительство, прессу. К последней П. А. относился с редким благодушием, терпеливостью, близкими иногда к индифферентизму. Его принцип был таков, что держащий власть подлежит критике и публичной оценке, лишь бы это был суд над его политической деятельностью и выражающими ее взглядами, а не мелкая травля, злостная болтовня, носящая характер хулиганства. Критику и недовольство лично им он выслушивал спокойно и терпеливо.

О себе, особенностях своей работы он говорил так: „Мне дается не легко государственная работа. Иной раз она подавляет своим разнообразием: бездна вопросов, идей, какими необходимо овладеть, чтобы справиться с нею. Я работаю обыкновенно так: читаю документы, книги, справки, веду беседы. Усвоив предмет, я прислушивалось к самому себе, к мыслям, настроениям, назревшим во мне и коснувшимся моей совести. Они-то и слагают мое окончательное мнение, которое я и стремлюсь провести в жизнь. Поэтому, я нередко затрудняюсь решать что-нибудь сразу, недостаточно вникнув, ибо имею обычай по подписанным мною вексялям неуклонно платить...“

Последнее качество было основной чертой его характера. Правдивый везде и всегда, П. А. или молчал, когда затруднялся ответить, или отклонял немедленный ответ. Но однажды убедившись, он давал слово, и оно было непоколебимой святыней его совести. Вся натура его была прямолинейная и героическая. Он не знал двойственности, лукавства, утонченной дипломатии.

- Не гожусь я ко многому, - говорил П. А. - Не труды или борьба смущают меня, а атмосфера, окружающая нередко государственных деятелей, разбивающая их энергию или требующая уступок внутри себя.

И, действительно, пока жизнь являла угрозы, пока трепетали перед ее взрывами, его могучая личность, полная энергии и героизма, казалась необходимой и вызывала восторг и преклонение.

Любимой из тем П. А. были разговоры о Госуд. думе, ее упрочении, работах, планах будущего и ощущаемых неудобствах в ней.

Помню начало апреля 1908 г, когда П. А. приехал в Думу, встревоженный уходом одновременно нескольких серьезных депутатов, и попросил меня зайти к себе в кабинет.

- Как вы объясните себе, - начинает П. А., - уход стольких достойных лиц из членов Государственной думы?

- Очень просто,- отвечаю я. - Многие не в состоянии жить на десятирублевые diety. В провинции на местах у них семья; здесь - столичная жизнь. Во время сессии за день активной думской работы депутаты еще кое-что получают, а с лета, почти в течение полгода, остаются без всяких средств. Просто жить нечем. Знаю таких членов Думы, которые получаемые за день работы 10 руб. отсылают семье, а сами живут сторонним заработком, вроде литературной работы. Дает она - гроши. Можно жертвовать собой, своими силами, но не семьей и ее участью.

Вероятно, с таким же вопросом П. А. обращался и к другим депутатам. Если в задачи нового избирательного закона входило призвать реальных работников, а не политиканствующих доктринеров, то, конечно, задуманная идея первое время была плохо выполнена. Многие из положительных работников Госуд. думы жили своим заработком на местах: взятые с мест, они оказались среди больших финансовых затруднений, располагая заработком всего в 2000 руб. в год. Занятия политикой при таких условиях являлись доступными: или людям богатым, или людям очень бедным, дорожившим и этой суммой, что в одинаковой степени было нежелательно, устраняя главный, наиболее способный к работе элемент среди депутатов.

Вскоре после этой беседы правительство внесло закон о вознаграждении депутатов 4200 руб. в год; закон прошел в обеих палатах без возражений и был принят к исполнению одинаково членами всех фракций - правых, левых и крайних левых.

Без колебаний можно сказать, что из среды членов тогдашнего правительства П. А. был человеком, наиболее и вполне искренно расположенным к народному представительству. Как жизненный тип, П. А. во что верил, то уже верил искренно и глубоко, что любил-любил горячо и неуклонно. Дума 3-го созыва как бы являлась духовным детищем его души. Он дошел до убеждения, что народное представительство необходимо для блага России; и никто и ничто не могли ни поколебать, ни переубедить его. Я не хочу этим сказать, что он присваивал русскому народному представительству всерешающую

роль в народной жизни. Нет, он лишь отводил ему свою сферу, свой круг. В минуты искренних, оживленных бесед вот как высказывался он о роли народного представительства в России:

- Мы не сойдемся с вами в этом вопросе. Я не сторонник чистого народоправия. Скажу откровенно - я убежденный монархист. Народное представительство наше - только выразитель части народа, созревшей для политической жизни. Мой идеал - представительная монархия. В таких громадных государствах, как Россия, многие вообще не подготовлены к политической жизни и требованиям, выдвигаемым ею. Примирить же взаимные интересы в стране - моральные, экономические, духовные - может своим авторитетом во многих случаях только Монарх...

Это несколько не умаляло его добрых чувств и полных симпатий к Государственной думе.

- Сначала насадим, а там будущее покажет, - говорил он, - суждено ли возрасти русскому народному представительству, подняться до высоты или расплзтись вширь, а то и вообще не найти почвы для своей жизни. Но что в правящем государственном механизме - необходимейшей его составной частью П. А. считал народное представительство, - это он открыто говорил и доказывал своими действиями. Он не создавал из представительного строя кумира. Но он искренно и убежденно считал его необходимым фактором нормальной государственной жизни. Впрочем, преклонение перед чем-либо и падение ниц не были и вообще свойством его характера. Все решающим элементом в его жизни были только его убеждения, его совесть. Опираясь на них, он бестрепетно шел вперед. Отсюда - его смелость, его всегдашняя готовность к встрече с противником, где бы и к то бы он ни был.

Высокие жизненные типы познаются в дни тяжелых житейских испытаний. Были такие дни у П. А.: период первых его несогласий и намерение уйти от власти - в апреле 1909 г. Возвратившись из Крыма, П. А. беседовал с рядом симпатичных ему политических деятелей по поводу своего ухода. Эти беседы поражали всех своей спокойной величавостью. Ни капли горечи, ни слова недовольства, жалоб, - только будущее великой державы занимало его, владело его думами, сердечным настроением.

В этих беседах, как нигде, выступали возвышенные, благороднейшие стороны его души: ни слова о себе, о своих несбывшихся ожиданиях и планах. Только одно - неясное будущее русской жизни - волновало его. Как это ни странно, лишь немногие понимали тогда,

что уход подобных людей - не случайный кризис в бюрократическом механизме, а событие исторической важности, надлом огромной руководящей силы, творившей эпоху в истории русской жизни.

Дважды предполагавшийся уход П. А. в период 3-й Госуд. думы из рядов правительства знаменателен двумя эпизодами: рескриптом на его имя, где были сказаны при обращении к нему слова, исполненные огромного значения для народного представительства. Вот их текст:

„Вся деятельность состоящая под председательством вашим Советом Министров, заслуживающая полного Моего одобрения и направленная к укреплению основных начал незыблемо установленного Мною государственного строя, служит Мне речательством успешного выполнения вами и настоящего Моего поручения, согласно Моим преуказаниям“. („Прав. Вестник“, 28 Апр. 1909 г.)

Нужно помнить, что в милостивых рескриптах обыкновенно выражаются доверие и сочувствие к мыслям и идеям того, кому адресован рескрипт. Толкователи рескрипта так и понимали его, как выражение сочувствия к народному представительству со стороны Монарха и одобрения политики П. А. Столыпина.

Не раз П. А. говорил:

- Правительство не поступится ни одной из прерогатив Монарха, но и не посягнет ни на какую частицу прав, принадлежащих народному представительству, в силу основных законов Империи.

Подробности и мотив вторичной просьбы П. А. об отставке хорошо памятли всем. Это был конфликт с Государственным советом. Распря эта явила собой как бы разлад внутри самого правительства. Под благовидным предлогом - прав верхней палаты не соглашаться с намерениями правительственных законопроектов - была сделана для многих довольно прозрачная попытка нанести удар прогрессивной политике правительства в лице главы его П. А. Столыпина. Чуткий и горячий по натуре, П. А. смело принял сделанный ему вызов. Его диагноз политического момента был таков: само правительство насадило в Госуд. совете бывших у власти чиновников, мечтающих о возврате к ней и готовых на каждом шагу завязать борьбу с правительством, прикрываясь преданностью Монарху и охранением государственных основ. Теперь наступление на правительство шло не снизу, не из среды народа, а сверху, из недр самого правительства. Сам по себе закон о введении земства в западных губерниях, отклоненный Государственным советом, был в высокой степени симпатичен и вполне справедлив. Столыпин воспылил гневом убежденного в своей правоте человека. Эту вспышку ставили ему в

вину: применение 87 ст. Осн. Зак., в глазах многих, сочтено было чуть не за заговор Катилины и сразу создало ему массу врагов. Но Столыпина не страшала вражда в деле, где он был убежден в своей правоте. В боевых вопросах воля его была несокрушима. За него были примеры Запада, где во имя общего блага не раз применялись подобные исключительные меры и приемы. Этим моментом ловко воспользовались его враги, ставшие якобы на защиту народного представительства, которому, в действительности, никто тогда не грозил. Выступил и Государственный совет с выражением своих симпатий к молодому народному представительству. В этом усмотрели доброе предзнаменование для будущей совместной работы. Сбылось ли оно?

И во внешней политике яркая фигура П. А. нашла выражение. При нем был заключен союз с Англией. В противовес ранее существовавшему тройственному союзу был образован новый союз: Россия - Англия - Франция. Все предвещало величие России в этом триумфальном союзе. Россия имела огромную континентальную армию; у Англии был лучший в мире флот, у Франции - огромные денежные ресурсы. Тогда мы не имели еще больших золотых запасов. В политическом такте П. А. Столыпина была одна ценная черта. Он никогда не поддавался впечатлениям минуты, отдельного эпизода, какими бы захватывающими подробностями они не были полны. Он жил широкими горизонтами; никогда будущее не ускользало от его напряженного взора. Он старался объять вещи со всех своих, особенно угрожающих России подробностях. В этом видели подозрительность, преувеличенные опасения сего стороны. Для истинного политического деятеля такой упрек едва ли был уместен. Кто не умеет угадывать, иной раз предчувствовать будущее, тому лучше не браться за роль руководителя. Лучший политик умело ведет за собой события, а не ждет, пока они нагрянут на него. Если во внутренней политике уместно честное обращение к прошлому, психологии народной жизни, ее былым историческим укладам, то во внешней - взор истинного политического деятеля должен проникновенно стремиться к будущему, к распознаванию грядущих событий, какими грозит оно. Вовремя заключенный союз не редко то же, что предупрежденная война; вовремя разгаданный враг - обеспеченная победа. Так говорит история, голос которой всегда мудрее самодовольных филистеров и политических фантазеров.

Описывая политическую деятельность П. А., необходимо коснуться его отношений к „аграрному вопросу“. В дни смут вопрос этот стоял кровавым призраком в русской жизни. Знаменитые „ил-

аккумуляции" со всею силою отражали его. Речь о принудительном отчуждении земли была у всех на языке, входила во все программы левых, увлекавших ими фантазию народа. Правительство не могло оставаться безмолвным к этому тревожному вопросу. П. А. объявил себя сторонником мелкой частной земельной собственности и раскрепощения крестьянства от оков общины. Закон этот доставил ему большую славу. Он внес примирение в данный боевой вопрос и был встречен вполне сочувственно среди народа. Живя отдельными группами, народ, тем не менее, основным укладом жизни считает индивидуальную собственность. Он желал увеличения землевладения, но вовсе не на социалистических началах при осуществлении его. Идея земельных выделов и земельного обладания на праве полной собственности - вне зависимости от общины - была дорого ему, и он радостно воспринял ее везде, где земля имела цену, и где трудом над ней занимаются крестьяне. Такая позиция П. А. сразу побудила левые элементы переменить свой недавний фронт. Вчерашние враги общины, сторонники раскрепощения от нее, сегодня стали горячими сторонниками той же общины. Да, правду сказать, при тогдашних обстоятельствах, базировавшихся на смуте и бунтах, такой поворот был вполне понятен. Община была как раз им с руки, а земельная свобода крестьянина и независимость от общины могли и подождать. Если когда-то военные цели были одним из мотивов для общинных группировок, то теперь иные боевые цели находили в них отличную для себя почву - и левые элементы обрушились с упреками на П. А., говоря: его цель не землеустройство, а создание класса мелких собственников, всегда тяготеющих к империализму и, добавим от себя, к законности и порядку в стране. Пример Франции в дни после великой революции как бы оправдывал их догадку. Оппоненты не хотели считаться с рядом других побудительных причин: психологией народа, тяготеющего к личной, а не общинной собственности, законом о выкупе, провозглашавшем индивидуальную собственность по окончании выкупа, как раз тогда наступившем. Живя в общине, крестьянин перестает надеяться на себя; раб ее - он начинает терять индивидуальные черты личности, подчиняется рутине, перестает дорожить собственностью, заботиться о благоустройстве ее, окруженный какими-то семейно-опекунскими началами. Была и другая мысль у П. А.: не видел он залога народного благополучия только в увеличении размеров крестьянского землевладения, а и в интенсивности у крестьян земельной культуры. Отсюда - широкое развитие агрономических мероприятий и крупные государственные траты на них.

Аграрная реформа была первой работой Госуд. думы 3-го созыва, согласившейся с принципиальными положениями аграрной политики П. А. Новый закон внес умиротворение в земельный вопрос и показал, что с правительством возможна не одна борьба, но и совместная законодательная работа для народного представительства.

Рядом с этим П. А. отлично сознавал, что для культурного прогресса необходимо образование народа, развитие его духовных сил. Но в этом вопросе он бессильно опускал руки. Величина задачи и объем необходимых для нее средств как бы подсекали даже его богатырскую энергию. Он ясно видел, что здесь нужно время, целые периоды, а не один только, хотя бы и полный энергии и смелости взмах. Помню восхищение П. А. перед немецкой народной школой, где он бывал в период своего губернаторства в Ковно.

- Школа в Германии, - говорил П. А., - великолепна. Школьный учитель там - не только учитель детей, но и советник народа по важным вопросам его жизни. Школа развивает там высокий патриотизм, лучшие стороны духа и ума. То ли у нас? Какова была роль сельских учителей в эпоху народной смуты? Кто стоял во главе погромщиков в Саратовской губернии? Где вы найдете нужное число учителей, проникнутых сознанием патриотического долга, с положительными идеалами, вместо анархических или революционных бредней? Ведь, ни много ни мало - нужен кадр из 150.000 человек! Для их образования - ежегодно десятки миллионов! А мы едва вырвались из внешних займов.

Вторая яркая политическая идея П. А. - был национализм. И здесь - одни видели угнетение нерусских народностей; другие - апофеоз справедливости в отношении русской народности. Как всегда, крайности ни к чему не привели, кроме обострений и непримиримости. Первые открыто стояли за распад русского государства; вторые - за цельность его и недопущение принижения русской народности и ее государственного уклада. Для П. А. российское государство было единое и нераздельное. Он не стремился к какому-либо династическому господству русского народа над другими, но и не мог перенести уничтожения русского народа на почве интернационализма или культурных превосходств. Его симпатии привлекала Германия, сложенная из инородных тел, признающих, однако, неуклонно общеимперский строй, его законы, язык, правовые нормы.

- Прежде всего, Россия пусть будет Российским государством, - говорил П. А., - а затем будем толковать о подразделениях и устройствах внутри ее разных народностей - финнах, эстонцах, поляках,

хохлах, татарах и т. д. Не будем вытравливать процессов истории и ее несокрушимого уклада.

Каких только не было споров на эту тему. Договаривались до отрицания русского языка, как государственного, до правосудия на местных языках и т. п. Здесь Столыпин был непреклонен. В России - господствующий язык - русский; везде на окраинах - равноправие русских с туземцами, но - не положение русских как бы иностранцев среди них, ибо окраины - лишь органические части России.

Мы подходим теперь к печальному и последнему моменту жизни этого замечательного человека. Бессмысленное злодеяние отняло его у России; злодеяние, от которого, по словам историков, не защищен никто, даже самые благороднейшие и возвышеннейшие типы всеобщей истории. Человеческие события теряют всякий жизненный смысл там, где они являются игрушками в руках фанатиков или безумцев. Насколько сам Столыпин представлял собой исторический, провиденциальный, как выразился один англичанин, тип, настолько бессмысленно его убийство. Свой исторический подвиг он успел совершить. Выдвинутый тяжчайшим моментом нашей исторической жизни, он умел справиться с ним. Это вознесло его на необыкновенную высоту. Для всех невозможным и странным показался бы уход этого исключительного человека в ряды простых статистов или тоскующих резонеров. Рука убийцы как бы избавила его от этих разочарований. Теперь он в ореоле мученичества, достойно увенчавшего его славный жизненный путь. Древние обоготворяли своих героев, и они после этого как бы жили возле них. Мы не знаем этого культа, но память великих людей священна и в наши дни. Какой захватывающей печалью пронеслась весть о трагической смерти П. А. по всем концам земли русской! Кто не воскликнул тогда: „Он жил и умер героем!“ Сам Столыпин пророчески сказал о себе: „я умру от руки предателя...“ Любимый многими безгранично, он имел и массу врагов. Ему не прощали его бесстрашие, его знаменитой фразы: „не запугаете!“, ставшей как бы девизом его мужественной, энергичной политики. Число врагов не смущало его; к нему вполне применимы слова английского генерала Вальсона: „Обыкновенные люди, не имеющие врагов, суть люди ничтожные, лишенные самобытности в мыслях и энергии в действиях“.

Можно ли отказать и в том и в другом П. А.? Только молодые и сильные народы способны рождать героические стихийные типы, готовые ответить на призыв родины в печальнейший момент ее истории. П. А. именно был таким. Русский человек с ног до головы, он

горячо любил Россию, великие исторические заветы ее. Еще при жизни он испытал огромную радость - видеть действительный успех его усилий и трудов. Успокоение, возврат к мирному труду, блестящие финансы - были последним утешением его внезапно прервавшейся жизни. Решительно ничто не омрачает ни его жизни, ни его могилы. Среди многих мыслей, какие навеивает последняя, есть одно невольное сравнение. В трех шагах от могилы П. А., там же, на берегу Днепра, подле старинного храма - общая могила двух исторических людей - Искры и Кочубея, „посеченных“ (обезглавленных), как гласит надпись на памятнике. Оба героически пали от руки предателя, пали за правду, которая воссияла после них. Пал и П. А. от пули предателя-инородца и также за правду, которую этот деятель принес с собой в русскую жизнь, и которая после него сиять не перестанет! Есть вечные истины, понять и сказать которые он сумел, и которые надолго переживут его самого...

И на обгазированной кровью этой дорогой русскому сердцу могиле, на ее гранитной плите мы начертали бы такие слова:

„Спи с миром, начатое тобой не умрет, потому что оно - жизненно и велико!“

Н. ШУБИНСКОЙ.

II. ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ П.А. СТОЛЫПИНА

1. Письмо Императора Николая II матери*

10 сентября 1911 г.
Севастополь.

Милая, моя окая мама.

Наконец нахожу время написать тебе о нашем путешествии, которое было наполнено самыми разнообразными впечатлениями, и радостными и грустными.

Начну по порядку.

Последние недели в Петергофе были переполнены: встречи, официальные приемы, две свадьбы и маневры - все это прошло, как кинематограф. Тебе, наверное, описали обе свадьбы - в Петергофе и в Павловске. Потом в Царском Селе я осматривал почти четыре часа подряд очень интересную выставку в память 200-летия Царского, устроенную в парке около Большого Дворца и вокруг озера. Наконец, в самый день нашего отъезда я был в Петербурге на спуске „Петропавловска“, который был чрезвычайно эффектный и привел меня в такое умиление, что я чуть-чуть не разрыдался, как дитя.

В тот же вечер, 27 августа, мы поехали в Киев, куда прибыли 29-го утром. Встреча там была трогательная, порядок отличный. Сейчас же начались у меня приемы. Из Болгарии был прислан Борис¹ для возложения венка от его отца и народа на памятник апам². Освящение состоялось 30-го августа при хорошей погоде; мы приехали с холодом и дождем. Следующие три дня 31-го, 1-го и 2-го сентября я поводил на маневрах и большом параде, а эти вечера были заняты в городе.

Я порядочно уставал, но все шло так хорошо, так гладко, подъем духа поддерживал бодрость, как 1-го вечером в театре произошло пакостное покушение на Столыпина. Ольга и Татьяна были со мною тогда, и мы только что вышли из ложи во время второго антракта, так как в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу.

Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и

* Письмо Николая II матери, Императрице Марии Федоровне. Журнал „Красный архив“, 1920, №4(35), раздел „Из записной книжки архивиста“, стр. 209-211.

благословил воздух левой рукой.

Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал растягивать китель. Фредерикс³ и проф. Рейн⁴ помогли ему.

Ольга и Татьяна вошли за мною в ложу и увидели все, что произошло. Пока Столыпин⁵ помогали выйти из театра, в коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей, по-моему - к сожалению, полиция отбила его от публики и увела его в отдельное помещение для первого допроса. Все-таки он сильно помят и с двумя выбитыми зубами. Потом театр опять наполнился, был гимн, и я уехал с дочками в 11 час. Ты можешь себе представить, с какими чувствами!

Аликс⁶ ничего не знала, и я ей рассказал о случившемся. Она приняла известие довольно спокойно. На Татьяну оно произвело сильное впечатление, она много плакала, и обе плохо спали.

Бедный Столыпин сильно страдал в эту ночь, и ему часто впрыскивали морфий. На следующий день, 2 сентября, был великолепный парад войскам на месте окончания маневров - в 50 верстах от Киева, а вечером я уехал в гор. Овруч, на восстановление древнего собора св. Василия XII века.

Вернулся в Киев 3 сентября вечером, заехал в лечебницу, где лежал Столыпин, видел его жену, которая меня к нему непустила. 4 сентября поехал в 1-ую Киевскую гимназию - она праздновала свой 100-летний юбилей. Осматривал с дочерьми военно-исторический и кустарный музей, а вечером пошел на пароходе „Головачев“ в Чернигов. В реке было мало воды, ночью сидели на мели минут 10 и вследствие всего этого пришли в Чернигов на полтора часа позже. Это небольшой город, но также красиво расположенный, как Киев. В нем два очень древних собора. Сделал смотр пехотному полку и 2 000 потешных, был в дворянском собрании, осмотрел музей и обошел крестьян всей губернии. Пospел на пароход к заходу солнца и поплыл вниз по течению.

6 сентября в 9 час. утра вернулся в Киев. Тут, на пристани узнал от Коковцова⁶ о кончине Столыпина. Поехал прямо туда, при мне была отслужена панихида. Бедная вдова стояла, как истукан, и не могла плакать; братья ее и Веселкина находились при ней. В 11 час. мы вместе, т. е. Аликс, дети и я, уехали из Киева с трогательными проводами и порядком на улицах до конца. В вагоне для меня был полный отдых. Приехали сюда 7 сентября к дневному чаю. Стоял дивный теплый день. Радость огромная попасть снова на яхту!

На следующий день, 8 сентября, сделал смотр Черноморскому флоту и посетил корабли: „Пантелеймон“, „Иоанн Златоуст“ и „Евстафий“. Последние два совсем новые. Действительно блестящий вид судов и веселые молодецкие лица команд привели меня в восторг, такая разница с тем, что было недавно. Слава богу!

Всего на рейде стоит 6 броненосцев, 2 крейсера, 20 больших миноносцев и 2 транспорта. В этом составе эскадра обошла все Черное море и также заграничные порты.

Тут я отдыхаю хорошо и сплю много, потому что в Киеве сна не хватало: поздно ложился и рано вставал.

Аликс, конечно, тоже устала: она в Киеве много сделала в первый день и кое-кого там видела, в другие дни хотя никуда не выезжала, кроме, конечно, освящения памятника. Она сама находит, что чувствует себя лучше и крепче, нежели два года тому назад, при приезде в Севастополь.

11 сентября.

Утром ездил с детьми к обедне на Братское кладбище, которое теперь приведено в большой порядок благодаря Комитету Севастопольской обороны Сандро⁷ и его помощника ген. Зайончского. Третьего дня был шторм, и как раз попала в него на переходе сюда из Одессы бедная Ирина⁸. Она долго не могла встать утром и приехала к нам перед завтраком зеленой и молчаливой. Позже она развеселилась и уехала в Айтогор на море.

Многие из господ ездят в Ливадию и привозят очень приятные известия о новом доме; его находят красивым снаружи, уютным и удобным внутри. Мы придем туда к 20-му, как просил нас архитектор Краснов; раньше не стоит, так как Аликс лучше отдохнет на яхте, чем в доме с неустраиваемыми комнатами.

Я нахожусь в переписке с Коковцовым относительно будущего министра внутренних дел. Выбор очень трудный. Надо, чтобы вновь назначаемый знал хорошо полицию, которая сейчас в ужасном состоянии. Этому условию отвечает государственный секретарь Макаров⁹; он был товарищем при Столыпине и год тому назад составил законопроект о полиции. Я еще думаю о Хвостове¹⁰, бывшем вологодским губернатором, теперь он в Нижнем. Не знаю, на ком остановиться.

Теперь пора кончать.

Христос с тобой! Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама.
Поклон всем.

Сердечно тебя любящий твой

Ники.

Примечания

1. Борис - сын Фердинанда, царя Болгарии.
2. „апапа“ - так называли Алксандра II его внуки.
3. В. Б. Фредерикс (1838-1927) - министр Императорского двора при Николае II.
4. Г. Е. Рейн - почетный лейб-хирург, занимавший с 1916 г. пост главноуправляющего Государственным здравоохранением.
5. Аликс - императрица Александровна Федоровна.
6. В. И. Коковцев - после смерти П. А. Столыпина занял пост председателя Совета Министров.
7. Сандро - Великий Князь Александр Михайлович.
8. Ирина - Великая Княжна Ирина Александровна, жена Феликса Юсупова.
9. А. А. Макаров - в 1911-1912 гг. министр внутренних дел, в 1916 г. - министр юстиции.

2. Из газетных сообщений.

Правительственный вестник от 2 сентября 1911 г.

Телеграмма „С.-Петербургского телеграфного агентства“.

Киев, 1-го сентября. В городском театре/ Председатель Совета Министров Столыпин выстрелом из револьвера ранен. Злоумышленник задержан.

Речь 2 сентября 1911 г.

(По телеграфу от нашего корреспондента).

Киев, 1 сентября, 11 час. 52 мин. (Срочная).

Задержанный на месте преступник едва вырван из рук публики, пытавшейся учинить над ним самосуд. Преступник назвался помощником присяжного поверенного Богровым. Огня пуля попала в ногу скрипачу оркестра Берглеру.

Правительственный вестник 2 сентября 1911 г.

В Киевском городском театре, во втором антракте оперы „Царь Салтан“, Председатель Совета Министров стоял у рампы, повернувшись лицом к публике, и беседовал с подходившими к нему лицами. Вдруг из рядов поднялся и быстро направился к П.А. Столыпину неизвестный во фраке, лет 28, и, приблизившись на расстояние двух шагов, выхватил браунинг. Раздалось два коротких сухих выстрела. Статс-секретарь П. А. Столыпин схватился рукой за правую сторону груди, затем опустился в кресло. Левая рука окровавлена. Силы покидают раненого, лицо бледнеет. Окружающие подхватывают его и несут на руках к выходу. Бледное лицо Столыпина сохраняет спокойствие. Несутся негодующие крики по адресу стрелявшего. Публика в спешном напряжении нервов настойчиво требует исполнения гимна, занимает места, жмет. Возвращается занавес. Государь Император приближается к барьеру ложи. На сцене вся труппа исполняет гимн. Артисты, хор опускаются на колени. Многие протягивают сложенные, как на молитву, руки. К небу несется мольба „Боже, Царя храни“. Театр в течение нескольких минут ожал, пока Государь не покинул ложи. Под наблюдением врача раненый в полном сознании перенесен в карету скорой помощи, перевезен в лечебницу Маковского на Мало-Владимирской улице. Пуля попала ниже правого соска, засела в позвоночнике. К раненому вызваны: лейб-медик Боткин, профессора - Оболонский, Волкович, Афанасьев и другие врачи. От операции решено

пока воздержаться. Столыпина посетили министры, лица государственной свиты, начальствующие. После выстрелов неизвестный, согнувшись, бросился бежать в боковой проход, но был схвачен офицером и другими лицами. При нем найдены документы на имя помощника присяжного поверенного Богрова. Вторая пуля, ранившая Столыпина в руку, рикошетом ранила в оркестре концертмейстера Берглера в ногу.

Правительственный вестник 2 сентября 1911 г.

По доставлении в лечебницу Председатель Совета Министров просил передать Государю Императору, что он готов умереть за Него, просил успокоить жену и пригласить священника.

Речь от 6 сентября 1911 года

Согласно телеграмме, поданной в Киеве в 1 час 30 мин. пополудни, здоровье статс-секретаря Столыпина с каждой минутой ухудшается. Болезнь прогрессирует. Пульс, упавший на короткий срок, заработал снова с силой большей, чем показано в последнем бюллетене. Температура - 35,5°. Средства, применяемые врачами, не производят действия.

Новое время от 6 сентября 1911 года

КИЕВ. В 10 час. 12 мин. Петр Аркадьевич тихо скончался. В истории России начинается новая глава.

Погребение П.А.Столыпина. Речь от 10 сентября 1911 года (От петербургского телеграфн. агентства)

КИЕВ, 9 сентября. - Серое, пасмурное утро. Флаги на консульствах приспущены. Со стороны лавры мчатся автомобили и вереницей тянутся экипажи. Для желающих не хватает места в вагонах трамвая. Они целым потоком направляются в лавру. Открытый сначала широкий доступ в дверь лавры, затем, во избежание давки, несколько ограничивают. Около Великих ворот быстро образовалась огромная толпа, наполнившая всю площадь и Трапезную церковь, где у тела покойного всю ночь дежурили чины министерства внутренних дел, с товарищем министра Лыкошиным во главе. Прибывают представители и депутаты высших государственных учреждений, приехавшие из Петербурга, высшие представители местных и иногородних ведомственных и общественных учреждений и монархических

организаций. В числе присутствующих: обер-прокурор св. синода, главноуправляющий землеустройством и земледелием, министры юстиции и торговли и промышленности, председатель Государственной думы Родзянко, члены Государственных совета и думы, петербургский и московский городские головы. Из рук в руки переходит подписной лист, быстро покрываемый подписями сановников и общественных деятелей, жертвующих значительные суммы на памятник П. А. Столыпину. Непрерывной волной идут депутации с венками. Количество их превысило 200.

К 10 ч. утра церковь наполняется. Многие за недостатком места ожидают во дворе. Гроб утопает в венках и цветах. Остальные венки размещены у солей и по сторонам церкви. Собравшееся духовенство встречает митрополита у входа в церковь. В 10 ч. утра митрополитом, в сослужении многочисленного белого и черного духовенства, начинается торжественная заупокойная литургия. Поют лаврские певчие и хор Владимирского собора. После литургии священнослужители произносят три речи. Особенно прочувствованное слово сказано епископом холмским Евлогием. Затем совершается панихида и прощание с усопшим. Приток венков не прекращается. В 2 ч. звон колоколов возвещает вынос тела. Во дворе широким полукругом у могилы выстроились с хоругвями духовенство от великой лаврской церкви до самой могилы. Справа и слева расположились представители монархических организаций со стягами, позади и слева представители городского самоуправления, по сторонам и сзади множество фотографов и кинематографистов. Против входа в церковь стоят ученицы профессиональных классов и ученики лаврского двухклассного училища. Выстроившиеся у стены великой церкви жандармы берут на караул. Хор Миргородского полка исполняет „Коль славен“. Депутации студентов-академистов университета и молодежи „Двуглавого Орла“ выносят часть венков. На шести подушках несут ордена покойного. За многочисленными певчими Трапезной церкви в белом облачении попарно выходят шесть дьяконов, 54 священника и архимандрита, 4 епископа и митрополит.

Гроб несли обер-прокурор св. синода Саблер, министры Щегловитов и Тимашев, т. с. Лыкошин, председатель Государственной думы Родзянко, Балашев, Лерхе, Владимир Бобринский и другие. Вдову, по ее желанию, вел под руки статс-секретарь Кривошеин.

Могилу, по заделке ее, окружили члены совета министров, член Государственного совета Пихно, председатель Государственной думы Родзянко, Балашев, Гучков, Лерхе и другие члены Государственной думы и чины министерства внутренних дел.

О. Б. Столыпина, слова которой, сказанные Государю Императору: „Ваше Величество, как видите, Сусанины не перевелись на Руси“, облетели весь Киев, сохраняла все время геройское самообладание, как и все члены семьи покойного.

По отъезде из лавры товарищ министра внутренних дел Лыкошин и чины земского отдела поднесли О. Б. Столыпиной икону Спасителя, которою т. с. Лыкошин благословил сына усопшего. Ико-

на вложена в серебряный венок с надписью: „Счастливи умереть за царя“.

Сегодня, в день погребения председателя совета министров статс-секретаря П. А. Столыпина, согласно полученным с.-петербургским телеграфным агентством в огромном числе телеграммам, повсеместно в Империи были совершены заупокойные литургии и отслужены панихиды в присутствии местных административных властей, гражданских и военных чинов, представителей общественных учреждений, учащихся и при громадном стечении народа (СПА).

3. Свидетельства очевидцев покушения на П.А.Столыпина

Воспоминания А. Ф. Гурса*

Утро 1-го сентября было особенно хорошим, солнце на безоблачном небе светило ярко, но в воздухе чувствовался живительный осенний холодок. В восьмом часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъезде Государя на маневры. После проводов Государя, ко мне подошел Начальник Киевского Охранного Отделения полковник Кулябко и обратился со следующими словами: „Сегодня предстоит тяжелый день; ночью прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт в Киеве; жертвой намечен, по-видимому, Председатель Совета Министров, но не исключается и попытка Цареубийства, а также и покушения на Министра Народного Просвещения Кассо; рано утром я доложил обо всем Генерал-Губернатору, который уехал с Государем на маневры; Генерал Трепов заходил к П. А. Столыпину и просил его быть осторожным; я остался в городе, чтобы разыскать и задержать террористку, а генерал Курлов и полковник Спиридович тоже уехали с Государем“. Мы условились, что полковник Кулябко вылетит за Председателем Совета Министров закрытый автомобиль, чтобы в пять часов дня отвезти его в Печерск на ипподром, где должен был происходить в Высочайшем присутствии смотр потешных. Кулябко передаст шоферу маршрут, чтобы доставить министра туда и обратно круглым путем. По приезде П. А. Столыпина к трибуне я встречу его внизу и провожу в ложу, назначенную для Совета Министров и лиц свиты, возле царской; вокруг Кулябко незаметно расположит охрану.

* Из книги: А. Столыпин, „П. А. Столыпин“, Париж, 1927, Приложение, стр. 86-102. В несколько иной редакции этот текст опубликован в журнале „Часовой“, NN 328 и 330, 1953. Алексей Федорович ГИРС (род. 1871) - действительный статский советник, камергер, в 1909-12 киевский губернатор, затем губернатор минский и никеягородский. Умер в эмиграции. Рукописи его воспоминаний хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Кулябко просил провести Министра так, чтобы он не останавливался на лестнице и в узких местах прохода. Я спросил Кулябко, что он предполагает делать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что вблизи Государя и Министров он будет все время держать своего агента-осведомителя, знающего террористку в лицо. По данному этим агентом указанию она будет немедленно схвачена.

До крайности встревоженный всем слышанным, я поехал в городской театр, где заканчивались работы к предстоявшему в тот же вечер парадному спектаклю, и в Печерск на ипподром. Поднимаясь по Институтской улице я увидел шедшего мне навстречу П.А. Столыпина. Несмотря на сделанное ему Генерал-Губернатором предостережение, он вышел около 11 часов утра из дома Начальника Края, в котором жил. Я повернул в ближайшую улицу, незаметно вышел из экипажа и пошел за министром по противоположному тротуару, но П. А. скоро скрылся в подъезде Государственного Банка, где жил Министр Финансов Коковцев.

В пятом часу дня начался съезд приглашенных на ипподром. На кругу перед трибунами выстроились в шахматном порядке учащиеся школ Киевского Учебного Округа. Яркое солнце освещало их рубашки, белевшие на темном фоне деревьев. Незадолго до 5 часов прибыл Председатель Совета Министров, и я встретил его на условленном месте. Выйдя из автомобиля, П. А. Столыпин стал подниматься по лестнице, но встретившие его знакомые задерживали его и я видел обеспокоенное лицо Кулябки, который делал мне знаку скорее пройти. Мы шли мимо лож занятых дамами. П. А. остановился у одной из них, в которой сидела вдова умершего сановника. Здороваясь с ним и смотря на его обвешанный орденами сюртук, она промолвила: „Петр Аркадьевич, что это за крест у вас на груди, точно могильный?“ Известная своим злым языком, дама незадолго до того утверждала, что дни Столыпина на посту Председателя Министров сочтены и она хотела его уколоть, но эти слова, которым я невольно придал другой смысл, больно ударили меня по нервам. Сидевшие в ложе другие дамы испуганно переглянулись, но Столыпин совершенно спокойно ответил: „этот крест, почти могильный, я получил за труды Саратовского Местного Управления Красного Креста, во главе которого я стоял во время Японской войны“.

Затем Министр сделал несколько шагов вперед, и я просил его войти в ложу, предназначенную, как я уже сказал, Совету Министров и Свите. Министр войти в ложу не пожелал и на мой вопрос „почему“, возразил: „без приглашения Министра Двора я сюда войти не могу“. С этими словами П. А. Столыпин стал спускаться с трибуны по лест-

нице, направляясь на площадку перед трибунами, занятой приглашенной публикой. У окружавшего площадку барьера, с правой стороны, Министр остановился. Через несколько минут я увидел, что сидевшие кругом, в разных местах, лица в штатских костюмах поднялись со своих сидений и незаметно стали полукругом, на расстоянии около 20 шагов от нас, по ту и грузую сторону барьера. П. А. Столыпин имел вид крайне утомленный. „Скажите, - начал П. А. свою беседу со мной, кому принадлежит распоряжение о воспрещении учащимся-евреям участвовать 30-го августа, наравне с другими, в шпалерах во время шествия Государя с крестным ходом к месту открытия памятника?“ Я ответил, что это распоряжение было сделано Попечителем Киевского Учебного Округа Зиловым, который мотивировал его тем, что процессия имела церковный характер. Он исключил поэтому всех не христиан, т. е. евреев и магометан. Министр спросил: „Отчего же вы не дожили об этом мне или начальнику края?“ Я ответил, что в Киеве находился Министр Народного Просвещения, от которого зависело отменить распоряжение попечителя округа. П. А. Столыпин возразил: „Министр Народного Просвещения тоже ничего не знал. Произошло то, что Государь узнал о случившемся раньше меня. Е о Величество, крайне этим недоволен и повелел мне примерно взыскать с виноватого. Подобные распоряжения, которые будут приняты как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо и их последствия ложатся на голову Монарха“.

В конце сентября попечитель Киевского Учебного Округа, Тайный Советник Зилов, был уволен от службы.

Во время этих слов я услышал, как возле меня что-то щелкнуло, я повернул голову и увидел фотографа, сделавшего снимок со Столыпина. Возле фотографического аппарата стоял человек в штатском слортуке с резкими чертами лица, смотревший в упор на Министра. Я подумал сначала, что это помощник фотографа, но сам фотограф с аппаратом ушел, а он продолжал стоять на том же месте. Заметив находившегося рядом Кулябко, я понял, что этот человек был агентом охранного отделения, и с этого момента он уже не возбуждал во мне беспокойства.

Знакомые начали подходить к П. А., но Министр не был на этот раз словоохотлив, и разговор не завязывался. Вскоре он опять остался один со мной. Стрелка показывала далеко за 5, но Государь против обыкновения сильно запаздывал, а из Святошина сообщили, что Он еще не проехал с маневров. Я стал рассказывать о киевских делах. Министр слушал безучастно. Он оживился только, когда я заговорил о ходе землеустроительных работ по расселению на хутора в Уманском уезде - первом в России по количеству расселенных и по площади, охваченной движением, принявшим в целом округе стихийный характер. После минуты раздумья Министр сказал: „если ничто не мешает я съезжу после отъезда Государя на несколько дней в Корсунь, а оттуда проеду посмотреть уманские хутора, но об этом никому не говорите, пока я не переговорю с Начальником Края“. Когда я загово-

рил о выборах в земство и о достигнутых результатах, Министр стал слушать внимательно. Он называл фамилии некоторых лиц и интересовался их характеристикой, а затем сказал следующее: „Государь очень доволен составом земских гласных. Он надеется, что их воодушевление искренно и прочно. Я рад, что уверенность в необходимости распространения земских учреждений на этот край сообщилась Государю. Вы увидите, как край расцветет через десять лет. Земство можно было ввести здесь давно, конечно, с нужными ограничениями для польского землевладения. Я заметил также, что та острота, которой сопровождался прения Государственного совета и Думы по вопросу о национальных куриях, не имеет корней на месте. Поляки везде с большим интересом и вполне лояльно отнеслись к выборам. Я сам в свое время много работал с поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомневаюсь, что земская деятельность послужит к общему сближению“.

С опозданием часа на полтора приехал Государь с детьми. П. А. встретил Государя внизу и прошел в ложу рядом с Царской. Охранявшая Министра охрана, в том числе и агент, стоявший у фотографического аппарата, сошла со своих мест и окружила Государя, Его Семью, Министров и Свиту. Смотр потешных прошел и разъезд закончился около 8 часов вполне благополучно.

К 9 часам начался съезд приглашенных в театр. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды полиции, у наружных дверей - полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Еще утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены. В зале, блиставшей огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество. Я лично руководил рассылкой приглашений и распределением мест в театре. Фамилии всех сидевших в театре мне были лично известны, и только 36 мест партера, начиная с 12 ряда, были отправлены в распоряжение заведывавшего охраной Генерала Курлова, для чинов охраны, по его письменному требованию. Кому будут даны эти билеты, я не знал, но мне была известна цель, для которой они были высланы и этого было достаточно. В кармане спортука у меня находился план театра и при нем список, на котором было указано, кому какое место было предоставлено.

В 9 часов прибыл Государь с Дочерьми. К своему креслу, к первому от левого прохода, с правой стороны, прошел Столыпин и сел в первом ряду. Рядом с ним налево, по грузую сторону прохода, сел Генерал-Губернатор Греспов, направо - Министр Двора граф Фредерикс. Государь вышел из аванложи. Встал занавес и раздалась звуки народного гимна. Играл оркестр, пел хор и вся публика. Патриотический подъем охватил и увлек всех. Шла „Сказка о Царе Салтане“ в новой, чудесной постановке. Я весь отдался чувству высокого эстетического наслаждения. Мне казалось, что здесь можно быть спокойным: ведь все сидящие в театре известны, а снаружи он хорошо охраняется и ворваться с улицы никто не может. Кончилось первое действие. Я встал около своего кресла, во втором ряду, за креслом

Начальника Края. К Председателю Совета Министров подошел ген. Курлов. Я слышал, как Министр спрашивал его, задержана ли террористка и настаивал на скорейшей ликвидации этого дела. Началось второе действие, прослушанное с тем же напряженным вниманием. При самом начале второго акта, когда Государь с Семей отошел в глубь авансцены, а П. А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел к подъезду, чтобы сделать какое-то распоряжение. Возвращаясь, я встретил Министра Финансов Кокковцева, пожимавшего руку встречным и говорившего: „я уезжаю сейчас в Петербург и тороплюсь на поезд“. Простившись с Министром, я медленно пошел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я был на линии 6 или 7 ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим. В театре громко говорили и выстрел слышали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина, и на несколько секунд все замолкло. П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый слортук, который с правой стороны под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул слортук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: „все кончено!“ Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: „счастлив умереть за Царя“. Увидя Государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы Государь отошел. Но Государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера, ему загородили проход. Сбежалась не только молодежь, но и старики, и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскочил кто-то и упал около убийцы. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не происшедший самосуд: он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я все-таки пошел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь. „Каким образом вы прошли в театр?“ - спросил я его. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18 ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашел запись: „отправлено в распоряжение генерала Курлова для чиновников охраны“. В это время вошел Кулябко, прибежавший с улицы, где он все старался задержать террористку, по приметам, сообщенным его осведомите-

лем. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: „Это Богров, это он, мерзавец, нас морочил“. Всмотревшись в лицо убийцы, я признал в нем человека, который днем стоял у фотографа, и понял роль, сыгранную этим предателем.

Я вышел искать Начальника Края. Генерал Трепов распорядился у Царской ложи, подготавливая отъезд Государя. Он опасался, что выстрел в театре был первым актом более широкого плана и что засады могут быть и на улице. Вся площадь перед театром сильными полицейскими нарядами очистили от публики; у подъезда Царской ложи было несколько закрытых автомобилей, в один из них поместился Государь с Дочерью, в других разместилась свита. Начальник Края ехал впереди и, минуя улицы, на которых собрался народ, чтобы видеть проезд Царя, привез Его во дворец.

Проводив Государя до автомобиля, я вернулся в театр. П. А. Столыпин уже вынесли, зал наполовину опустел, но оркестр все продолжал играть гимн. Публика пела „Боже, Царя храни“ и „Спаси, Господи, люди Твоя“, но в охватившем всех интузиазме чувствовался надрыв, слышался вопль отчаянья, как будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила в сердце России. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку.

Когда публика разъехалась, я вошел в комнату, где на диване, с перевязанной раной и в чистой рубашке, с закрытыми глазами, лежал П. А. Столыпин. От окружавших его профессоров, известных киевских врачей, и узнал, что они распорядились отвезти раненого в лечебницу доктора Маковского, что на Мал. Владимирской, и что у подъезда театра уже стоит карета скорой помощи. Я обратился к одному из врачей и спросил его, есть ли надежда на спасение. „Рана очень опасная, - сказал мне доктор, - но смертельна она или нет, сейчас сказать нельзя. Все зависит оттого, в какой степени повреждена печень“. Когда П. А., смертельно бледного на носилках выносили в карету, он открыл глаза и скорбным страдающим взглядом смотрел на окружающих.

В то время, когда В. Н. Коковцев находился в приемной, в лечебницу приезжал генерал Курлов. Он стал докладывать В. Н. по поводу случившегося, но В. Н. выслушал его сухо и сделал суровую реплику. Курлов отошел и, заметив меня, сказал: „всю жизнь я был предан П. А., и вот результат“. Он протянул мне руку, и на его глазах заблестели слезы. Всю ночь, до самого рассвета, провел В. Н. Коковцев у изголовья кровати раненого, в беседе с ним. Видя в В. Н. своего естественного заместителя, изнемогавший от раны, Петр Аркадьевич последние силы сво отдал на посвящение его в текущие и сложные вопросы государственной жизни беззаветно любимой им Матери-России.

На следующий день Государь ездил в Овруч. По выходе из дворца Его Величество объявил, что желает навестить Столыпина. Царский автомобиль направился на Мал. Владимирскую. При входе в лечебницу Государь спросил встретивших Его врачей, может ли он

видеть Петра Аркадьевича. На это старший врач ответил, что свидание с Его Величеством взволнует больного и может ухудшить его состояние, о чем он откровенно докладывает по долгу врача и верноподданного. Узнав, что в лечебнице находится только что прибывшая из Ковенского имения, супруга П. А. Столыпина - Ольга Борисовна, Государь пожелал ее видеть и ненадолго прошел к ней в приемную.

В тот же день, по инициативе группы членов Государственной думы из партии националистов и земских гласных Края, в 2 часа дня, во Владимирском Соборе, Высокопреосвященнейшим Флавианом Митрополитом Киевским и Галицким, соборне с четырьмя Епископами, было отслужено торжественное молебствие о выздоровлении Столыпина. Собор был переполнен. Собравшиеся истово молились и многие плакали.

Два последующих дня прошли в тревоге, врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операции и извлечения пули, консилиум, с участием прибывшего из Петербурга профессора Цейглера, вынес отрицательное решение.

4-го сентября вечером, здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабело и около 10 ч. вечера 5-го сентября, он тихо скончался.

Весть о кончине Столыпина быстро распространилась по городу и все погрузилось в скорбь и печалью. Государь 5-го сентября находился в Чернигове. 6-го сентября утром Он возвратился в Киев на пароходе по Днепру и с пристани, не заезжая во дворец, проскакал поклониться праху Своего верного слуги, жизнь положившего за Россию. В присутствии Государя, вдовы и ближайших лиц Свиты, у тела Столыпина была отслужена панихида.

„Я хочу быть похороненным там, где найду свою смерть“, - говорил П. А., предчувствуя свой близкий конец от руки революционера. Указание Столыпина было свято исполнено его близкими, и местом вечного его упокоения была избрана Киево-Печерская Лавра.

8-го сентября вечером печальная процессия двинулась из лечебницы в Печерск, сопровождаемая многочисленной толпой русских людей. Все было величественно и вместе с тем просто, и это так гармонировало с светлым обликом того, кто безвременно отошел в вечность. 9-го сентября утром, в Трапезной церкви, заставленной венками с национальными лентами, собралось Правительство, представители армии и флота и всех гражданских ведомств, многие члены Государственного совета, центр и почти все правое крыло Государственной думы, а также более сотни крестьян, прибывших из ближайших деревень отдать последний долг почившему. Киевский Генерал-Губернатор Генерал-Адъютант Трепов, по повелению уехавшего 7 сентября Государя, представлял Его Особу. Старшие чины Министерства Внутренних дел и чины Государственной Канцелярии несли дежурство у гроба. После отпевания гроб вынесли и опустили возле церкви, рядом с исторической могилой грузого русского патриота Кочубея.

Сейчас же после смерти Столыпина, в той же группе земских гласных и членов Государственной думы из партии националистов, возникла мысль о постановке ему памятника в Киеве. Было использовано пребывание в Киеве Государя Императора и заместителя Председателя Совета Министров Коковцева и на Всероссийский сбор пожертвованной уже 7 сентября утром последовало Высочайшее соизволение. Пожертвования потекли столь обильно, что в три дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник, - так обаятельна была память Столыпина. Местом постановки памятника была избрана площадь возле Городской думы, на Крещатике, а исполнение его поручено итальянскому скульптору Ксименесу, бывшему в Киеве. В 1912 году, ровно через год после смерти П. А., памятник был открыт в торжественной обстановке, среди съехавшихся со всех концов России, его почитателей. Столыпин был изображен как бы говорящим с думской кафедры, на камне высечены сказанные им слова, ставшие пророческими:

„Вам нужны великие потрясения - нам нужна Великая Россия“.

Воспоминания А. Ф. Рейна*

Выстрел в театре. Как сравнительно легко было попасть в Купеческий сад, так, наоборот, трудно было получить билет на парадный спектакль 1 сентября. Многим выдающимся общественным деятелям и видным представителям местного общества так и не удалось попасть в театр, несмотря на все хлопоты и протекции.

Во время спектакля 1-го сентября зрительный зал представлял красивую картину. Военные были в мундирах защитного цвета в орденах и в лентах, немногие штатские во фраках, дамы в роскошных вечерних туалетах, сияющих всеми лучшими фамильными драгоценностями русской и польской аристократии. Говорили, что некоторые туалеты были выписаны из Парижа. Из министров я заметил барона Б. В. Фредерикса, В. Н. Коковцева, В. А. Сухомлинова и Л. А. Кассо. (А. В. Кривошеин и И. Г. Щегловитов прибыли в Киев позже). Исполнение „Царя Салтана“ артистами и оркестром было превосходно, декорации роскошные. В общем, парадный спектакль производил чарующее впечатление и создавал общее чудное настроение. И вот при такой обстановке произошло ужасное, непоправимое злодеяние.

Во время спектакля я сидел в кресле 5-го или 6-го ряда справа. В антракте я вышел из театральной залы через правый проход в коридор.

* Академик Г. Е. Рейн „Из пережитого. 1907-18“, в двух томах.

Изд-во „Парабола“, Берлин, 1934, т. I, стр. 124-149. Впервые рассказ Г. Е. Рейна о смерти Столыпина был опубликован в сокращенном виде в журнале „Иллюстрированная Россия“, NN 38 и 39 за 1933 г.

Георгий Ермолаевич РЕЙН (род. 1854) - гл. твительный тайный советник, почетный лейб-хирург, академик. В 1908-15 председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел, в 1916 главноуправляющий Государственным здравоохранением.

дор, как вдруг услышал два коротких сухих звука, характерных для браунинга, раздавшихся по направлению Царской ложы. Мгновенно пришла мысль о покушении на Государя. Вбежав в зал, я увидел, что в Царской ложе никого не было, а на пересечении левого продольного прохода и поперечного видна была кучка людей, наносивших удары какому-то человеку - очевидно преступнику.

У барьера оркестра, обернувшись лицом к залу, против своего кресла, стоял Столыпин. Около него в этот момент я никого не заметил. Я подбежал к Столыпину. Он был бледен, из кисти правой руки сильно брызгала струйка крови из раненой артерии, окрасившая мой мундир и ленту, а на правой стороне груди, на границе с брюшной полостью, виднелось злобещее кровавое пятно, увеличивающееся на моих глазах. Орден Св. Владимира, прикрепленный к петлице форменного белого кителя, был прострелен как раз посередине. Выходное отверстие пули не было видно. Другая пуля, прострелившая кисть правой руки, пролетела в оркестр и ранила музыканта.

Министр был в полном сознании и снимал свой китель, вероятно, для облегчения предстоящей перевязки. Он сказал мне, что он сам велел задержать удаляющегося преступника. Я усадил раненого в кресло, наскоро перевязал платком простреленную руку и стал прижимать через жилет кровоточащую рану на груди. В это время подбежало несколько человек, в том числе врачи, - мои бывшие ученики по Киевскому университету. Решено было вызвать немедленно карету скорой помощи и перевезти раненого в ближайшую частную клинику г-ра Маковского, вполне благоустроенную.

Между тем театр стал наполняться. Публика, узнавшая, что Государь в безопасности, потребовала Гимн. Государь показался в ложе, и торжественные звуки „Боже, Царя Храни“ огласили театральную залу. Раненый министр бледнел все больше и больше и был близок к обмороку, очевидно, вследствие внутреннего кровотечения. Обстановка шумного театра была совсем не подходящая для тяжело больного, а потому мы его вынесли на руках в вестибюль театра. Совершенно обессилевший, почти в обмороке, он оказался очень тяжелым для 6-8 человек, и на несколько мгновений пришлось его опустить в вестибюле на пол, но в этот момент подехала прекрасная карета скорой помощи, с носилками и опытным персоналом. Через несколько минут раненый уже был в клинике. Я, без фуражки, вскочил в первый попавшийся экипаж и последовал за каретой, увозившей раненого. Все описанное происходило быстрее, чем мое описание. От момента окового ранения до доставки раненого в клинику прошло, по моему расчету, менее 20 минут.

Смерть Столыпина. В клинику, куда привезли раненого министра, тотчас же приехал профессор хирургии Киевского университета Н. М. Волкович и другие известные хирурги. В клинике же собралась группа сановников, потрясенных грозным пережитым событием и желавших узнать опасна ли рана и переживет ли Столыпин нанесенное ему ранение и его последствия.

Раненый был немедленно перенесен в операционную комнату для точного исследования раны и для перевязки. Все было готово и для немедленной операции, если бы она потребовалась.

Исследование показало, что пуля, пронизав печень спереди назад, остановилась под кожей спины, справа от позвоночника. Судя по направлению пулевого канала, ни крупные кровеносные сосуды, ни кишечник не были ранены, - поэтому и имея в виду, что раны печени не требуют, по господствовавшему среди хирургов мнению, немедленно оперативного пособия, сопряженного при том с тяжелой операцией вскрытия брюшной полости на ослабленном от кровотечения больном, решено было единогласно прибегнуть к консервативному, выжидательному лечению. Для удаления пули, не представлявшей в данный момент никакой опасности для организма, показаний не было.

Около часа ночи пульс больного резко упал, вероятно от возоблившего внутреннего кровотечения. Был момент, когда пульс почти не прощупывался, и, казалось, что мы потеряем больного, но после впрыскиваний под кожу камфоры и физиологического раствора поваренной соли, пульс вновь появлялся, и непосредственная опасность для жизни больного миновала. Остальная часть ночи прошла благополучно.

Утром 2 сентября состояние здоровья раненого было вполне удовлетворительно, самочувствие хорошее. Он пожелал причесаться, привел в порядок левую руку перед зеркалом свои усы, у него появился аппетит.

Петр Аркадьевич, в трогательных выражениях, благодарил меня за то, что я остался при нем, и не поехал сопровождать Государя в Овруч - город Волынской губернии, одним из представителей которой я был на торжествах. Он обменялся со мною некоторыми впечатлениями и между прочим сообщил, что на лице приближавшегося к нему Богрова он заметил быструю смену выражений - и страха, и волнения, и вместе с тем как бы сознания исполняемого долга.

В течение дня состояние раненого продолжало быть удовлетворительным. Внутреннее кровотечение, видимо, остановилось, пульс и температура нормальны, - словом первые последствия ранений были счастливо ликвидированы.

После благополучного ликвидации первичных последствий ранения, явила надежда на возможность выздоровления раненого, о чем было доложено Государю, и появились сведения в печати. Но, как известно, раны в полость живота одни из самых тяжелых и опасных. В данном случае предстояло заживление раны печени и брюшины, чреватое всякими осложнениями. Если рана была заражена частицами одежды, занесенными пулею в глубину пулевого канала, что обыкновенно и наблюдается при огнестрельных ранах, то предстоял воспалительный процесс, более или менее тяжелый и опасный для жизни, в зависимости от силы и характера инфекции.

Я принял на себя организацию ухода за раненым министром, пока не прибыла супруга министра Ольга Борисовна и два ее брата сенаторы Алексей Борисович и Дмитрий Борисович Нейдгардт.

„Государь был очень взволнован ранением Столыпина и проявил горячее участие“ (В. Н. Коковцев).

Больной был окружен самым заботливым уходом, и были применены все необходимые лечебные мероприятия. Множество врачей пожелали давать свои советы и приезжали в лечебницу. Я собирал их всех в нижнем этаже, в приемном кабинете лечебницы. Там составлялся и подписывался ежедневный бюллетень и сообща обсуждались все предположения и все необходимые меры. В комнате же больного допускались только проф. Волкович и четыре врача, принявшие на себя дежурство при больном в течение круглых суток, по очереди.

Вскоре прибыл из Петербурга экстренным поездом проф. Цейдлер, который пользовал детей Столыпина после взрыва на Аптекарском острове. Он был вызван семье больного по телеграфу. Мы сделали все сообща новое подробное исследование раненого. Проф. Цейдлер согласился с установленным диагнозом и, ввиду того, что появились лихорадочные явления, удалил пулю, легко прощупывавшуюся под кожей спины. Однако, вид извлеченной пули, которую я тотчас же показал больному, не порадовал его, как это обыкновенно бывает при огнестрельных ранах.

Самочувствие больного резко ухудшалось. С конца вторых суток после ранения, а особенно в начале третьих мы были сильно встревожены появившимися признаками воспаления брюшины и общего септического заражения организма. В это время, 3 сентября вечером, навестил больного министр Государь, по возвращении из поездки в г. Овруч. Министр Финансов В. Н. Коковцев, вступивший, как старший член Совета Министров, в исполнение обязанностей Председателя Совета, почти не покидал клиники.

Медицина и уход близких людей оказались бессильны спасти больного, и в конце четвертых суток после ранения, вечером 5 сентября П. А. Столыпин скончался. Судебно-медицинское вскрытие, произведенное проф. судебной медицины Н. А. Оболонским установило, что П. А. Столыпин погиб от огнестрельной раны, нанесенной ему преступником. На вскрытии вся печень оказалась раздробленной несколькими глубокими трещинами, радиально расходящимися во все стороны от пулевого канала. Пуля браунинга среднего калибра имела 2 перекрещивающихся надреза и действовала как разрывная. Разрывному действию пули способствовали и занесенные ею в рану частицы простреленного ордена. Ранений крупных сосудов и повреждений кишечника не оказалось. Таким образом, вскрытие подтвердило прижизненный диагноз, но столь глубоких ранений печени не предполагалось. Ввиду найденных повреждений печени, возможно допустить, что смертельная инфекция могла проникнуть не только через пулевой канал, но и из полости кишечника через вскрытые желчные пути.

Когда вскрыли завещание, написанное задолго до покушения Богрова, в первых же строках его стояло: „Я хочу быть погребенным там, где меня убьют“

Во исполнение завещания, он был погребен в Киеве, в Киево-Печерской Лавре. Могила его находится рядом с могилами Кочубея и

Искры. Погребение произошло при чрезвычайно торжественной обстановке. Бесчисленные толпы народа провожали до могилы останки преждевременно погибшего министра-героя.

Многие думают, и я в том числе, что если бы не было преступления 1 сентября, не было бы, вероятно, и мировой войны и не было бы и революции с ее ужасными последствиями. Столыпину приписывают многократно повторенное им утверждение: только война может погубить Россию. - Если с этим согласиться, то убийство Столыпина имело не только всероссийское, но и мировое значение.

4. Протоколы допросов*

1-го Сентября 1911 г. в г. Киеве подполковник отдельного корпуса жандармов Иванов, вследствие предложения прокурора киевской судебной палаты, допрашивал Богрова, который показал:

„Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, вероисповедания иудейского, от роду 24 года, звание помощника присяжного поверенного. Проживаю в г. Киеве, Бибиковский бульвар, N 4, кв. 7. К делам политического характера не привлекался. На предложенные вопросы отвечал: решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутренних дел Столыпина, я искал способ осуществить это намерение. Так как я не имел возможности встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения Н. Н. Кулябко, которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовится совершить покушение на одного из министров и что этот молодой человек проживает у меня на квартире. Кулябко, будучи очень взволнован сообщенными сведениями, поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности этого молодого человека. У Кулябко я был кажется 27 августа, а затем 31 августа и, наконец, встретился с ним в Европейской гостинице 1 сентября в N 14. При свидании с Кулябко в первый раз присутствовал полковник Спиридович и еще один господин (кажется Веригин). При последнем свидании присутствовал тот же господин, конечно, Кулябко вполне искренно считал мои слова истинными. Вследствие этого Кулябко дал мне билет в Купеческое Собрание и затем в театр. За билетом в Купеческое я посылал в охранное отделение посыльного, билет ему был выдан в запечатанном конверте с надписью „для Аленского“. Билет в театр был прислан мне на квартиру в 8 часов вечера Кулябко, который меня предупредил по телефону N билета 406, 18 ряда. Билет передал мне какой-то филер, который знал в лицо меня, как знают меня многие филеры. В Купеческом я пробыл с 8 часов вечера до конца торжеств. Револьвер был со мной. Стоял на аллее, недалеко от малороссийского хора ближе к входу. Потом переменял место и стоял на пути прохода

* Протоколы опубликованы Борисом Струмило в статье „Материалы о Д.м. Богрове“, ж. „Красная летопись“, N1(10), 1924, стр. 229-238.

государя за хором, приблизительно против ресторана. Имел при себе револьвер. Почему не выполнил своего намерения, не знаю. Еще раз повторяю, что подполковник Кулябко не знал о цели моих посещений. В театр я пришел в 8 часов вечера, вошел через главный вход, после этого увидел Кулябко, который спросил: „Ну что, ушел ли ваш квартирант?“. Я ответил, что он еще у меня на квартире, что он заметил наблюдение и поэтому не выходит. Кулябко предложил мне съездить под каким-нибудь предлогом домой и посмотреть, не собирается ли мой гость уходить. Я вышел из театра приблизительно в 8 ч. 25 м. Вечера, перешел на другую сторону Владимирской ул. и приблизительно через 15 минут вернулся обратно. Вошел я через правый боковой вход, причем неизвестный мне офицер не пропускал меня, так как часть билета была прорвана при первом контроле. Я обратился за помощью к Кулябко, который удостоверил, что я уже был в театре. Тогда меня выпустили. Во время первого антракта я не сходил с места. Во время второго я прошел в коридор, где Кулябко сказал мне, что он сильно беспокоится на счет моего квартиранта, и предложил ехать немедленно домой. Я выразил согласие, он повернул в другую сторону и прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2-3 шагов, я вынул револьвер „браунинг“ и произвел два выстрела. После этого повернулся и пошел к выходу, но был задержан. Револьвер мною приобретен в бытность мою за границей, в Берлине, в магазине в 1908 г., вместе с револьвером мною были куплены патроны в количестве 50-60 штук. Стрелять мне приходилось мало, в общем стрелял я раз 30, иногда в цель, иногда в воздух.

Все рассказанное мною Кулябко было вымышлено. Никто у меня не останавливался. В первое свидание я рассказал в самом неопределенном виде, что ко мне на дачу, где я жил в течение 2-х недель, приезжал молодой человек по кличке „Николай Яковлевич“, с которым я будто бы познакомился в С.-Петербурге. Человек этот расспрашивал меня об условиях, в которых будут происходить Киевские торжества и видимо интересовался условиями, при которых мог бы иметь место террористический акт. Кулябко спросил у меня приметы этого человека, а также просил сообщить, если будет что-нибудь новое. Между прочим он указал на пачку билетов, которые лежали у него на столе, и спросил: „А билет на торжество у вас есть?“ Я ответил, что билет мне не надобен, ибо я боюсь афишироваться. При этом разговоре присутствовал Спиридович и Веригин. Только при следующем разговоре по телефону я попросил билет в Купеческое. Билет мне был дан. После Купеческого я вечером часов в 11 зашел в охранное отделение; Кулябко уже спал, я написал ему сообщение, что „Николай Яковлевич“ приехал ко мне, ночует у меня и завтра намерен встретиться с неизвестной девицей „Ниной Александровной“, у которой есть бомба. *Все это опять-таки было можно.* Кулябко поставил к моему дому наблюдение для того, чтобы заметить выход „Николая Яковлевича“ и встречу его с „Ниной Александровной“. Во время свидания в „Европейской гостинице“, я напирал на необходимость выдвинуть меня из компании бомбистов и с этой целью просил

создать предлог в виде ухода моего в театр. В то же время посещение мною театра давало бы возможность предупредить покушение тем, что я не дал бы нужного заговорщикам сигнала.

Ни к какой партии я не принадлежу. Имел года три тому назад связи с анархистами, но связи эти безвозвратно порвал. С тех пор я занимался исключительно своим образованием. В январе 1910 года кончил Киевский университет и в апреле того же года уехал в С.-Петербург, где пробыл до ноября 1910 г. Из С.-Петербурга я уехал по болезни и в течение 2-х месяцев, январь и февраль 1911 г., пробыл в Ницце, откуда вернулся в Киев. В С.-Петербурге я жил по Лиговской ул. в д. N 69, кв. 19, у двоюродного брата Льва Богрова, занимался отчасти адвокатурой, отчасти состоял помощником секретаря в Комитете по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов при министерстве торговли и промышленности, где получал 50 р. в месяц жалованья, судебная практика в мировых учреждениях давала мне 25-30 р. в месяц и от 75-100 руб. ежемесячно высылал мне отец.

С анархистами я познакомился в 1907 году в Киеве в университете через студента Татиева под кличкой „Ираклий“. В состав группы входили Иуда Гросман, Леонид Таратута, Петр, Кирилл Городецкий и несколько рабочих булочников. Состав группы многократно менялся в течение 1908 г., туда вошел целый ряд новых лиц: Сандомирский Герман, Филипп Тыш, Дубинский. Никаких преступных деяний я за время принадлежности к анархистам не совершал. Примкнул к анархистам и искал связей с ними сначала из-за желания подробнее познакомиться с их учением, а затем, но очень короткое время, был задержан царившим там боевым духом. Я принимал участие в целом ряде собраний, происходивших в квартирах у членов их, и высказывал мнение свое по разным вопросам. Домов, где были собрания, не припомню. В организации с 1908 г. ни в С.-Петербурге, ни за границей с присяжным поверенным С. Г. Крупновым, помощником которого я состою с марта 1910 года, я раньше знаком не был. Просил же его принять меня в помощники потому, что рассчитывал у него на работу по уголовным делам. Узнал я про то, что в С.-Петербурге в Комитете борьбы с фальсификацией имеется вакансия на место помощника секретаря, через родственника своего доктора Семена Леонидовича Райковича, причем на место был утвержден в Мюнхене и до конца 1906 года состоял одновременно студентом Мюнхенского и Киевского университета, приезжая в Киев, чтобы сдавать экзамены.

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т. е. отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Государственной думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Государственной думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа. С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которой имел связи. В охранном отделении состоял до октября 1910 года, но последние месяцы никаких сведений

не давал. В сентябре 1908 года я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить заключенных в тюрьму Тыша и „Филиппа“. Необходимо было немедленно принять меры и я предложил Кулябко арестовать и меня. Я был арестован и содержался в Старокиевском участке 2 недели.

В охранном отделении я шел под фамилией „Аленский“, и сообщал сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходах, о проектах экспроприаций и террористических актов, которые и осуществлялись Кулябко. Получал я 100-150 р. в месяц, иногда одновременно по 50-60 р. Тратил их на жизнь. В 1910 г. в июле или августе я встретился с Столыпиным при осмотре им с.-петербургского водопровода. Расстояние между нами было шагов 10-12, но, по указанию начальника водопровода я удалился. Был ли у меня при себе револьвер тогда, не помню, но мысли совершать покушение не было. Никакого определенного плана у меня выработано не было, я только решил использовать всякий случай, который может меня привести на близкое от министра расстояние, именно сегодня, ибо это был последний момент, в который я мог рассчитывать на содействие Кулябко, так как мой обман немедленно должен был обнаружиться. Настоящее показание написано мною собственноручно. *Дмитрий Богров*. Подполковник *Иванов*. Предъявленный мне револьвер принадлежит мне (система Браунинг N 239630), он был заряжен восемью патронами, из коих один был в дуле, а семь в обойме. *Д. Богров*. При допросе присутствовали: товарищ прокурора судебной палаты Царюк и прокурор суда Брандо ф. Подлинный подписал: подполковник *Иванов*“.

2 сентября 1911 года, следователь по особо важным делам В. И. Фененко в Косом канонире, где содержался Богров, допрашивал Богрова.

Богров показал:

„Я не признаю себя виновным в том, что состоял участником преступного сообщества, именуемого себя группой анархистов и имеющей целью своей деятельности насильственное ниспровержение установленного основными законами образа правления, но признаю себя виновным в том, что, задумав заранее лишить жизни председателя совета министров Столыпина, произвел в него 1-го сентября сего года 2 выстрела из револьвера Браунинга и причинил ему опасные для жизни поранения, каковое преступление, однако, совершенно мною без предварительного уговора с другими лицами и не в качестве участника какой-либо революционной организации.“

Вырос я в семье отца моего и матери, которые проживают в Киеве, причем отец присяжный поверенный и домовладелец. Дом отца моего находится на Бибиковский бульваре под N 4 и стоит приблизительно 400 тысяч рублей. Долга на этом доме имеется сто тысяч рублей. Таким образом, мой отец является вполне обеспеченным человеком. Я лично всегда жил безбедно, и отец давал мне достаточные средства для существования, никогда не стесняя меня в денежных выдачах. После окончания Киевской 1-ой гимназии в 1905 г., я поступил в Киевский университет на юридический факультет. В

сентябре того же года я уехал в Мюнхен для продолжения учения, так как Киевский университет был закрыт. Вернулся я из Мюнхена осенью 1906 г. В то же время я уже был настроен революционно, хотя ни в каких конкретных поступках это мое настроение не выражалось. Вернувшись в Киев, я в декабре 1906 г. примкнул через студенческий кружок к группе анархистов-коммунистов, с которыми я познакомился через студента Татиева под кличкой „Ираклий“. В настоящее время (в 1911 г.) он куда-то выслан, куда - не знаю. В состав группы входил Иуда Гросман, Леонид Тарамута, какой-то Петр, фамилии которого не помню, Кирилл Гродецкий и несколько рабочих булочников. Эта группа имела при мне 10-15 собраний, происходивших на разных квартирах, но на каких именно - указать не могу, так как забыл адрес. На этих собраниях разрабатывались организационные планы и высказывались предположения о возможности совершения разных экспроприаций, но определенных замыслов не было. Я лично за все время принадлежности к группе анархистов-коммунистов ни в каких преступлениях не участвовал. Состав партии часто менялся и в течение 1908 г. все вышеупомянутые лица из нее выбыли, будучи арестованы, а в состав ее вошли приехавшие из-за границы: Герман Сандомирский, Наум Тыш, Дубинский и какой-то Филин, фамилии которого не помню. Примкнул я к группе анархистов вследствие того, что считал правильной их теорию и желал подробнее познакомиться с их деятельностью. Однако вскоре, в середине 1907 г. я разочаровался в деятельности этих лиц, ибо пришел к заключению, что все они преследуют, главным образом, чисто разбойничьи цели. Поэтому я, оставаясь для видимости в партии, решил сообщить Киевскому охранному отделению о деятельности членов ее. Решимость эта была вызвана еще тем обстоятельством, что я хотел получить некоторый излишек денег. Для чего мне был нужен этот излишек - я объяснять не желаю. Когда я впервые явился в середине 1907 года в охранное отделение, то начальник его Кулябко расспросил меня об имеющихся у меня сведениях и, убедившись, по-видимому, что таковые совпадают с его сведениями, Кулябко принял в число своих сотрудников и стал уплачивать мне 100-150 р. в месяц. Тратил я эти деньги на жизнь, при чем от отца своего в то время получал, кроме стола и квартиры, около 50 р. в месяц. В охранное отделение я ходил два раза в неделю и между прочим сообщал сведения о готовящихся преступлениях, как, например, Борисоглебской организации максималистов, об экспроприации в Киевском политехническом институте, лаборатории в Киеве, +-на Подоле, по которой была привлечена Р. Михельсон, разъяснил дело Мержеевской, подготавливавшей покушение на жизнь государя в 1909 г., и много других замыслов анархистов.

Кроме того я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить находившихся в Лукьяновской тюрьме Тыша и Филиппа при помощи бомб. Для предупреждения этого преступления необходимо было арестовать участников накануне и для того, чтобы моя роль, как сотрудника не была раскрыта, я тоже был арестован фиктивно охранным отделением и содержался в Старокиевском

участке с 10 сентября по 25 сентября 1908 года., после чего был отпущен и продолжал свою деятельность в охранном отделении, где шел под фамилией „Аленский“.

Всего работал я в охранном отделении около 2,5 лет и в течение этого времени был несколько раз за границей, причем одна моя поездка длилась с сентября 1908 г. по май 1909 г. Эти мои поездки предприняты мною для моих личных надобностей и не носили характера командировок от охранного отделения, но Кулябко пользовался этими поездками и сохранял со мною связь, поручая собирать сведения о заграничной деятельности анархических организаций и продолжая выплачивать мне ежемесячно деньги.

В охранном отделении я работал до начала 1910 г., а затем уехал в Петербург, по окончании в феврале месяце 1910 г. курса в Киевском университете. Там я продолжал числиться помощником киевского присяжного поверенного С. Г. Крупнова и иногда получал практику через знакомых прис. пов.: Кальмановича, Рашковича, Дубосарского и др. Вскоре по приезде в Петербург в июле месяце 1911 г., я решил сообщить петербургскому охранному отделению или департаменту полиции вымышленные сведения для того, чтобы в революционных целях вступить в тесные сношения с этими учреждениями и детально ознакомиться с их деятельностью.

На вопрос, почему у меня после службы в киевском охранном отделении явилось вновь стремление служить революционным целям, я отвечать не желаю.

По прибытии в Петербург, я снова сделался революционером, но ни к какой организации не примкнул. На вопрос о том, почему я через такой короткий промежуток времени из сотрудников охранного отделения снова сделался революционером, я отказываюсь отвечать. Может быть по-вашему это нелогично, но у меня своя логика. Могу только добавить, что в киевском охранном отделении я действовал исключительно в интересах сего последнего. Задумав сообщить петербургским жандармским властям вымышленные сведения, я написал Кулябко письмо, в котором, сообщая, что у меня есть важные сведения, запрашивал его, куда мне их сообщить. На это письмо я получил телеграфный ответ с указанием, что мне нужно обратиться к петербургскому начальнику охранного отделения фон-Комттену. У этого последнего я был раз 10 и, передавая ему вымышленные и довольно безразличные сведения, по-видимому, заслужил его доверие. Мне думается, что меня рекомендовал ему Кулябко, Комттен платил мне 150 р. в течение 4 месяцев. После этого я серьезно заболел в С.-Петербурге, и врачи послали меня на юг Франции, куда я прибыл в декабре месяце 1910 г. и оставался там до марта 1911 г. Там я никаких сношений с революционными организациями не имел и никаких поручений от них не получал. Вернувшись в Киев, я прожил здесь до конца июля месяца, ни с Кулябко, ни с революционерами не виделся. В июле же месяце я поехал на дачу около Кременчуга, где пробыл недели две у своих родителей. После этого я вернулся в Киев в начале августа и оставался здесь безвыездно до вчерашнего дня.

1

Еще в 1907 году у меня зародилась мысль о совершении террористического акта в форме убийства кого-либо из высших представителей правительства, каковая мысль являлась прямым последствием моих анархических убеждений. Затем в период моей работы в киевском охранном отделении я эту мысль оставил. А в нынешнем году снова вернулся к ней, причем я решил убить министра Столыпина, так как я считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна. Зная о предстоящих в Киеве августовских торжествах и о предполагаемом приезде Столыпина, я решил воспользоваться этим обстоятельством для осуществления своего замысла. Но так как мне трудно было проникнуть в те места, где должен был иметь пребывание Столыпин, то я придумал ввести Кулябко в заблуждение и при его помощи получить доступ в означенные места. Для этой цели я 26 или 27 августа отправился к Кулябко на квартиру, предварительного уведомив его по телефону о том, что имею сообщить ему некоторые сведения. Кулябко принял меня у себя дома и при нашем разговоре присутствовал полк. Спиридович и камер-юнкер Веригин. Я сообщил всем этим лицам вымышленные сведения; схема которых была выработана мною заранее по следующему плану. В бытность мою в С.-Петербурге я сообщил фон-Коттону ложное известие о моем знакомстве с молодым террористом, и вот теперь я и решил воспользоваться этой же несуществующей личностью, которую назвал „Николаем Яковлевичем“, для того, чтобы создать связь между сведениями, сообщенными раньше фон-Коттону и ныне сообщаемыми мною Кулябко и тем самым придать этим сведениям большую достоверность. Я решил рассказать Кулябко, что этот „Николай Яковлевич“ с женщиной „Ниной Александровной“, также не существующей, условились приехать в Киев во время августовских торжеств для совершения убийства одного из видных министров, что они просили меня дать им возможность прибыть в Киев не по железной дороге и не на пароходе, а на моторной лодке для того, чтобы избежать полицейского наблюдения, и что „Николай Яковлевич“ имеет намерение остановиться у меня на квартире. После передачи всех этих сведений я решил убедить Кулябко дать мне пропуск в те места, где будет Столыпин, для того, чтобы иметь возможность предупредить покушение на него. Получив же эти пропуска, я решил воспользоваться близостью Столыпина и стрелять в него. Весь этот план и был мною осуществлен, причем Кулябко, несомненно, вполне искренно считал мои слова правдивыми. Я виделся с Кулябко всего 3 раза, а именно: 26 или 27 августа в присутствии Спиридовича и Веригина, затем ночью 31 августа у него на квартире и, наконец, 1 сентября в „Европейской гостинице“ в N 14 в присутствии того же Веригина. В эти три раза я ему рассказал все вышеизложенное и прибавил, что „Николай Яковлевич“ и „Нина Александровна“ приехали, и первый из них остановился у меня на квартире. Тогда Кулябко учредил за ней очень густое наблюдение, но, конечно, никого не выследил, так как никто ко мне не приезжал. При первом свидании с Кулябко, он, указывая мне на пачку пригласительных

билетов на торжества, спросил меня, имело ли я таковые, но я, не желая возбудить у него подозрений, ответил ему, что мне таковых не надо; однако, я твердо решил достать такие билеты и с этой целью телефонировал ему в 6 часов 31 августа, что в видах успеха дела мне необходим билет на вход в Купеческий сад. Кулябко, очевидно, понял, что мое присутствие в саду требуется для предупреждения покушения и сообщил мне, что билет мне будет выдан и чтобы я прислал за ним посыльного. Таким образом, я и получил билет и находился в Купеческом саду 31 августа, где стоял сначала около эстрады с малороссийским хором, а затем перешел в аллею, ближе к царскому шатру; стоял я в первом ряду публики и хорошо видел прохождение государя, но Столыпин в тот момент не заметил и видел его только издали и то неотчетливо; поэтому я не мог в него тогда стрелять.

Вернувшись из Купеческого сада и убедившись, что единственное место, где я могу встретить Столыпина, есть городской театр, в котором был назначен парадный спектакль 1-го сентября, я решил непременно достать туда билет и с этой целью пошел в охранное отделение и в виду того, что Кулябко уже спал, я написал предъявляемую мне записку. В этой записке я сообщал, что у Нины Александровны имеется бомба, что у Николая Яковлевича имеются высокопоставленные покровители, и что покушение на государя не состоится из опасения еврейского погрома. Я рассчитывал, что эта запись произведет на Кулябко серьезное впечатление и что он примет меня лично, и тогда я выпрошу у него билет на спектакль. Так оно и вышло: Кулябко меня принял, и из разговора с ним я понял, что он меня ни в чем не подозревает и что я имею все шансы на получение билета. Но окончательно этот вопрос не был тогда разрешен, поэтому я на следующий день снова пошел к Кулябко и сообщил ему, а также присутствующему Веригину, что билет мне необходим во первых для того, чтобы быть изолированным от компании бомбистов, во вторых для разных других целей, полезных для охранного отделения. По эти цели были изложены мною весьма неопределенно и туманно, и я, главным образом, рассчитывал, что Кулябко среди окружающих его суматохи не станет особенно в них разбираться, а из доверия ко мне выдаст билет. Мои предположения в этом смысле вполне оправдались, и билет был мне прислан в 8 ч. с филером охранного отделения, о чем меня предупредил по телефону Кулябко. Билет был за № 406, 18 ряд и был написан на мое настоящее имя, только с ошибкой в заглавной букве моего отчества. Приехал я в театр во фраке в 8 ч. 15 мин. и встретил Кулябко, которому сообщил, что Николай Яковлевич по-прежнему находится у меня на квартире и, повидимому, заметил наблюдение. Тогда Кулябко, боясь прозевать его, просил меня съездить домой и удостовериться, не вышел ли он из дому. Я удалился на некоторое время из театра и в первом антракте не имел случая приблизиться к Столыпину. Затем во время второго антракта, высматривая, где находится Столыпин, я в коридоре встретился с Кулябкой, который мне сказал, что очень опасается за деятельность Николая Яковлевича и Нины Александровны и предложил мне ехать

домой следить за Николаем Яковлевичем. Я согласился, но когда Кулябко отошел от меня, оставив меня без всякого наблюдения, я воспользовался этим временем и прошел в проход партера, где между креслами приблизился к Столыпину на расстояние 2 - 3 шагов. Около него почти никого не было, и доступ к нему был совершенно свободен. Револьвер браунинг, тот самый, который вы мне предьявляете, находился у меня в правом кармане брюк и был заряжен 8 пулями. Чтобы не было заметно, что карман оттопыривается, я прикрыл его театральной программой. Когда приблизился к Столыпину на расстояние 2 аршин, я быстро вынул револьвер из кармана и, быстро вытянув руку, произвел 2 выстрела и, будучи уверен, что попал в Столыпина, повернулся и пошел к выходу, но был схвачен публикой и задержан.

Я помню, что перед задержанием у меня кто-то отнял револьвер, но кто именно - не знаю. Пули в патронах, которыми я стрелял, отправлены не были. До этого случая я никаких попыток на убийство Столыпина или кого-либо другого не делал. После задержания меня прокурор суда отобрал у меня бумажник, в нем находилась записка, писанная мною собственноручно, начинающаяся словами: „Николай Яковлевич очень взволнован... Подтверждаю, что я совершил покушение на убийство статс-секретаря Столыпина единолично без всяких соучастников и не в исполнение каких-либо партийных приказаний“.

Это показание Богровым собственноручно подписано.

Одновременно по поводу его показания составлен был другой протокол, подписанный со слов Богрова Чаплинским, Брандорфом и Фепенком, подписать его Богров отказался, мотивируя тем, что „правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устрашая организацией погромов. В неподписанном протоколе говорилось, что Богров, давая показания, между прочим упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое деяние, которое вообще могло бы навлечь на евреев подобное последствие и вызвать стеснения их прав“.

4-го сентября 1911 г. на допросе у жандармского подполковника Иванова Богрова показал (дело департамента полиции N 124-а, т. I):

„Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. Относительно причин, побудивших Кулябко выдать мне билет, показываю следующее: я сообщил Кулябко, что ночевавший у меня „Николай Яковлевич“, собирается в 9 ч. вечера выйти для встречи с „Ниной Александровной“ куда-то в окрестности Владимирского Собора и просил инструкции, как мне поступить в случае, если кто-либо из этой компании даст мне какое-нибудь поручение. Кулябко категорически воспретил мне исполнять какое бы то ни было поручение. Тогда я заявил, что при таких условиях я должен быть изолирован от компании бомбистов, иначе возбужду подозрение их и что лучше всего для этой цели выдать мне билет в театр, ибо, показав этот билет „Николаю Яковлевичу“ и другим, я смогу принять на себя исполнение роли наблюдателя за Столыпиным и неправильно данным сигналом испортить их предпри-

ятие. Билет я получил в 8 ч. вечера через филера „Самсона Ивановича“ на углу Бибиковского бульвара и Пушкинской улицы, куда я вышел встревоженный долгим неполучением билета. Я прилагал все усилия к тому, чтобы достать билет в театр на 1-е сентября именно потому, что полагал, что более мне не представится удобного случая для встречи со Столыпиным, ибо мой обман должен был быть выяснен в самом непродолжительном времени охранным отделением. План покушения мною разработан не был. Я был уверен, что, находясь в театре, смогу улучшить момент для того, чтобы приблизиться к министру. При разговоре 1-го сентября я просил Кулябко дать мне место поближе к креслу Столыпина, но он и Веригин ответили мне, что в первых рядах будут сидеть только генералы и потому мне сидеть там неудобно. Вообще Кулябко обращал внимание, что я очень взволнован, но приписывал это волнение тому, что я неожиданно попал в центр заговора; вместе с тем он мог бы обратить внимание на то, что держал я себя весьма не конспиративно, приходил днем в охранное отделение, телефонировал туда из своей квартиры, посылал туда посыльного и т. п., ходил в Европейскую гостиницу и, наконец, решался открыто посещать такие места, как Купеческое и театр, куда, как лицо неблагонадежное, билетов получить не мог бы. Билет в Купеческое был мною получен от Кулябко, без всякой особенной мотивировки. Я по телеграфу часов в 6 вечера просил его выдать мне билет, и он предложил прислать за ним посыльного.

По возвращении из Потоков меня посещали несколько раз: Владимир Абрамович Скловский, мой товарищ по гимназии и по университету, который, однако, о моих планах совершенно осведомлен не был, пом. прис. поверенного Лев Леонтьевич Фельдзер, с которым я встречался ежедневно в кабинете прис. пов. Александра Соломоновича Гольденвейзера, который находился за границей; студент Киевского университета, Самуил Леонтьевич Фельдзер, мой товарищ по гимназии, заходил ко мне только один раз, возвращаясь от доктора. Я категорически утверждаю, что все эти лица не имели ни малейшего понятия о моих планах. Сведения, которые я давал Кулябко, им не записывались, и письменный след о них сохранился лишь в одной записке, которую я посылал ему 31 августа из охранного отделения в квартиру. Подлинный подписали: *Дмитрий Богров*. Подполковник *Иванов*“.

10-го сентября 1911 г. на допросе у жандармского полковника Иванова Богров показал (дело Департамента Полиции N 124, лит. А, т. I):

„Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. В предъявленной мне фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка Петра Лятковского) я признаю того человека, который явился ко мне в первых числах марта сего года и сообщил мне, что в Лукьяновской тюрьме, из которой он вышел в феврале месяце, существует сильное раздражение против меня.

Еще раньше в 1908 г., приблизительно в мае месяце, отбывающие наказание за участие в анархической группе Наум Тыш, „Филипп“

и несколько других лиц возбудили против меня обвинение в провокации. Обвинение это, однако, окончилось ничем, и доверие ко мне было восстановлено. Однако, в 1910 году, приблизительно в сентябре или октябре месяце, в тюрьму поступили новые сведения, а именно: письмо от некоего „Николая“, настоящее имя которого Рафаэль Черный, в котором он обвинял меня в растрате партийных денег, а также письмо из Парижа с запросом о некоторых обстоятельствах в моей деятельности. Ввиду этого в Лукьяновской тюрьме вновь, был возбужден и решен в утвердительном смысле вопрос о моем сопричастности в охранном отделении.

II. Лятковский был уполномочен находящимися в тюрьме анархистами расспросить меня о деньгах и вообще сообщить мне свои впечатления. После разговора с Лятковским, уехавшим через несколько дней домой, на Кавказ, я в течение двух месяцев не имел никаких сведений и свиданий с кем-либо из анархистов. Лятковский приходил ко мне один раз, был одет в студенческую форму. Дверь ему, насколько помню, открывала горничная и впустила его в мою комнату, находящуюся направо от главной передней. Разговор с Лятковским велся в миролюбивой форме, и, уходя от меня, он взял у меня две книги (помню, что часть журнала „Былое“). Приблизительно числа 6 - 7 мая месяца ко мне явилось два человека, из которых одного я знал по Парижу, как анархиста, состоявшего в группе „Буревестник“. Имени и клички я его не помнил, но он назвался „Василий“. Что касается второго из моих посетителей, то о нем я никакого понятия не имел, но он говорил, что также меня знает из Парижа. Не называясь он мне никак.

„Василий“ и неизвестный заявили мне, что они присланы из Парижа, в качестве членов „революционной комиссии“, имеющей целью объехать те города России, в которых была, но прекратилась революционная работа, отчасти в целях выяснения оставшихся на местах сил, спрятанных материалов (шифра, револьверов), отчасти же для выяснения причины провалов организаций. От меня лично они требуют отчета в деньгах, которые находились у меня на руках в течение 1908 года, при этом они представили мне мой отчет в 2.000 руб., помещенный в N 4 „Бунтаря“, копию подробного ответа, присланного мною в 1908 году в Париж Иуде Гросману, и указывали на погрешности его, доходившие по собранным ими справкам до 520 рублей. Я оспаривал правильность их счетов и сначала пришел с ними к соглашению, по которому должен был уплатить им 260 рублей. Деньги я должен был доставить через два дня, но к условленному сроку явился один „Василий“ и заявил, что они „революционная комиссия“ на прежнее решение не согласны и что требуют все деньги сполна. Я попросил еще три дня срока и потом внес „Василию“ все требуемые от меня деньги.

Деньги я получил от родителей, причем в первый раз от матери моей 150 рублей, а через два дня от отца 210 рублей, 160 рублей были у меня. Обстоятельства эти мои родители могут подтвердить. „Василий“ - светлый шатен, низкого роста, слабого сложения, лет 24 - 26,

маленькая борода и усы. Другой неизвестный, по-видимому, еврей, чрезвычайно маленький брюнет, без усов и бороды, лет 20-21. Распустил я у них о вручении мною денег не взял, а вместо того написал вместе с „Василием“ письмо Гросману в Париж, где подтверждал вторичную уплату мною уже раз истраченных на партийные цели денег. Всего я виделся с членами „ревизионной комиссии“ три раза, из коих два раза у себя дома, один раз в центральной молочной на Крещатику. После этого я считал все мои партийные счета окончательно законченными, но в конце июля месяца в Потюки мне было переслано заказное письмо из Парижа; письмо это было адресовано мне в Киев. Пересылал его должно быть швейцар. Письмо это было написано Максимом Раевским, „Томом“ и еще кажется Василием Железным, а также Аскарковым. Все эти лица состояли членами парижско-й группы „Буревестник“.

В письме этом, написанном в явно враждебном тоне, от меня требовались ответы на целый ряд вопросов о мое-й и прежней деятельности, а именно: 1) передавал ли я при подготавливавшемся побеге из Лукьяновской тюрьмы Н. Тыша и „Филлиппа“, который организовала Роза Сельская, телеграмму в тюрьму для вывоза означенных лиц к следователю; 2) был ли известен кому-либо, кроме меня, адрес „Николая“ в Варшаве; 3) каковы были мои отношения к борисоглебским максималистам, почему я сам не ездил в Борисоглебск, и кто та „Роза“, которую я посылал в Воронеж за литературой. На это письмо я не ответил непосредственно написавшим его, а вновь написал Гросману о том, чтобы он передал „Буревестникам“, что подобными письмами они меня могут легко пролить, если такое письмо попадет в руки полиции, и что я, отстранившись от всяких партийных дел, ни в какую переписку вступать не желаю. После этого письма, 16 августа ко мне на квартиру явился известный мне еще с 1907-1908 года „ Степа“. Последний был в Киеве в 1908 году летом. Он бежал с каторги, куда был сослан по приговору екатеринославского суда за убийство офицера. Преступление его, насколько помню, было совершено в следующей обстановке: „ Степа“ направился на какой-то террористический акт или на экспроприацию и был вооружен браунингом. На улице его внимание обратил на себя офицер, бранивший солдата, не отдавшего ему чести. „ Степа“ выхватил браунинг и ранил или убил офицера, затем был арестован и приговорен к каторжным работам на 8 или 10 лет.

В Киеве он был на пути за границу, при чем со мной встретился только для того, чтобы я ему помог деньгами. Я дал ему денег (8 рублей) и адрес в Черкасы, куда он и отправился. После этого „ Степа“ я видел в 1909 г. в Париже в русской столовой. Он говорил мне, что работает на заводе, но собирается эмигрировать в Америку. При его появлении 16-го августа „ Степа“ был одет очень прилично, вообще настолько изменил свою внешность, что я его совершенно не узнал. Открыл я ему двери сам, ибо в это время жил уже в двух комнатах, имеющих отдельный парадный ход. Приметы „ Степы“: высокого роста, лет 26-29, темный шатен, усы, падающие вниз, волосы слегка

забываются, довольно полный и широкоплечий. „Степа“ заявил мне, что моя провокация безусловно и окончательно установлена, что сомнения, которые были раньше из-за того, что многое приписывалось убитому в Женеве в 1908 году провокатору Нейдорфу (кличка „Бегемот“, настоящая фамилия, кажется, Левин из г. Минска), теперь рассеялись, и что решено о всех собранных фактах довести до сведения общества, разослав объявления об этом во все те места, в которых я бываю, как, например суд, комитет присяжных поверенных и т. п., вместе с тем, конечно, мне в ближайшем будущем угрожает смерть от кого-то из членов организации. Объявления эти будут разосланы в самом ближайшем будущем.

Когда я стал оспаривать достоверность парижских сведений и компетентность партийного суда, „Степа“ заявил мне, что реабилитировать себя я могу только одним способом, а именно путем совершения какого-либо террористического акта, причем намекал мне, что наиболее желательным актом является убийство начальника охранного отделения Н.Н.Кулябко, но что во время торжеств в августе я имею „богатый выбор“. На этом мы расстались, причем последний срок им был дан мне 5-го сентября.

После этого разговора я, потеряв совершенно голову, из опасения, что вся моя деятельность в охранном отделении будет раскрыта, решил совершить покушение на жизнь Кулябко. Для того, чтобы увидеться с ним, я по телефону передал, что у меня имеются важные сведения, и приготовил в общих чертах рассказ о „Николае Яковлевиче“.

Но, будучи встречен Кулябко очень радушно, я не привел своего плана в исполнение, а вместо этого в течение полчаса рассказывал ему и приглашенным им Спиридовичу и Веригину вымышленные сведения.

Уйдя от Кулябко, я опять в течение трех дней ничего не предпринимал, потом, основываясь на его предложении (при первом свидании) дать мне билеты в Купеческое и театр, я попросил у него билет в Купеческое. Там я вновь не решился произвести никакого покушения и после Купеческого ночью поехал в охранное отделение с твердой решимостью убить Кулябко. Для того, чтобы его увидеть, я в письменном сообщении еще больше подчеркивал грозящую опасность. Кулябко вызвал меня к себе на квартиру, встретил меня совершенно раздетым, и хотя я при такой обстановке имел все шансы скрыться, у меня не хватило духа на совершение преступления, и я вновь ушел. Тогда же ночью я укрепился в мысли произвести террористический акт в театре. Буду ли я стрелять в Столыпина, или в кого-либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из немногих лиц, которых я раньше знал, отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики.

В предъявленной мне фотографической карточке (мне предъявлена фотографическая карточка Муравьева) я не признаю знакомого мне лица, и отрицал, чтобы это лицо посещало меня на квартире.

Относительно „Степы“ я в 1908 году давал сведения Кулябко. Билет в театр мне был передан „Самсоном Ивановичем“ в 8 часов вечера на углу Пушкинской и Бибиковского бульвара. В 5 часов вечера 1 сентября я по телефону передал Кулябко о том, что „Николай Яковлевич“ заметил наблюдение и беспокоится. Разговор мой по телефону 31-го августа с Кулябко, когда я просил билет в Купеческое, был случайно услышан одним из клиентов моего патрона Певзнером, который мне об этом в иронической форме заявил. Относительно сохранившихся в Черкассах и Киеве оружия и шрифта могу соответственно тому, что слышал от членов ревизионной комиссии и знал сам, сообщить следующее: в Киеве около пуда шрифта должно быть закопано в усадьбе на Боричевом Току, где в 1908 году произошел взрыв бомбы.

В Черкассах из Киева в том же году был отправлен транспорт в 21 браунинг, которые в значительной части были спрятаны в усадьбе, в которой было оказано вооруженное сопротивление группой анархистов. Где в настоящее время находится Петр Лятковский, члены „ревизионной комиссии“ и „Степа“, не знаю. Полагаю, что Лятковский на родине, на Кавказе; „Степа“ же на юге России, но не в Екатеринославе. Настоящее показание написано мною собственноручно. Подлинное подписали: *Дмитрий Богров*. Подполковник *Иванов*.

5. Суд над Д. Богровым*

Суд над Дмитрием Богровым происходил в „Косом капонуре“ 9 сентября 1911 г.

Мрачное неуклюжее здание „Косого капонира“ находится в крайнем правом углу Печерской крепости, над почти недоступным обрывом.

Собачья тропа, стелющаяся по горе, с одной стороны, с другой — земляные валы соседней кладки.

Из глухих окошечек, замурованных частыми решетками — жуткая, дышащая ужасом перспектива легендарной Лысой горы, ставшей теперь местом казни осужденных военным судом.

Здание одноэтажное, очень старое, но построено из хорошо обожженного желтого кирпича.

Через массивные дубовые ворота идет вход в узкий треугольник, составленный высокими постаревшими стенами корпуса.

В основании треугольника — небольшая дверь, прикрытая сваружу решеткой.

За нею извилистый коридор, теряющийся во мраке. Здесь подвалы. Мрачные, кошмарные подвалы старинных олеографий, с сочащейся водой, крысами и плесенью. Говорят, что здесь — место карцера для провинившихся заключенных.

Винтовая лестница ведет вверх, во второй коридор, с сводчатым потолком, с ухмылкой, точно провалившимся в стены дверями,

* *А. Мушин. Ук. соч., стр. 170-174*

лишенными последнего слова тюремной техники - автоматических глазков и орточек.

Тяжелые замки висят на дверях.

В углу, где коридор делает резкий изгиб, тянется вверх узенькая лестничка...

В темноте вверху теряется двойная окованная железом дверь.

Это - важнейшая секретная камера.

В ней содержался когда-то Асланов.

В ней содержался и Богров...

Заседание суда произошло в самой большой камере второго коридора.

Здесь было доставлено 30 стульев и большой стол, покрытый красным сукном.

За судейским столом находились: генерал Рейнгартен, полковник Акутин, подполковник Мещанинов, подполковник Кравченко и подполковник Маевский.

Председательствовал генерал Рейнгартен. Обвинял прокурор киевского военного суда, генерал Костенко. Секретарем был Лесниченко.

Защитника не было, - от защиты подсудимый категорически отказался.

В зал суда были допущены исключительно представители высшей администрации и судебной власти. Тут находились: министр юстиции И. Г. Щегловитов, киевский генерал-губернатор генерал Ф. Ф. Трепов, командующий войсками Н. И. Иванов, киевский губернатор А. Ф. Гирс, прокурор судебной палаты Чаплинский и окружного суда Брандор, судебный следователь по особо важным делам Ф. М. Фененко, расследовавший дело, комендант крепости Медер, губернский предводитель дворянства Куракин, Алексеев, Зальца и др. Всего около 20 человек.

Заседание открылось в 4 часа дня.

Подсудимый Богров был доставлен в суд под конвоем.

На нем та же фракционная пара, в какой он был взят в театре.

Воротник, манжеты, галстук - сняты.

Обвинительный акт написан на трех листах.

Чтение его заняло около получаса.

Свидетелей вызвано 12, из них явилось только 7. Неявившиеся свидетели-сановники, очевидцы покушения. Показания неявившихся свидетелей не были прочитаны, за исключением одного.

Из неявившихся свидетелей был допрошен только начальник киевского охранного отделения подполковник Кулябко. От вопроса остальных свидетелей прокурор отказался.

Богров подробно рассказал, как морочил руководителей охраны.

По просьбе Богрова, Кулябко во время его объяснений был оставлен в зале.

Много говорилось о том, каким путем был получен Богровым билет на парадный спектакль.

Заседание продолжалось три часа.

Совещание длилось не более 20 минут.

Резолюцией суда Богров, признанный виновным по предъявленным ему 102 (принадлежность к революционной партии) и 279 (покушение на убийство) ст. сп., приговорен к смертной казни через повешенье. Кроме того, суд вынес особое постановление, что разбором дела установлены данные, достаточные для возбуждения преследования против руководителей охраны.

Резолюция суда была выслушана Богровым совершенно спокойно.

Держался Богров спокойно и во время суда, удивляя всех своей выдержкой и самообладанием. Он произвел огромное впечатление на судей рассказом о своей жизни и объяснениями.

После объявления резолюции Богров обратился к председателю с просьбой дать ему поест и жаловался, что кормят его отвратительно.

Председатель распорядился, чтобы просьба Богрова была удовлетворена.

Через час после приговора резолюция была объявлена в окончательной форме.

В приговоре подробно изложены мотивы.

Приговор в тот же вечер был отправлен командующему войсками киевского Военного округа на утверждение.

От подачи кассационной жалобы Богров отказался.

Приговор по его делу был утвержден командующим войсками через 24 часа после его объявления, а именно, в 10 часов веч., и 10 сентября немедленно был направлен к исполнению.

6. Казнь Д. Богрова*

В ночь на 12-е сентября, в 4 часа смертный приговор киевского Военно-окружного суда был приведен в исполнение.

Казнь предполагалось совершить еще в субботу, но потом было решено не отступать от обычая, не допускающего казни накануне праздников и воскресных дней.

Палачом был один из каторжан лукьяновской тюрьмы. Палач поставил условием, что его немедленно после казни переведут в другую тюрьму, так как он боялся мести со стороны своих товарищей.

Казнь происходила под обрывом Лысогорского форта. Это - часть упрямленной киевской крепости, находящейся в 4-х верстах от „Косо́го капонира“, где содержался Богров.

Приготовления к казни начались еще в воскресенье вечером. На Лысой горе была сооружена виселица, вырыта яма. Вся местность, прилегающая к Лысогорскому форту, была тщательно обыскана по-

*А. Мухомин. Ук. соч., стр. 175-180

лицей, ротой пехоты и сотней казаков. В воскресенье, с вечера, были расставлены кругом казаки, оцепившие плотным кольцом место казни.

В первом часу ночи в Печерский полицейский участок прибыли: товарищ прокурора, помощник секретаря суда, полицмейстер, два его помощника, пять приставов, наряды городских и околоточных, городской врач, еврейский общественный раввин. Несколько времени спустя, в участок прибыл губернатор А. Ф. Гирс, но, переговорив с полицмейстером и товарищем прокурора, сейчас же уехал. Кроме официальных лиц, в участке находилось около 30 „союзников“ и правых, в том числе товарищ председателя киевского клуба националистов, сотрудник „Нов. Времени“. Анатолий Савенко, ныне украшающий своим присутствием 4-ую Гос. думу, председатель союза русского народа Постный, председатель союза русских рабочих Цитович. Все они получили разрешение присутствовать при казни, так как выражали сомнение, что Богров будет повешен.

Были поданы почтовые лошади, все уселись в кареты и поехали на Лысую Гору.

Когда дежурный офицер вошел в „Косой капонир“, в камеру Богрова, тот спал. Его разбудили. Богров сразу догадался в чем дело, и стал поспешно одеваться. Оделся он в тот же фрак, в каком был в театре...

Больше Богров в камере не проноронил ни слова. Из камеры вывели Богрова за руки двое городских. Усадили в арестантскую карету и под усиленным конвоем конной жандармерии отвезли на Лысую Гору. Здесь его уже ожидали должностные лица и вся „публика“, прибывшая из участка.

Когда Богрова вывели из кареты, „союзнику“ стали его рассматривать. Один из офицеров приблизил к его лицу электрический фонарик.

- Лицо, как лицо, ничего особенного,- сказал Богров.

- Ну, господа, опознайте, - это он, - спросил „союзников“ товарищ прокурора.

- Он, он, - зашумели „союзники“.

Раздавались также возгласы: „Как же? Он самый. Ведь, я его в театре здорово побил“.

Богрову стали связывать руки.

- Пожалуйста, покрепче завяжите брелоки, - обратился Богров к офицеру, - а то задержка выйдет.

Богров держал себя спокойно и разглядывал собравшихся, освещенных светом факела. Кто-то из союзников стал иронизировать над фраком Богрова. Услыхав это, Богров заметил:

- Пожалуй, в другое время мои коллеги-адвокаты могли бы мне позавидовать, если бы узнали, что уже десятый день я не выхожу из фрака.

Помощник секретаря окружного суда громко прочел приговор. Богров выслушал его спокойно.

- Может быть, желаете что-нибудь сказать раввину? - спросил

его товарищ прокурора.

- Да, желало, - ответил Богров, но в отсутствии полиции.

- Это невозможно, - возразил товарищ прокурора.

- Если так, - сказал Богров, - то можете приступить.

К Богрову подошел палач .

В этот момент Богров обратился к присутствующим с просьбой передать его последний привет родителям.

Затем палач связал ему руки назад, повел к виселице, надел на него саван.

Уже под саваном Богров спросил:

- Голову поднять выше, что ли?

Затем на шею Богрова была накинута веревка. Богрова повели к виселице. Он сам взошел на табурет. В этот момент палач вытолкнул табурет из-под ног Богрова.

Тело повисло.

В таком положении, как это требует закон, тело висело около 15 минут.

Царила глубокая тишина. Факелы по-прежнему горели.

Кто-то сказал: „Небось стрелять не будет“. - „Теперь не время разговаривать...“ - возразил ему какой-то голос.

Палач снял тело. Подошли врач и союзнки. Врач констатировал смерть.

Труп положили в яму, закрыли досками, засыпали и сравняли с землей.

Все это в общем продолжалось около 45 минут. В три часа утра все было кончено.

Союзнки, присутствовавшие при казни Богрова, уезжая с Лысой Горы, взяли на память по куску веревки.

Во время казни они вели себя безобразно. Охрана была снята.

Все вернулись обратно в город.

7. К портрету убийцы П. А. Столыпина

Воспоминания А. Мушина*

Начало сознательной жизни Богрова должно быть отнесено ко времени 1901-02 г.г., когда гимназистом пятого класса - Богров воспитывался в 1-ой киевской гимназии - он сближается с наиболее разви-

* А. Мушин „Дмитрий Богров и убийство Столыпина“. Предисловие В. А. Бурцева, Париж, 1914, стр. 128-151.

А. МУШИН - псевдоним. Настоящее имя точно не известно.

По одним источникам - Фридрих, по другим Сергей фон Вендрих, он же Федоров-Забрежний. В книге несомненно использованы материалы, вывезенные из России Владимиром Богровым, который в 1912-14 несколько раз ездил к своему отцу в Германию и Францию.

тими товарищами, под влиянием которых вступает в организацию средне-учебных заведений, посещает самообразовательные кружки, знакомится с нелегальной литературой, участвует в практической деятельности (агитации, пропаганде, руководстве забастовками). В гимназии же определяются его политические воззрения. Он решительно отдает свои симпатии социалистам-революционерам и тогда уже оказывает им разного рода услуги.

Подполье научает его искусству конспирации. Приходится скрывать свою деятельность от жандармов и родителей, которых он очень любил и жалел. Родители - интеллигентные обыватели, чуждые политике. И не раз деньги, дававшиеся Богрову на завтраки и на карманные расходы, шли в кассы организаций, о чем в семье никто не знал. Совершенно случайно родители узнали о его неблагонадежности, чему, впрочем, веры не придали. Во время поездки за границу у него жандармы произвели обыск, хотя ничего не нашли.

В мае 1905 года Дмитрий Богров окончил с отличием гимназию и осенью поступил в Киевский университет вполне сформировавшимся социалистом-революционером.

Студенческое движение интересовало его мало, в университет он являлся только экзаменоваться. Во время забастовок собирался не один раз выступить, но лишь раз удалось говорить: в другое время болезнь и отлучка не дали ему этой возможности. На студенчество он смотрел только как на арену для агитации.

Однако ввиду беспокойного времени, в октябре 1905 года, родители увезли его в Мюнхен, где, поселившись с братом, он отдался целиком чтению книг. Здесь он с интересом изучал и практику рабочего движения.

Когда начались погромы, он телеграфно умолял родителей, дать ему возможность получить отдельный паспорт, так как „он не может оставаться сложа руки за границей, когда в России избивают людей“. Эта возможность, однако, ему дана не была.

В апреле 1906 года Богров отправляется в Париж. В июне в Висбаден и „Les Avants“, где живет с родителями, а затем в августе того же года все вместе приезжали в Киев и с этого времени Богров снова за с.р-ской работой. Но ненадолго, так как в сентябре 1906 года уезжает опять в Мюнхен, где учится с братом в университете. Во время этой заграничной поездки он знакомится с анархо-синдикализмом и в конце ноября этого же года возвращается в Киев уже поколебленным в своих с.р-ских убеждениях. Он скоро переходит к максималистам и с начала 1907 года к анархистам; анархистом он остается до самых последних своих дней. Осенью 1907 года, переутомившись, Богров серьезно заболел, но через три недели оправился и взялся опять за работу. Деятельность его скоро замечается охранкой, и в ноябре она делает у него обыск, но ничего, обнаруживающего причастность Богрова к революционной работе, не находят. Несмотря на это за ним началась отчаянная слежка; казалось вот-вот его возьмут. Товарищи советовали ему уезжать. И рождеством 1907 года он уехал в Баку. В феврале 1908 года он вернулся в Киев и через

некоторое время принялся вновь за работу, буквально не покладая рук.

Какова же была работа киевской группы в действительности, насколько Богров был в ней осведомлен и был в ней сам участником, видно из напечатанной им самим корреспонденции в № 3 газеты „Анархист“. И так как Богров признавался главарю анархистов одним из виднейших и серьезнейших работников киевской группы, надо полагать, что изложенные в этой корреспонденции принципы, на которых зиждилась киевская работа, были приняты не без его влияния.

В отношении взглядов киевских анархистов на экспроприацию, можно смело сказать, что точка зрения на них Богрова, после упорной борьбы с мнениям других товарищей, в конце концов победила. И такие явления, как грабеж у трамвайных пассажиров двух рублей 50 коп., которые тот же прятается на извозчика, с бешеной силой увозящего экспроприаторов, более не повторялись, как не повторялась и индивидуальная дележка экспроприированных денег.

„В настоящей заметке, писал Богров в своей корреспонденции, я намерен выяснить те принципы и основные положения, которым стремились следовать работавшие товарищи в Киеве, осветить внутренний процесс организации киевских а.-к., не останавливаясь на положении местной хроники движения, не перечисляя временные успехи и систематические неудачи, которые выпадали на нашу долю.

„Практика революционной работы выдвинула целый ряд вопросов, требовавших немедленного разрешения. Среди них первое место занял вопрос об отношении к экспроприациям. Киев не представлял исключения из других южных городов. В нем также оперировали группы экспроприаторов, употребляющие деньги на личные нужды своих членов и прикрывающиеся именем анархизма. Даже в среде более или менее идейной, из которой впоследствии вышли энергичные работники, развился чрезвычайно дух „компромисса“.

„Совершавшие экспроприацию выговаривали на свои личные нужды известный процент с экспроприированных денег и т.д.

„Анархисты-коммунисты Киева, категорически отвергли всякое содействие к улучшению материального положения товарищей, путем денежных экспроприаций на том основании, что такая экспроприация есть ничто иное, как переход денег от одного собственника к другому и что она не имеет никакого революционного значения.

„Все члены Киевской группы заранее отказались от пользования экспропрированными деньгами на личные нужды, предназначая их исключительно в распоряжение группы для продолжения и расширения деятельности.

„Затем Киевской группе пришлось остановиться на анализе тех оснований, которые побуждали отдельные группы рабочих, обыкновенно в момент обострения экономической борьбы, обращаться к ней (к группе) с просьбой об изъятии того или иного представителя или доблестного защитника капитала. Рассмотрев подробно этот вопрос, группа пришла к тому выводу, что такие обращения за „услугами“ (иногда даже ради личной мести) носят исключительно утилитар-

ный характер, что в тех случаях, когда после террористических выступлений следовало увольнение рабочих, закрытие предприятий и пр., та же самая масса, в которой отзывчивые товарищи готовы были видеть друзей анархизма, немедленно обращались в его врагов, что наконец некоторые акты такого экономического террора не являются такими террористическими выступлениями, которые наиболее разрушающе действуют на современной строй и наиболее развивают социально-революционное движение, - на основании всего этого группа решила принимать участие лишь в таких актах экономического террора, которые не идут вразрез с задачами анархического движения и его тактическими приемами.

„По вопросу об отношении к профессиональному движению, группа приняла способ воздействия на него извне, не входя в его профессиональные союзы членами, на том основании, что борьба за лучшие условия продажи трудовой силы лежит вполне в сфере современного буржуазного общества, что она не является революционно-насильственной борьбой рабочего класса, направленной на уничтожение власти и капитала. Наконец в вопросе о терроре Киевская группа отказалась от классификации его на „мотивный“ и „безмотивный“, считая, что всякий акт классового революционного протеста достаточно мотивируется всем укладом современной буржуазной жизни.

„Поэтому при выполнении того или иного террористического акта, направляемого против класса эксплуататоров, - представителей власти и капитала - приходится его рассматривать только лишь с точки зрения *классовой* целесообразности в *данный момент*.

„В феврале состоялся процесс в киевском военно-окружном суде по делу о киевской группе ан.-ком., были приговорены: Исаак Дубинский и Наум Тысь к 15 годам каторги, Герман Сандомирский к 8 годам каторги, Ульяна Кравец, Берта Скловская и Хана Буганская к 8 месяцам тюрьмы, Эдгарь Хорн (он же Эндель Шмельте) к 5 годам 8 месяцам каторги, Петр Лятковский к 2 годам тюрьмы. Ксения Терновец была оправдана.

„Ульяна Кравец, Берта Скловская и Хана Буганская сейчас же после приговора были освобождены, вследствие зачета предварительного заключения“.

Богров же за этот период - с весны 1908 года до осени - работал усиленно. Переутомившись, он хватался за голову, жалуясь на рассеянность, на слабую работу памяти. Товарищи убеждали его делать передышки, но тщетно. С видом загнанного волка он продолжал работать, со дня на день откладывая отъезд „на поправку“.

В это время и случилась беда. Ночью, на площади перед городским театром его арестовали, а в квартире был произведен обыск, не давший никаких результатов. Это было в ночь на 10 сентября 1908 года (замечательная игра судьбы: катастрофа 1911 года произошла в том же месяце, в том же часу и в том же месте). В участке он просидел около трех недель и в конце сентября был освобожден после усиленных хлопот отца перед высшей администрацией.

Однако, после своего освобождения, Богров все в емя боялся

показываться на людных местах, в особенности на вокзалах. Его беспокоила мысль, не держит ли его охранка „для разводки“ и у него не было уверенности, что его не возьмут снова. Он заметил, что слг кка за его домом продолжается.

Вскоре положение Богрова еще более осложнилось. Освобождение его вызывает против него со стороны некоторых товарищей, находившихся в тюрьме, усиленные подозрения в... провокаторстве. Богрова это страшно тяготит. При одном свидании с редактором „Черного Знамени“, он жалуется ему на молву о прикосновенности его к охране. И хотя, по правилам конспирации, освобожденный должен скорее удирать из места, где был арестован, Богров откладывает свой отъезд до того времени, пока товарищи не снимут с него подозрения, которые и рассеиваются после взаимных объяснений. В тюрьме состоялся товарищеский суд, совершенно оправдавший Богрова от всяких подозрений и признавший слухи о нем вздорными. Резолюция суда была передана Богрову.

Вскоре, в октябре того же года Богров уехал за границу по паспорту, полученному помимо охранного отделения с разрешения вице-губернатора Чихачева. Богров направился сперва в Меран, с матерью, для поправления здоровья, к этому времени расстроившемуся окончательно, а затем поселился в Лейпциге, где готовился к университетским экзаменам и наряду с этим не забывал революционного дела. Последнее заставляло его жить подолгу в Львове, о чем родители ничего не знают. Последняя его поездка в Львов датируется с 4-го по 20-е декабря 1909 года. Два раза он наезжал и в Россию.

В январе 1909 г. Богров из Лейпцига уезжает в Париж и проводит здесь остаток зимы. Целью его поездки сюда является отчасти желание окончательной ликвидации взведенных на него в Киеве подозрений. Он привез с собой резолюцию суда с намерением напечатать в одном из анархистских органов. Однако после некоторых разговоров с видными анархистскими работниками и редактором „Анархиста“, бывшими в то время в Париже, решено было эту резолюцию не печатать, так как по их мнению, это была бы не ликвидация, а раздумывание в сущности ничтожного дела. Товарищи убедили Богрова, что о его деле знает только десяток лиц и те считают его дело настолько пустяшным что не придадут ему ровно никакого значения. а если бы он настоял на напечатании резолюции, то о деле узнали бы все и тогда, как бы история не была ликвидирована, какой-нибудь скверный осадок все-таки остался бы, как всегда в подобных случаях. На этом и было покончено.

В Париже Богров кроме разговоров по своему делу, имел очень частые беседы с товарищами и на другие темы. В разговоре с редактором одной из анархистских газет, он, между прочим, затронул вопрос и о терроре. И тогда он признавал необходимость центрального террора, и на замечание редактора, что как бы к террору не относиться, у анархистов нет для центральных актов подходящих людей (Богрова он считал подходящим, но других таких почти никого не знал), Богров ответил, что все-таки убить Николая или Столы-

пина нужно.

Весной того же года - в начале мая - Богров возвращается в Киев и продолжает готовиться к экзаменам. С товарищами боится встречаться, так как в это время свирепствует неимоверная провокация и провалы. Он узнает, что среди киевских бывших его товарищей страшная деморализация, ни на кого нельзя положиться, группы разгромлены и их пришлось бы снова собирать.

С этого времени он уходит от партийной деятельности и живет обывательской жизнью обыкновенного молодого человека его положения. Он не чуждается чуждых ему сфер, наоборот, интересуется людьми и жизнью, стоящими слишком далеко и от его настоящего и от его идейных взглядов. Вот почему Богрова можно было встретить в часы досуга и в таких зачумленных для каждого порядочного человека местах, как союзнические клубы: „Коммерческий“, „Охотничий“, „Домовладельческий“.

Здесь он встречал, быть может, и тех, кого огурачил 1-го сентября, и тех, кто взял на память по куску веревки в ночь на 12 сентября. Нет сомнения, что в подобных местах он не проявлял ни своих симпатий, ни убеждений: он шел наблгодать и развлекаться. Но вся эта бессодержательная жизнь и своего и постороннего круга не могла его, само собой разумеется, удовлетворять, и когда первый интерес к ней пропал, он уже стал тяготиться ею.

24 июня, в письме к одному из своих друзей, он, между прочим, говорил об этой полосе жизни. „Я не понимаю, как я так долго мог жить в чуждой мне сфере. В этом отношении мое несчастье именно в том, что я слишком приспособляюсь ко всякой обстановке. Это хорошо и удобно, когда есть своя особенная, отдельная для всех закрытая жизнь, но это развращает тогда, когда живешь без жизни“.

В сентябре Богров держит предварительные экзамены и готовится к окончательным. Жизнь для него в Киеве становится все тяжелее и тяжелее, осложняясь личными неприятностями.

„Я не могу тебе описать - пишет он своему другу 5 октября - всех неприятностей, которые меня доводили одно время до бешенства: да и вообще, что за охота жить со связанными руками, для меня это не жизнь. Правда, уехать из Киева я мог бы еще месяц тому назад и даже за границу, но во-первых, это было бы сопряжено с отложением экзаменов на май 1910 года и следовательно разрыв с Киевом опять отложится...“ Затем Богров пишет о второй причине невозможности уехать из Киева, о которой мы упоминали уже раньше (нежелание лишать содержания ни одного из пенсионеров отца). Поэтому, пишет он далее, „я отказался от мысли о поездке. Теперь для меня, следовательно, осталось одно - кончить во что бы то ни стало в декабре и этим развязать себе руки...“

О планах Богрова на будущее (как далеки они были от тех, которые потрясли 1 сентября 1911 года всю Россию!) он говорит тому же лицу в письме от 8 декабря.

„... Ты спрашиваешь, что слышно у меня, что я думаю делать по окончании и т. п. Теперь я более или менее уверен, что благополучно

пройду экзамены и к концу февраля буду свободным гражданином, имеющим повсеместное право жительства. Вопрос куда приткнуться. Вопрос конечно не из легко разрешимых. Очевидно, что легче всего устроиться где-нибудь в глуши, но не в каком-нибудь болоте Евр. России, а в столице Сибири... Но затруднения возникают в следующем отношении. Раз едешь в такую чертову даль, то надо там и самостоятельно стать на ноги; между тем университет выпускает меня без всяких практических сведений и я первое время буду довольно бесполезным членом адвокатского сословия. Интересно приехать туда уже готовым юристом. Возможно, что я на будущий год именно с этой целью поеду в Москву, там у меня есть юридические родственники, а уже потом устремлюсь на Восток. Вот как вырисовывается моя биография...“

В феврале 1910 года Богров кончает университет, а в апреле этого же года, покончив с воинской повинностью, от которой он по близорукости был освобожден, и приписавшись 3 апреля к присяжному поверенному Крупнову помощником, уезжает в Петербург, так как здесь знакомый его отца через последнего предлагает Богрову место в обществе для борьбы с фальсификацией пищевых продуктов*. Кроме того, в Петербурге положение адвоката_еврея благоприятнее, нежели в Киеве или даже в Москве.

Здесь он превращается в трудящегося чиновника. Прекрасно владея французским, немецким, английским языками, он, помимо обязанностей службы, занимается переводом иностранного законодательства на русский язык (труд, который был им представлен факультету и за который он был награжден кандидатским дипломом первой степени). Но главное его занятие не переводы и не служба, а просиживание часами в суде. Вот письмо, как раз трактующее о его занятиях в Петербурге и о будущих перспективах.

„Расстался я с Киевом, - пишет он, - без всякого сожаления, немедленно после окончания экзаменов и освобождения от воинской повинности. Теперь наконец у меня развязаны руки, хотя должен сознаться они довольно нелепо болтаются по обе стороны моего организма. Думаю заниматься уголовными делами. Попечительное правительство все равно не даст свідетельства на право ведения гражданских дел. Интерес у меня именно к криминалистической деятельности громадный. В последнее время я ежедневно по несколько часов высиживаю в суде в качестве слушателя. Но хотя и были возможности, не решался еще выступить в ответственной роли защитника...“

* Точное название учреждения, в котором Богров с апреля по ноябрь 1910 г. занимал должность помощника секретаря: Комитет по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов при Санитарно-техническом институте. Секретарем комитета и, одновременно, директором института был родственник Богрова Семен Леонидович Рашкович; на его квартире (Певский проспект, 23) располагались и институт, и комитет.

К службе своей Богров относился иронически, не считая ни ее, ни самое общество, в котором служил, серьезными. Но все-таки это был заработок и, кроме того, служба давала ему возможность иметь дело с высшими представителями „сильных мира сего“, а это его интересовало как возможность встретиться с ними лицом к лицу. Перед Богровым проходили, как в калейдоскопе, графы Бобринские, Коковцевы, Столыпины, не подозревавшие, что молодой изящный секретарь их бюрократического комитета - их злейший и убежденнейший враг.

Помимо названных занятий, в стремлении своем как можно скорее прочно встать на собственные ноги, к середине периода его петербургского пребывания он стал строить и различные коммерческие проекты.

„...Довольно прочно я засел в Петербурге, - пишет он об этом времени. - Работаю очень много. Влез в миллионы самых разнообразных комбинаций, которые пока очень слабо питают меня, но когда-нибудь это будет „что-нибудь в особенности“. Имело в день только 2-3 часа, когда мне никто не душит голову, и я совершенно одинок, это часы моего адвокатского приема...“

Вообще же на досугах Богров проводил время в игре в карты, посещал театры, скачки и увеселительные места и т. п., любил проводить время и в обществе женщин. Впрочем никто из его петербургских друзей не может удостоверить, чтобы его развлечения походило на разгул, ни даже на широкое кутежничество. Правда, бывало временами он увлекался карточной игрой и проигрывался настолько, что ему приходилось иногда прибежать к кредитным комбинациям. Но вообще получаемого на службе содержания и присылаемых родителями 75 рублей в месяц ему было достаточно на свою личную жизнь.

Всем, кто интересовался причиной его отречения от политики, он давал ответы, что его это перестало интересовать. Правда, случайно ему пришлось раз-другой оказать кому-то какую-то услугу в области политики, но значение всего этого ничтожно.

Петербургская жизнь, однако, скоро утомляет его, и без того хрупкого человека, склонного к туберкулезу. По совету своего брата Владимира и по настоянию родителей он возвращается 22 ноября в Киев, прожив в Петербурге около восьми месяцев, с маленьким перерывом в июне, когда он на две недели отлучился в Москву.

„Петербург порядочно подкузьмил мое здоровье, - пишет он 1 декабря из Киева. Почему не знаю. А так как какие-нибудь боли в спине или расстройство желудка прежде всего отражаются на психике, то я стал отчаянным невзрастеником. Слава богу, впрочем, что у меня остался еще целый запас фраз, которые можно сказать в том или другом случае жизни, и потому моя репутация „веселого малого“, „хохмача“ еще не окончательно подорвана. В общем же все мне порядочно надоело и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное, хотя и не цыганское это дело...“

Все его пребывание в Киеве проходит под тяжестью этого

угнетенного настроения, которое чем дальше, тем больше томит его.

„Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика это позволит. Тоскливо, скучно, а главное одиноко...“ - пишет он в письме от 13 декабря.

22 декабря он бросает Киев и отправляется за границу. Проводит всю зиму в Ницце, куда приезжает и родители; очень много читает, работает и учится; в свободное время играет в карты и пр., посещает Монте Карло. Его настроение немного рассеивается.

Но вот однажды он проигрывает очень крупную для него сумму в 4000 фр. Этот проигрыш не только сильно подрывает его материальное положение, но и угнетает и заставляет снова и снова оглянуться вокруг себя и заняться более глубоким анализом своей жизни. Как он ни лобил жизнь, но он все-таки чувствовал в ней после оставления анархистской работы, такой пробел, который теперь остро напомнил о себе, связавшись с общим вопросом о смысле жизни. Но никому о своих внутренних переживаниях, о своем самочувствии, он не говорит и внешне не показывает ничем, что в нем происходит борьба. Он только вскользь замечает, встречавшему его в Ницце товарищу, что его тяготит обстановка здешней жизни, что он с удовольствием бы ее оставил, если бы ему не надо было ее поддерживать, главным образом, из-за положения родителей.

В таком подавленном состоянии он возвращается с родителями в феврале 1911 г. в Киев. Родители настояли на том, чтобы он и оставался в Киеве. Здесь он ведет такой же образ жизни, как и в Ницце, но, кроме всего, занимается еще и кропотливым адвокатским трудом; по-видимому, очень тяготеет своим бесправием, однако, креститься не хочет „принципиально“, по его же словам. Угнетенное состояние этим усиливается, но главное, что терзает его душу - это все та же неудовлетворенность жизнью.

22 июня 1911 г. Богров уезжает с родителями на дачу под Кременчуг, в „Потоки“ (6-8 час. от Киева), где проводит время до 5 августа, когда вместе с родителями же возвращается в Киев.

12 августа родители его уезжают за границу и только материнское сердце учуяло в сыне что-то смутно-беспокойное, неопределенно-гнетущее.

- Митя, так ничего не случится? Могу я ехать спокойно?

- Да что это тебе, мама, все кажется. Конечно можешь.

Родители уехали. 17 августа уехал в Петербург и старший брат Богрова, Владимир.

18 августа отец получил от Дмитрия длинное деловое письмо, детали которого могли только укрепить его в уверенности, что дома все благополучно.

„Дорогой папа, - пишет Богров. - Вчера дом опустел. Уехали Володя и Вера. Впрочем за последние дни я так забегаюсь, что почти их не видал. У меня есть комбинация, по поводу которой я хотел тебе даже телеграфировать, но потом предпочел написать. Дело в следующем.

Через близко знакомого газетного сотрудника М. я познакомился с некоторыми инженерами Гордумы. Один из них берется устроить большой заказ на водомеры на 12.500 руб., но при этом, конечно, требует куртаж в размере 400 рублей.

При этих условиях на долю мою и моего компаньона остается по 900 рублей заработка. Как на зло Ш. нет в Киеве. Риска в настоящем деле нет-никакого, но требуется деньги передать в третьи руки. Право выбора лица предоставляю мне с согласия, конечно, инженера. Я предлагаю сделать следующее: 400 р. передать NN. (кроме того, что он вообще безусловно порядочный человек, он держит деньги на текущем счету. Ни таким образом без него получить их не сможет). М. выдает мне расписку, по которой обязуется через 6 недель вернуть деньги мне, или же, если в течение этих 6 недель заказ будет сделан городом по определенным в прейскуранте ценам, выдать их инженеру. Если заказ будет сделан на меньшую сумму, то куртаж уменьшается пропорционально. Денег я не хочу передавать Л., ибо нужно избегать огласки. Я надеюсь, что ты, папа, согласишься на это и поверишь моей опытности. По этому делу ответь телеграфно.

Неприятный сюрприз произошел на следующий день после твоего отъезда - принесли повестку по делу П. Заседание назначено на 19 сентября. Я повестки пока не принял, а отправился в суд, но, увы, отложить дело никак нельзя. Думаю, что лучше всего будет написать П. о присылке другой доверенности, или же, если считать это удобным, напиши К., может быть, он согласится доверить твою подпись на передоверие.

Дома все в порядке. Р. внес деньги в Общ. Вз. Кред., извинялся за опоздание и выражал полную готовность внести за следующий срок на месяц раньше. Ф. тоже перебрались. Страшно нудят со всякой мелочью. Успокой маму насчет билетов. От дедушки было письмо и перевод т. Маше 300 р.

Повостей больше никаких.

Целую крепко. Митя.

P.S. Целая история из-за виллы у Р. М-м Р. настаивает на белой эмалированной ванне. О поставленной же слышать не хочет, боясь заразы, так как ванна от П. Идиотка страшная. Можно ли ей предложить поставить свободную медную ванну?

На самом же деле Богров ра тал над своим замыслом и к 25 августа последний уже созрел.

Приближался момент его реализации.

Воспоминания Веры Богровой*

Познакомилась я с Митей Богровым - вообще впервые увидела (хотя с братом его, Володей - впоследствии моим мужем - была уже хорошо знакома), когда Володя привел его ко мне, в квартиру моих родителей Позняковых, где собиралось тогда много молодежи. Я только что окончила тогда 8-ой (педагогический) класс гимназии, где познакомилась со множеством своих сверстниц и со всеми их друзьями, по большей части новобригадными студентами. В комнате моей тесно было от серых тужурок. Были мы все очень молоды, а время было бурное, предреволюционное - в университете шли не только лекции, но и забастовки и сходки... Дух захватывало от всяких течений и веяний, повсюду возникали кружки и партии и необходимо было немедленно решить - кем быть, к чему примкнуть, в какую партию записаться. Это были 1905-1906 годы.

И вот тогда-то Володя Богров и сказал мне: если хотите, я достану вам литературу и даже познакомлю вас с настоящим - „живым“ - анархистом.

Вскоре после этого пришел ко мне Митя... Он был тогда еще гимназистом - я вижу его как сейчас перед собой в черной гимназической курточке с красными книжечками в руках, - краснеющего чуть не при каждом слове... Он был очень застенчив и легко краснел... Никакой активной пропаганды не последовало - он только приносил мне красные и черные книжечки - и даже не пытался со мной их обсуждать... Но из чтения этих книжек и некоторых других (как „Единственный и его собственность“) я заключила, что он примыкал к анархистам-коммунистам - так по крайней мере это движение тогда называлось - в противоположность „анархистам-индивидуалистам“. Представителями этого последнего течения в моем окружении был Володя Богров и Борис Паншин. Но о „революционной практике“ здесь - насколько я могла наблюдать - не было и речи: просто каждый „анархист-индивидуалист“ делал то, что сам считал правильным и нужным, ни с кем не сговариваясь, ни с кем не считаясь... Как будто не было и большой ответственности... Паншин, впрочем, впоследствии был арестован (за „хранение литературы“, кажется) - и был даже судим - но был оправдан и последствий этот арест для него не имел никаких...

В этот вечер Володя не поехал меня провожать домой, на дачу ему тяжело давалось уж очень раннее вставанье и непривычные физические упражнения на военной службе: он только что начал отбывать воинскую повинность как вольноопределяющийся после окончания университета... Поехал со мной Митя.

* Рукописные Воспоминания. Хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью Йорке, фонд В.Богровой.

Печатаются с разрешения Архива.

Вера Николаевна БОГРОВА (урожд ПОЗНЯКОВА) - жена Владимира Богрова.

Митя проводил меня через весь большой сад до самого дома - зайти отказался, сказал, что поздно, спешил домой... Но домой он в ту ночь не вернулся - его арестовали при выходе из усадьбы... Было это летом 1908 года.

Арест Мити, конечно, неприятно поразил родителей, но не слишком их беспокоил: кого же тогда не арестовывали! Всякий порядочный студент должен был хоть раз быть арестован: все лучшие друзья мои - дети самых почтенных и благонамеренных родителей - Сережа Сольский, Маркуша Вольфсон, и даже сам благонамеренный Паншин - были арестованы и хоть недолго должны были „отсидеть“...

Митя был моложе (один из младших братьев) и арестован был позже, в 1908 г., но это были еще все те же „беспокойные годы... Митя в эти годы меньше других показывал свою „революционность“: никаких не было таинственных исчезновений и отсутствий, как это было у других, как например Сережа Богров, двоюродный брат (или может быть дядя), живший в семье Богровых, за которым репутация „настоящего революционера“ в это время уже установилась прочно! Вот он, например, на простой вопрос - „куда идете, Сережа?“, - отвечал уклончиво: „по адресу“. Непосвященные - но сочувствующие - переглядывались понимающе: „идет, мол, на конспиративную квартиру!“ Сережа был социал-демократом - это знали все мы, впоследствии стал правверным большевиком... И однако как раз он - „настоящий“ - арестован не был ни разу!

В серьезность Митиново ареста не верил никто, хотя родителям, в особенности матери, он был неприятен - неприятно было видеть Митю не дома. Но Григорий Григорьевич твердо верил в свои клубные связи: он был членом Дворянского клуба - единственным евреем, принятым в члены, а не только бывавшим там в качестве гостя - как иные богатые и именитые евреи - Бродские, например, и другие. В Дворянском клубе Григорий Григорьевич бывал ежедневно - даже дважды в день: среди дня - между завтраком и обедом - и вечером. Там он встречался со всеми „великими мира сего“ - и губернатором, и полицмейстером и начальником жандармского управления - и т. д. и т. п. Я хорошо помню, с какой уверенностью на следующий день после Митиново ареста он говорил, что беспокоиться нечего, что он сегодня же поговорит с Чихачевым* - Митя завтра же будет дома!

Однако, Митя пришел домой не на следующий день... Не помню уж точно, когда именно это было, когда он вдруг оказался стоящим у обеденного стола, войдя неслышно в квартиру, без звонка - и всех нас этой неожиданностью, как громом, поразил! Было это уже тогда, когда кончились лагерные занятия - кончилось лето, и мы с Володей переехали с дачи в город, и поселились в нашей „собственной квартире“ - в тех двух комнатах (с общей столовой), которые нам, „молодым“, выделили из своей большой, 8-комнатной квартиры Володины

* В 1908 г. киевский вице-губернатор и старшина Дворянского клуба.

родители, когда из старого своего флигеля, где жили много лет, переехали в большой, только что выстроенный, шестиэтажный дом... К этой квартире из двух комнат собственно относилась и столовая, и отдельная кухня - т. е. это была первоначально отдельная квартира из 3-х комнат, но когда Екатерина Яковлевна (мать Володи) предложила мне „уступить“ в общее пользование столовую, с тем чтобы хозяйство было общим - я согласилась с радостью, так как уже была на курсах, увлекалась занятиями, и домашнее хозяйство меня совершенно не интересовало.

Я проводила на курсах буквально целые дни, но к обеду бывала всегда дома, и к обеду уж сходились все.

За этими общими семейными обедами: всегда бывал и Митя, и Сережа - и всегда Митя был весел, шутил и всех смешил... Так было и дальше, после его освобождения из-под ареста.

А после обеда наступал серьезный час: вся семья переходила в кабинет Григория Григорьевича, все устраивалось поудобнее - Екатерина Яковлевна ложилась на диван - и у мужчин начинались разговоры на серьезные темы: бывало, говорили и о политике, и об общем положении вещей... Мнения, взгляды бывали разные, но никогда не было споров, таких ожесточенных, горячих споров, какие мне случалось слышать, когда сходились ярые народолюбцы с ярыми социал-революционерами. Это были просто серьезные разговоры - хотя были и несогласия... Так было и относительно Столыпина: Григорий Григорьевич был об уме и способностях Столыпина очень высокого мнения и возлагал на него большие надежды... Митя соглашался с ним в этой оценке, но говорил, что именно потому-то Столыпин и опасен для России: все его реформы правильны и полезны в частности, но не приведут к тем глубоким переменам, к тому полному и крутому повороту - если не перевороту - который России нужен: он только затормозит его...

После этих разговоров мы расходились по своим комнатам, по своим делам, по своим развлечениям...

Митя, говорят, был „картежником“, т. е. любил играть в карты, и играл со своими друзьями-приятелями, сверстниками и однокашниками, но я не помню, чтобы эта молодежь собиралась у него, в нашей общей квартире. Здесь собирались и играли только взрослые. Ведь кто в то время не играл в карты? Помимо клубов и серьезной игры - играли в каждом доме, в каждой семье. Даже в такой семье, как моя, Поздняковы, у которой театр, чтение, выход новой книжки толстого журнала, появление нового произведения современного писателя, русского или иностранного, стояли на первом месте - время от времени собирались друзья „повинтить“! В других семьях интересы были более „азартные“: играли в покер!

Но все же игра в карты далеко не была единственным развлечением Мити: я встречала его, например, у общих знакомых, в семье Трахтенберг, где „игра“ была совсем другого рода: это была семья необыкновенно музыкальная - все члены семейства играли на разнообразнейших инструментах - рояле, скрипке - а одна из дочерей, Роза,

испробовав все инструменты, остановилась, в конце концов, на афе! Но и кроме музыки там было всегда весело и приятно, и Митя там был частым и желанным гостем. Помню, с каким восторгом там встали его приход. А меня, сознаюсь, занимал вопрос: кому из двух младших сестер - скрипачке или арфистке, он отдаст предпочтение? Одну из них, самую младшую - по прозвищу Торгозка, а по имени Маня - очень любила, очень с ней дружила и продолжала встречаться и позже, уже в Петербурге, куда она приехала и где поступила в консерваторию... Розу я знала меньше и меньше ей симпатизировала. Две старшие сестры - обе пианистки - Соня и Фаня хотя и больше подходили мне по возрасту, были в это время уже заняты, кроме музыки, другими интересами. Но Митю там любили все.

Освобождение Мити из-под ареста казалось вполне естественным - хоть и запоздалым. Последствий этот арест за собой не повлек никаких - не было угрозы „суда и следствия“, или исключения из университета, как это бывало в других случаях... Все кончилось как будто вполне благополучно. Заключение на Мите не отразилось ни сколько - он ничего не рассказывал, ни на что не жаловался, был по-прежнему бодр и весел - и все пошло по-старому...

Воспоминания П. Лятковского*

С Богровым, или с „Дмитрием“, как его называли в товарищеской среде (кажется, так звали его и домашние), я познакомился в январе 1907 г. Встречался в стенах Киевского университета, где он тогда состоял студентом по юридическому факультету, который и окончил, а также вне стен университета, на нелегальных собраниях того времени.

Наши взаимоотношения не были тесно дружескими, а сталкивались мы довольно часто на общей политической работе, и потому эти отношения носили характер в большинстве случаев исключительно деловой.

Первые о роли его, как агента киевской охранки, пришлось мне услышать в сентябре 1907 г., когда я вернулся назад в Киев из Петербурга после шестимесячного пребывания в предварке. Перед моим приездом в Киеве был арестован тов. „Бельгиец“, он же „Михаил“, вместе с рабочими на одном нелегальном собрании. Был ли на этом собрании Богров, я не помню, но в связи с этим провалом он был арестован и, просидев в одном из киевских полицейских участков 2-3 дня, был выпущен. Вот этот-то тов. „Бельгиец“ в одном из своих писем к нам, находящимся на воле, сообщал, что, по его глубокому убеждению, Богров - провокатор. Какие основания приводил „Бельгиец“, я не помню. Это известие дошло и до Богрова.

* Из статьи „Печто о Богрове“. Журнал „Каторга и ссылка“, кн. 123, 1926, стр. 35-49. М. ЛЯТКОВСКИЙ (псевдоним „Петр“) - университетский товарищ Д. Богрова, киевский анархист-коммунист.

Специального расследования по этому вопросу никто не вел, и вопрос о его провокации как-то сам по себе отпал, не оставив никакого следа, тем более, что Богров отнесся к этому довольно спокойно.

Во второй раз лично для меня этот вопрос вновь появился уже в киевской тюрьме („Лукьяновке“), когда я находился там под следствием. В одной камере со мной находился мой сопроцессник Наум Тыш. Он как-то раз, получив письмо от жены, (понятно, я говорю о письме, шедшем нелегальным путем), сообщил мне, что Богров-провокаатор. На вопрос мой, какими он располагает данными, ответил, что с одной стороны, - как его жена, так и все заграничные товарищи, на основании имеющихся у них данных, убеждены в причастности Богрова к охране, а с другой стороны, - он, Н.Тыш, подводя итог всему нашему провалу, приходит также к такому же заключению, ибо день его выезда из Киева Богров знал да кроме того все явки в пограничной полосе для нелегальной контрабанды, сообщенные им Богрову, стали известны киевской охране.

Помнится, я отнесся к этому крайне осторожно и просил Тыша не подымать пока никакого шума, а просить лишь товарищей, находящихся на воле, возможно детальнее все это расследовать. Тыш со мной согласился.

Вскоре, однако, наш коридорный староста получил письмо от двоюродного брата Богрова, с.-г меньшевика „Фомы“, с просьбой выяснить, в чем, собственно обвиняют „Дмитрия“. Помню, староста обратился к Науму Тышу и ко мне. Лично я указал на Н.Т., от которого исходят эти сведения. Вслед за письмом „Фомы“ была получена записочка и от самого Богрова, к кому она была адресована, не помню.

Эти два письма послужили основанием собраться в одной из камер нашего коридора всем, работавшим с Богровым еще на воле. На этом совещании было товарищей 10-12. После довольно бурного обмена мнениями, где Н. Т. категорически выступал в роли обвинителя, была вынесена какая-то туманная резолюция, которая и была переслана на волю. Эта резолюция, как я потом узнал, ничуть не удовлетворила ни „Фому“, ни самого Богрова. И, видимо, они стали искать другие пути для оправдания.

Наконец, в третий и в последний раз о провокааторской роли Богрова пришлось мне услышать от другого моего сопроцессника Шмельте-Хорн. Он в категорической форме сказал мне, что сомнений нет никаких в провокааторстве Богрова. Это уже было после нашего суда, в 1909 г., ко. да была арестована тов. „Роза“ с некоторыми другими товарищами, которые будучи на воле (особенно тов. „Роза“) постоянно сталкивались с Богровым. Тов. „Роза“ в своей тюремной переписке с Ш. выставляла ряд доказательств. Что это были за доказательства, Ш. мне не передавал.

Таким образом, лично для меня ко дню моего выхода из Лукьяновки 19 февраля 1911 г. было ясно, что Богров имеет уже запятнанную политическую репутацию: его честь, как политического работника, под большим вопросом. Мне казалось странным, почему же нет

на страницах нелегальных партийных органов об этом официального сообщения. Не желая терять своей связи с товарищами, я, несмотря на то, что знал адрес Богрова, все же не заходил к нему на квартиру, чтобы навести справку о нем.

Однако, моя случайная встреча в одном из трамваев с „Фомой“ изменила ход моих мыслей и мое решение. „Фома“ от своего имени и от имени „Дмитрия“ просил меня убедительно зайти к последнему: „Дмитрий“, по словам „Фомы“, узнав о моем выходе из Лукьяновки из газет, хочет со мной повидаться, поговорить, но найти не может. „Что же, зайду, раз Богров этого хочет. Только надо быть настороже“, - мелькнула у меня мысль. И тут же вспомнил, что кто-то из тов. (чуть ли не Н.Тыш) в одной из своих тюремных записок ко мне предлагал повидаться с Богровым и о своем впечатлении сообщить ему.

Я пообещал „Фоме“ зайти и обещание исполнил. Действительно, в первых числах марта 1911 г. я в штатском костюме позвонил в квартиру Богрова на Бибиковском бульваре, г. N 1. Дверь открыла мне горничная, которая не сразу поняла, кого я хочу видеть. В комнату, которая служила чьим-то кабинетом, одновременно со мной из боковой двери другой комнаты вышел Богров. Что мне бросилось сразу в глаза и крайне поразило в его наружности, так это то, что он не по летам поседел. „Нервы... Волнения...“ - мелькнуло у меня тогда в голове. Поздоровавшись, мы уселись за письменный стол... Вначале разговор не клеился. Разговор был сух, отрывист, односложен. Он интересовался моей жизнью в тюрьме, кто из товарищей там со мной еще сидел. Вспоминая ряд имен и фамилий, спрашивал, где они в настоящее время. Особенно его интересовал тов. Н. Тыш, с которым я был в очень дружеских отношениях и этого не знать он не мог. Хотя я и переписывался в то время с Н. Т. и знал, следовательно, его местожительство, тем не менее, по вполне понятным соображениям, отвечал полным незнанием, как, впрочем, и на другие вопросы. Постепенно перешли к нашему провалу и суду и как-то незаметно он сам первый заговорил о том, что его т.т. обвиняют в целом ряде предательств и, обвиняя, указывают на сотрудничество его в охранке, одним словом, все убеждены, что „Богров - провокатор“. Если до сего времени я не замечал в нем особого волнения, то, как только коснулись последнего, Б. стал проявлять заметно сильное беспокойство. Он стал оправдываться, выставляя, очевидно, известные ему пункты обвинения, и их опровергал. Я же наводящими вопросами старался что-либо узнать. Коснувшись снова нашего провала, он указал, что, по его глубокому убеждению, виновником нашего ареста является тот студент-грузин, который предоставил нам свою квартиру на Крещатике для конспиративного собрания. Этот студент через свою квартирную хозяйку был знаком с Кулябко (нач. киев. охран. отд.), - а, следовательно, остальное все ясно. Богров говорил, как о факте, что т.т., не разобравшись в его провокаторстве, следили за ним и что кто-то из них, по-видимому, собирался его убить, и только благодаря счастливой случайности он избег смерти. Я вспом-

нил рассказ „Белусова“ и задал ему вопрос: „А куда скрылся этот тов. и почему он не привел своего решен я в исполнение?“ Богров ответил, что ему ничего неизвестно.

- Смотрите, как я поседел... Я сознательно ушел от политической работы. Я не могу заняться и общественной работой. Я помощник присяжного поверенного, но выступать не могу: мое имя опозорено. А что бы вы на моем месте сделали?

- Реабилитируйте себя,- ответил я.

- Что же думают остальные т.т.?- задал он мне снова вопрос.

Не будучи уполномоченным давать какие-либо объяснения от имени своих т.т., я высказал ему лишь свое предположение, что, вероятно, они со мной будут солидарны.

- Итак, вы все требуете от меня реабилитации, значит, для вас нет сомнения в моей провокации?

Я его перебил, указав, что ни я, ни мои т.т. от него не требуют реабилитации, а что на его личный вопрос я ему указываю путь реабилитации для того, чтобы вернуть свое душевное равновесие, которое он, по его же словам, совершенно потерял. Но он, видимо, мне не верил. Помню его принужденный смех...

- Так вот, пойти и сейчас на перекрестке убить первого попавшегося городского? Это ли реабилитация?

Я ничего не отвечал.

- Скажите мне, - продолжал он, - какой мотив мог бы побудить меня служить в охранке? Что говорят по этому поводу т.т.? Деньги? - В них я не нуждаюсь. Известность? - Но никто из генералов от революции по моей вине не пострадал. Женщины? - И он, пожав плечами, ничего не ответил.

Разговор уже стал близиться к концу. Чувствовалась неловкость. Я подошел к книгам, расставленным на этажерке. Взяв „Былое“, я стал просматривать книгу. Не помню, какой это был номер и что в нем меня заинтересовало. Богров, заметив, видимо, что меня эта книга заинтересовала, предложил взять ее с собой. Тут же он указал, что „Былое“ для него весьма ценно, так как по нему он знакомится с действительными революционерами и учится той поразительной конспирации, которой они себя окружали.

- Вы говорите - реабилитировать себя? - Возобновил он разговор. Только убив Николая, я буду считать, что реабилитировал себя.

- Да кто же из революционеров не мечтает убить Николая? - перебил я его.

- Нет, - продолжал он, - Николай - ерунда. Николай игрушка в руках Столыпина. Ведь я - еврей - убийством Николая вызову небывалый еврейский погром. Лучше убить Столыпина. Благодаря его политике задушена революция и наступила реакция.

На это я ему заметил, что нельзя быть таким наивным, чтобы не знать, как трудно будет добраться сквозь толщу всякой охраны и до Николая, и до Столыпина, что это не под силу одному человеку, а потому необх димо противопоставить этой охране свою организа-

цию боевиков и что я лично готов принять участие в этой организации, а также подыскать для этой цели стойких, решительных товарищей. Но Богров перебил меня, вполне логично указав, что могущий произойти случайный провал может послужить новым доказательством его провокации, а потому он решает сам без всякой организации себя реабилитировать; как же добраться до Столыпины - он еще не знает. Осенью (1911 г.), как ему известно, будут в Киеве военные маневры, на которых будет Николай, а с ним, понятно, и Столыпин, до которого он предполагает добраться через свою связь с киевским обществом.

- Вы и товарищи еще обо мне услышите, - закончил он.

Эту же фразу он несколько раз повторил при прощании со мной. Такова была моя последняя встреча с Богровым.

С тяжелым чувством вышел я на улицу. Провокатор ли он? Говорил ли он серьезно о Николае и Столыпине? Предполагать все возможно, но, не имея данных, обвинять недопустимо.

Беседовал ли Богров на эту тему еще с кем-нибудь, мне ничего не известно, равно как я положительно не могу сказать: возникла ли у него мысль об убийстве Столыпина под влиянием нашей беседы, или же она его еще и раньше занимала.

III. ВЫСТУПЛЕНИЯ П. А. СТОЛЫПИНА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

1. О законодательных предложениях правительства. Речь на заседании II Государственной думы 6 марта 1907 г.

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которое министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осуществить руководящую идею правительства, я не могу остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения.

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отзываться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общелою мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противоплагается мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличиванием и потому приемлема ли она. В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все

изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта - создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главнейшею своею обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твердые основы новоскладывающейся государственной жизни России.

Но, прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые, ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке ст. 87 основных законов и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведённых, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, взнемогающих от земельной неурядицы, ставила перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же

предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога наделных земель в казенных к едитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготвило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствии сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной Церкви и твердо установить, что многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особому со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полноу свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соотвествии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше

дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое, беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т.п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обуславливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одновместотрех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предполагено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства. Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессловная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы наделной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неотчуждаемость наделных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом, земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими наделными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению

совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предположено ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформой самоуправления земского и городского, реформой управления губернского, уездного и участкового и реформой полицейской.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве строит его на принципе налогового ценса, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается истари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссиях.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и главным образом осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться

смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах уезда в качестве агентов администрации предположены участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной. Новым в области полицейской будет предлагаемый вниманию Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносит в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемыми основных начал судебных уставов Александра Второго, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осужде-

ния и условного досрочного освобождения и т. п. Наряду с этим предполагено введение в полном объеме нового уголовного уложения, по согласованию его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносятся также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства, проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими иными, имеющие меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения гругого ведомства - главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т. е. землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответственный законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелья главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель землевладельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 мил. десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов отграничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью: 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественной порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения, установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства, министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там порто-франко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 года.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу министерством путей сообщения, я считало долгом обра-

тить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35300 верст до 61725 верст. Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного, пролегающего по русской территории рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этого требуют жизненные интересы России.

Кроме этого вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссе-ых дорог, а также срочные, имеющие большую важность, проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и славше и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет оставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней. Особые заботы министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем: 1) ближайшей своей задачей министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

2) В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством.

3) В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предполагаемых преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности: на рассмотрение их вносится государственная

роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство призывает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, образовавшимся вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов. Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды усиленного роста. Прошедшее в октябре 1905 года коренное изменение в нашем государственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в самых различных отраслях государственной жизни. Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, охраняя вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой внесенных в нее министром финансов законодательных предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения. В этих предположениях руководящею мыслью министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту министерства финансов, подоходный налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин и главным образом пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы настоящего строя. При теперешних обстоятельствах правительства надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только

проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предложений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт представляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества. *(Бурные аплодисменты справа)*

2. Выступление на том же заседании после думских прений. 6 марта 1907 г.

Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой, но тот оборот, который принял прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду. Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять; это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной думе, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобрение, порицание и недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы полагать, что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического перелома, во время переустройства всех государственных, законодательных устройств, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности, но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и от Царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда

революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в Южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстаивать то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство несомненно не могло не задеть и частных интересов. В то время правительство задалось одною целью - сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая Второго. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи - не скамьи подсудимых, это место правительства. *(Голоса справа: браво, браво.)*

За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: "Руки вверх". На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: „Не запугаете“. *(Аплодисменты справа.)*

3. Заявление по поводу выборов во II Государственную думу

С наступлением начала выборов некоторые политические партии, с целью склонить на свою сторону избирателей, не ограничиваются распространением среди населения своих взглядов и убеждений

путем печати и собраний, но силятся представить в искаженном свете действия и намерения правительства для проведения на выборах лиц, враждебно к нему настроенных. Вам, как представителю власти, не надлежит вмешиваться в борьбу партий и производить давление на выборы. Подтверждаю неоднократные указания мои на обязанность вышшеограждать полную свободу выборов, пресекая лишь самым решительным образом попытку использовать публичные собрания для агитации революционной. Но, ограничив этим вмешательство администрации в выборную кампанию, считаю нужным указать вам на необходимость широкого опровержения всех ложных слухов, представляющих в извращенном виде действия и виды правительства.

Ясно и определенно поставленная программа правительства известна вашему превосходительству. Обнародованная 24 августа, она не нуждается в повторении. Но от вас, как от представителя правительственной власти на месте, должны исходить авторитетные указания на неизменность правительственной политики, не могущей поддаваться каким-либо колебаниям вследствие обстоятельств случайных и проходящих.

В ряду этих вопросов на первом месте стоит отношение правительства к Государственной думе. Призванная Государем служить основой законодательного строя в Империи, являясь важнейшим фактором воссоздания крепких государственных устоев и порядка, имея право законодательной инициативы, Государственная дума встретит в правительстве живейшее и искреннейшее стремление согласованной плодотворной творческой работы. При настоящем бурном течении общественной жизни правительство сознает громадную трудность безошибочной постановки и решения вопросов, связанных с изменением правовых и социальных норм, и в критике своих предположений так же, как в детальном и практическом обсуждении предположений Думы, - оно видит залог успеха в деле преобразования государства. Относясь с полным уважением к правам Государственной думы в области законодательства, бюджета и запросов, правительство будет неуклонно держаться во всех своих действиях существующих законов, так как лишь строгим выполнением и подчинением законам как правительство, так и Дума могут сохранить Монаршее доверие, наличие которого одна обеспечивает возможность их совместной работы. Установив всю злонамеренность толков о желании правительства созвать Думу лишь с целью ее непременного роспуска и возвращения к прежним, осужденным Государем порядкам, надлежит иметь на местах ясное представление о предположениях правительства в области ближайшего законодательства. Приближение органов самоуправления к населению в виде установления всесословной волости как мелкой земской единицы, привлечение большого числа лиц к задачам самоуправления посредством уменьшения цензовых норм и расширение компетенции органов самоуправления будут предложены правительством в целях создания устойчивых самоуправляющихся ячеек, основы децентрализа-

ции. При введении подоходного налога правительство предполагает подкрепить средства земств и городов, передав им части некоторых казенных поступлений. Вместе с тем, введение местных выборных судей и объединение административной власти в губернии и уезде довершит упрочение устойчивого местного уклада. Но главнейшею, неустанною заботою правительства будет улучшение земельного быта крестьян. Не только создание земельного фонда и справедливая, на послышных условиях передача земель этого разряда крестьянам, но предоставление каждому трудолюбивому, энергичному работнику возможности создать собственное хозяйство, приложить свободный труд, не нарушая чужих прав, к законно приобретенной им земле - будут предметом предложений правительства в области землеустройства. Не менее важны подготавливаемые правительством законопроекты в области рабочего, школьного и административного законодательства.

Приведенное краткое перечисление дает лишь приблизительное понятие о той громадной работе переустройства, совершить которое является для Государственной думы, Государственного совета и правительства историческою обязанностью.

Пер устройство это должно иметь основою укрепление и упорядочение начал истинной свободы и порядка, возвещенных с высоты Престола.

Ввиду этого правительство твердо и последовательно будет преследовать нарушителей права, прекращать со всею строгостью возникающие беспорядки и стоять на страже спокойствия страны, применяя, до полного ее успокоения, все находящиеся в его распоряжении законные средства.

4. О государственной росписи доходов и расходов.

Речь на заседании Государственной думы

20 марта 1907г.

Господа! Я не буду долго утруждать ваше внимание. Я вхожу на кафедру в качестве министра внутренних дел лишь для того, чтобы сделать маленькую поправку к речи члена Думы Николая Николаевича Кутлера. Речь эту я слушал с особым вниманием, и то, что я скажу, является результатом внимательного отношения к речи г. Кутлера. Я полагаю, что рассмотрение бюджета в Государственной думе есть одно из самых существенных ее прав. Результатом его должно быть пролитие света на такие теневые стороны бюджета, выяснение которых ожидается от Государственной думы. Я полагаю, что речь Кутлера должна пролить этот свет еще и потому, что у него не может быть тайн в бюрократическом мире, в котором он так долго служил. Слушая его речь, я остановился на одном его упреке, а именно: „В то время, - говорит Кутлер, - когда манифестом Государя Императора была дарована полная свобода слова и свобода печати, в то

самое время министерство внутренних дел увеличило оклад начальника главного управления по делам печати и его помощника". Кажется, я не ошибаюсь. Это было сказано именно так. (*Голоса справа: "да", "да"*.) Я должен сказать, что замечание это вызвало со стороны членов Государственной думы и аплодисменты, и смех. Против этого я ничего не имею. Смех - прекрасное оружие и бич, в особенности для правительства, и я думаю, что можно смеяться над человеком или учреждением, если они ставят себя в смешное положение. Было ли в данном случае такое положение? Было бы, если бы замечание члена Думы Кутлера было основано на фактах. Это условие особенно важно для серьезной речи, основанной на предварительном изучении вопроса, не могущей не произвести впечатления, заглазить которое не всегда возможно, не имея под руками документов. В течение получасового перерыва мне трудно было проверить достоверность сказанного, но я все-таки это сделал и теперь могу сказать, что утверждения г. Кутлера не соответствуют действительности. Другого выражения я не могу подобрать. Ни начальник главного управления по делам печати, ни один из служащих никакой прибавки к содержанию не получили. (*Аплодисменты справа.*) Я докажу это документами. Штаты главного управления по делам печати существуют с 1862 г. Бывший начальник главного управления, по Высочайшему повелению, вместо прибавки в 3000 рублей, которые он получал к своему содержанию, получил 8 августа 1902 г. 3000 р. квартирных. Эти деньги ассигновывались из сумм „Правительственного вестника“, и отпуск их был продолжен и теперешнему начальнику главного управления по делам печати 1 апреля 1905 г., то есть до манифеста 17 октября. Помощника у начальника главного управления нет, поэтому прибавки содержания некому было и делать. (*Аплодисменты и смех на правых скамьях.*) Остальные служащие удовлетворяются по штату 1862 г., и так как штаты эти весьма незначительны, то они получали добавочное содержание из сумм „Правительственного вестника“ по 150 000 рублей в год. Так было в 1902, 1903, 1904 годах. Но так как эти суммы „Правительственного вестника“ были обращены на другие расходы, по эти именно 150 000 р. были внесены в 1907 г. в общегосударственную смету. Знать это господину Кутлеру следовало бы, так как перенесение кредита в общую смету было произведено тем Советом министров, председателем которого я не был, но членом которого состоял г. Кутлер. (*Смех на правых скамьях.*) Здесь был нанесен вверенному мне ведомству удар сильный и смелый, но пришелся он, воистину, не по коню, а по оглоблям. (*В зале движение, на правых скамьях смех и аплодисменты.*)

5. О заговоре против Государя Императора, Великого Князя Николая Николаевича и П.А. Столыпина.

Ответ на запрос правых партий от 7 мая 1907 г.

Господа члены Государственной думы, я прежде всего должен заявить, что только что оглашенный председателем Государственной думы запрос не относится к разряду тех, по которым правительству предоставлено право давать Государственной думе разъяснения, так как по ст. 40 Учреждения Государственной думы разъяснения эти даются по предметам, непосредственно касающимся рассматриваемых Государственной думой дел, а по ст. 58 - касающихся поступков или действий незаконных. Тем не менее, ознакомившись из газет со *слухами, крайне преувеличенными*, правительство нашло возможным, понимая тревогу гг. депутатов о священной особе Государя Императора, прочитать сообщение, которое сегодня должно появиться в сообщениях „Осведомительного Бюро“ и „С.-Петербургского телеграфного агентства“:

Правительственное сообщение о заговоре

В феврале текущего года отделение по охранению общественного порядка и безопасности в Петербурге получило сведение о том, что в столице образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшей целью своей деятельности совершение ряда террористических актов.

Установленное в целях проверки полученных сведений продолжительное и обставленное большими трудностями наблюдение обнаружало круг лиц как вошедших в состав указанного сообщества, так и имевших с членами его непосредственные сношения.

Сношения, как выяснилось, происходили между некоторыми из членов сообщества на конспиративных квартирах, постоянно менявшихся, при условии строгой тайнственности, были обставлены паролями и условными текстами в тех случаях, когда сношения были письменные.

Установленный наблюдателем круг лиц, прикосновенных к преступному сообществу, в числе 28 человек, был 31 марта подвергнут задержанию.

Вслед за этим отделение по охранению общественного порядка и безопасности 4 апреля донесло прокурорус - петербургской судебной палаты о данных, послуживших к задержанию 28-ми лиц.

С своей стороны прокурор судебной палаты, усмотрев в этих данных указания на признаки составления преступного сообщества, поставившего своей целью насильственные посяательства на изменение в России образа правления (ст. 103 уз. улож), того же 4-го апреля предложил судебному следователю по особо важным делам при

с.-петербургском окружном суде приступить к производству предварительного следствия, которое было начато немедленно, под непосредственным наблюдением прокурорского надзора с.-петербургской палаты, и производится без малейшего промедления.

В настоящее время предварительным следствием установлено, что из числа задержанных лиц значительное число изблудчается в том, что они вступили в образовавшееся в составе партии социалистов-революционеров *сообщество*, поставившее целью своей деятельности *посягательство на священную особу Государя Императора и совершение террористических актов, направленных против Великого Князя Николая Николаевича и председателя Совета Министров*, причем членами этого сообщества предприняты были *попытки* к изысканию способов *прошкнуться во Дворец*, в коем имеет пребывание Государь Император. Но попытки эти успеха не имели.

Господа члены Государственной думы! Я не думал выступать сегодня по этому делу и не ждал запроса, который только что тут оглашен, так что он является для меня полною неожиданностью. Но я считаю своею обязанностью, как начальник полиции в государстве, выступить с несколькими словами в защиту действий лиц, мне подчиненных. Дело, которое сегодня, теперь тут, поднято, будет, вероятно, рассмотрено после обсуждения его в комиссии; вероятно, мне придется дать объяснение и в порядке запроса о незаконных действиях полиции. Теперь же я желаю дать только предварительное разъяснение. Насколько мне известно, дело произошло таким образом: столичная полиция получила сведения, что на Невском собираются центральные революционные комитеты, которые имеют сношения с военной революционной организацией. В данном случае полиция не могла поступить иначе, как вторгнуться в ту квартиру - я этого выражения не признаю, - а войти, в силу власти, представленной полиции, и произвести в той квартире обыск. Не забудьте, господа, что город Петербург находится на положении чрезвычайной охраны и что в этом городе происходили события чрезвычайные. Таким образом, полиция должна была, имела право и правильно сделала, что в эту квартиру вошла. В квартире оказались, действительно, члены Государственной думы, но кроме них были лица посторонние. Лица эти, в числе 31, были задержаны, и при них были задержаны документы, некоторые из которых оказались компрометирующими. Всем членам Государственной думы было предложено, не пожелают ли они тоже обнаружить то, что при них находится. Из них несколько лиц подчинились, а другие лица отказались. Никакого насилия над ними не происходило, и до окончания обыска все они оставались в квартире, в которую вошла полиция. Теперь я должен, в оправдание действий полиции, сказать следующее: на следующий день были произведены дополнительные действия не только полицейской, но и следственной властью, и обнаружено отношение квартиры депутата Озола к военно-революционной организации, поставившей своей целью вызвать восстание в войсках. В этом случае, господа, я должен сказать,

и заявляю открыто, что полиция и впредь будет так же действовать, как она действовала (*Аплодисменты справа. Шум.*) Незаконного ничего не было. Если были какие-либо неправильности в подробностях, то это и будет обнаружено. Я должен сказать, что кроме ограждения депутатской неприкосновенности, на нас, на носителей власти, лежит еще другая ответственность - ограждение общественной безопасности. Долг этот свой мы сознаем и исполним его до конца, и в этом отношении я считаю своей обязанностью, перед лицом всей России, как начальник, как ответственное лицо за действия полиции, сказать несколько слов в ее защиту, сказать, что если будут доходить до нее слухи, подкрепленные достаточными данными, о серьезных обстоятельствах, за которые правительство и администрация несут ответственность, то она сумеет поступить так же, как поступала, а судебное ведомство исполнит свой долг и сумеет обнаружить виновных. (*Аплодисменты справа.*)

6. Об устройстве быта крестьян и о праве собственности.

Речь на заседании Государственной думы 10 мая 1907г.

Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление как по возбуждавшему тут вопросу, так и о предположениях самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сделать подлежащим компетенции ведомством в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту. Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения,

постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному в просу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почитаться последним за крамолу. Правительству тем более, мне кажется, подобает высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господина Карабаев, Церетели, Волк-Карачевский и др. Я не буду оспаривать тех весьма спорных по мне цифр, которые здесь представлялись ими. Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях; он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господина, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развалинах государственности создать государственность современную на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй. Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованного класса землевладельцев, что оно примется с разрушением редких культурных очагов на местах, - что же из этого выйдет? Что, был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

На это ответ могут дать цифры, а цифры, господина, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без

малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 дес., в Архангельской даже по 1309 дес., в 14 губерниях недоставало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 85 000 мещан, - а эти два последние разряда владеют до 17 000 000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за 10-летний период в 50 губерниях европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек в год. Таким образом, это даст на одну европейскую Россию всего на 50 губерний 1 625 000 душ естественного прироста в год или, считая семью в 5 человек, 341 000 семей. Так что для удовлетворения землею одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 дес. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны?

Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Все и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, что эта земля

получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, - этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин - а между ними всегда были и будут туземцы - будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, - [но нельзя ленивого] равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самою силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле.

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстанет на свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств (*голос из центра: „ого“*), и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравненных и разоренных полях России? А эта перекошенная и уравненная Россия, что, стала ли бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создается и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Но положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены. Кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неизвестное нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение - там смерть.

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком большом объеме, как предыдущий проект, и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к

началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен познать му прийтти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано. Он признал за крестьянами право неизменного, постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседней-землеладельцев, вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отчуждить землю крестьян, они не будут отчуждены, и поэтому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев.

Вобщем, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему [это] поведет в конечном выводе - это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 г., у владельца, скажем, 3000 десятин будет отнято 2500 десятин, и за ним останется 500 десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет по нашим понятиям культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы - на соседнюю помещичью землю? Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она изымается из области купли и продажи. Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены. Докладчик партии прикидывал цену на отчуждаемую землю в среднем по 80 рублей на десятину в европейской России. Ведь это не может поощрить к применению своего труда к земле, скажем, тех лиц, которые за землю год перед тем заплатили по 200-300 рублей за десятину и вложили в нее все свое достояние.

Но между мыслями, предложенными докладчиком партии народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению. Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. Интересно еще в проекте партии народной свободы

другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Я к этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мне кажется несколько противоречивым провозглашаемому принципу принудительного отчуждения. Если признать принудительное отчуждение, то как же наряду с этим признать необходимость для всего населения, для всего государства, для всех классов населения придти на помощь самой нуждающейся части населения? Почему наряду с этим необходимо с этой целью обездолить 130 (100) владельцев, и не только обездолить, но и оторвать их от привычного и полезного для государства труда? Но, может быть, господа, без этого обойтись нельзя.

Прежде чем изложить вам в общих чертах виды правительства, я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь - это путь насилия. Вам всем известно, господа, насколько легко прислушивается наш крестьянин простодушно к всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных вожделений явочным путем, путем, так сказать насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает. Правительство должно учитывать два явления: с одной стороны несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных законных началах и приступить к правильному законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и обязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему. Но наряду с этим существует и другое: существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы. Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: „Мы пришли сюда не покупать землю, а ее Взять“. (*Голоса: Верно, правильно.*) Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я о них и упоминаю, письма, вызывавшие и смущение и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались к ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, *ввиду* якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и Взять землю силой!

Я не буду утруждать вас, господа, ознакомлением с этими документами, я скажу только, что при наличии их, и я откровенно это заявляю, так как русский министр и не может иначе говорить в русской Государственной думе, можно предвидеть и наличие новых попыток приобретения земли силой и насилием. Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далека, но необходи-

мо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел, не дозволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения. Все, что я сказал, господа, является разбором тех стремлений, которые, по мнению правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия. Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству губительной для страны, а проект партии народной свободы, то есть полужэкспроприация, полунационализация, в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледельцем. Придется всем этим малоземельным крестьянам, дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам необходимо иметь запас в 57 000 000 десятин земли. Опять-таки, говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства находится только 10 000 000 десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями.

Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: „Это надо бросить“. По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше, - мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма,

частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в „царство, разделившееся на ся“. В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: Взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана - обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю.

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не пог силу платит тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы послен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы,

чтобы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87 статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под наделные земли, был бы создан широкий мелiorативный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительствам земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных вконец землевладельцев. Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими землей, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства - устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, которые поставлены правительством. Более полный проект предлагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, если бы в нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовалась десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! *(Аплодисменты справа.)*

7. Первая речь на заседании III Государственной думы. 16 ноября 1907 г.

Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством Вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предложений.

Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то что я еще так недавно излагал перед Второй Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую Думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противобщественные преступные элементы: разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (*Оглушительные рукоплескания центра и справа; Возгласы „браво“.*)

Противопоставить этому явлению можно только силу (*Возгласы „браво“ и рукоплескания в центре и справа*). Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени - этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. (*Возгласы „браво“ и рукоплескания в центре и справа*.) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой. (*голоса в центре и справа: „браво“.*)

Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внесены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительно к обычному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдёт к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы, задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений, путем облечения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. (*В центре и справа возгласы „браво“.*)

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устройству.

Устройство это требует крупных преобразований, но все улучшение в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства. (*В центре и справа возгласы „браво“.*)

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренную мысль теперешнего правительства, руководящего его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками - бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (*рукоплевания центра и справа*), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования - вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (*Рукоплевания в центре и справа.*)

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке ст.87 зак.Осн., и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправки в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения.

На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного само-

управления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о не способных к труду рабочих, страхование их и обеспечение им врачебной помощи останав- ливалом теперь особенное внимание правительства. Соответствен- ные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Госу- дарственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проходить через Совет по делам местного хозяйства и вносятся в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заклю- чением названного Совета. Такой порядок устанавливается прави- тельством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали ожив- ленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о пере- даче их на заключение земских собраний. Замечания местных деяте- лей могут быть быстрее всего введены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоцен- ным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хозяйства созывается незамедли- тельно, и по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмот- реть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, не очень которых представляется вместе с сим. Из проектов, каса- ющихся земельного устройства, ныне же вносится в Государствен- ную Думу проект о земельных обществах; в области местных преоб- разований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого - о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а так же те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадле- жащей ему области, содействовать всем меропритиям на пользу гос- подствующей церкви и духовного сословия. (*Рукопескания справа.*)

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей. (*Рукопескания в центре и справа.*)

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. (*Рукопескания в центре и справа.*)

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у Вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основной, но и самой срочной. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

С своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленно в стране и определившие пределы Высочайше дарованной ей представительного строя. (*Рукопескания в центре и справа.*)

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть (*бурные рукопескания и возгласы справа „браво“*) ... историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (*Бурные рукопескания и возгласы „браво“ в центре и справа.*)

8. Ответ на выступление В. Маклакова.

Речь на заседании Государственной думы 16 ноября
1907 г.

Господа члены Государственной думы!

Слушая раздававшиеся тут нарекания и обвинения против правительства, я спрашивал себя, должен ли я, глава правительства, идти по пути словесного спора, словесного поединка и давать только пишу новым речам в то время, как страна с напряженным вниманием

и вымученным нетерпением ждет от нас серой повседневной работы, скрытый блеск которой может обнаружиться только современем. И конечно, не для пустого спора, не из боязни того, что правительство назовут безответным, так же, как понапрасну называли его в прошлой Думе „безответственным“, выступаю я с разъяснением, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, в чем именно правительство будет черпать руководящие начала своей деятельности, куда оно идет и куда ведет страну.

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль правительства, определенно выраженная в прочитанном мною заявлении от имени правительства, несомненно, затемнена последующими речами, вследствие этого я и попросил слова. Я обойду мимо те попреки, которые тут раздавались слева относительно акта 3 июня. Не мне, конечно, защищать право Государя спасти в минуты опасности вверенную Ему Богом державу (*рукоплескания в центре и справа*). Я не буду отвечать и на то обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Мне кажется, что я уже ясно от имени правительства указал, что строй, в котором мы живем, - это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных (*рукоплескания в центре и справа*).

Но я не могу, господа, не остановиться на нареканиях третьего характера, на обвинениях в том, что правительство стремится создать в России какое-то полицейское благополучие, что оно стремится сжать весь народ в тисках какого-то произвола и насилия. Это не так. Относительно того, что говорилось тут представителем Царства Польского, я скажу впоследствии. Покуда же скажу несколько слов о двух упреках, слышанных мною от последнего оратора: о том, что говорилось тут о судебной несменяемости, и о том, что я слышал о политической деятельности служащих. То, что сказано было относительно несменяемости судей, принято было тут за угрозу. Мне кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мне кажется, что для всех прибывших сюда со всех сторон России ясно, что при теперешнем кризисе, который переживает Россия, судебный аппарат - иногда аппарат слишком тяжеловесный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имеет, несомненно, и политический характер. Вспомните политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г. Розановым, нарисовавшим нам картину убийства всех свидетелей до последнего, до шестилетней девочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесения обвинительного приговора. Нечего говорить о том, что суд действительно может находиться и сам под влиянием угроз, и при политическом хаосе, гипнозе он может иногда действовать и несвободно.

Не с угрозой, господа, не с угрозой мы шли сюда, а с открытым забралом заявили, что в тех случаях, когда на местах стоят люди не достаточно твердые, когда дело идет о спасении родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход

жизни нормальной. Я упомянул тогда об одной из передовых стран - страна эта Франция, - где несменяемость судей была временно приостановлена, - этому нас учит история, ведь это факт. Тут говорили о политической деятельности служащих, говорили о том, что нужна беспартийность, что нельзя вносить партийность в эту деятельность. Я скажу, что правительство, сильное правительство должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти.

Затем перейду к дальнейшему.

Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессию, что оно не желает заниматься работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права - то правовое основание, в котором несомненно нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает лично земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему благо гражданской свободы. (*Рукопесканиа в центре и справа.*) Для того, чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, с годами, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что „деньги „ это чеканенная свобода“. Поэтому правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток.

Вот тогда, тогда только писанная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, складывается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (*Рукопесканиа в центре и справа. Возгласы „браво“.*) При этих условиях будет иметь успех идея местного суда, будет иметь успех и идея суда административного, который необходим как основа всякого успеха в местном управлении.

Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для правительства, особенно в теперешнюю минуту, черпать силу не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению, с тем чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно скажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего скажу, что против этого правительство возражать не будет, но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной. *(Рукоплекания в центре и справа.)* Нам говорилось о том, что в 1828 г. в Царстве Польском пропорционально было больше школ, чем в 1900 г. Я на это отвечаю следующее: теперь, может быть, не только мало школ, но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного заведения там нет потому, что те граждане, которые только что называли себя гражданами „второго разряда“, не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком. *(Бурные рукоплекания в центре и справа.)*

Децентрализация может идти только от избытка сил. Мощественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет! *(Бурные рукоплекания в центре и справа.)* Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо - это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права. *(Рукоплекания в центре и справа.)*

Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманию, ведь это не сочинено, мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное самосознание, все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия и те никогда не брали примера с запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных обязанностей, государственного звяза и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления так же, как наш идеал наверху - это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти.

Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского

государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилении всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада. Самодержавие московских Царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины Второй и Царя-Освободителя. Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. *(Бурные рукоплескания в центре и справа.)*

Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в правительстве. Но этого недостаточно, недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усилие и с другой стороны. Их ждет Государь, их ждет страна. Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством. *(Возгласы „браво“ и рукоплескания в центре и справа.)*

Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что, когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо действии правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в гривный цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие, я думаю, что я совершил бы ошибку. Правительство должно избежать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно билась сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам *(рукоплескания в центре и справа)* в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это старание желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противоположность тем людям, которые хотят ее распада, это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию. Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, что думал и как умел. *(Бурные рукоплескания в центре и справа.)*

9. О земельном законопроекте и землеустройстве крестьян. Речь на заседании Государственной думы 5 декабря 1908 г.

Господа члены Государственной думы !

Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу, после того как громадное большинство Государственной думы высказалось за проект в его целом, то делаю это потому, что придаю этому вопросу коренное значение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью, значит исказить закон, значит лишить его руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное значение, община как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать ему свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. *(Голоса в центре и справа: браво.)*

Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет втормосщенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли. Если, господа, мысль эта понятна, если она верна, то нельзя вводить в закон другое понятие, ей противоположное; нельзя, с одной стороны, исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны, признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом.

Противоречие это станет еще более ясным, если мы дадим себе отчет в том, как понимает правительство термин „личная собственность“ и что понимает противники законопроекта под понятием „собственности семейной“. Личный собственник, по смыслу закона властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном его распоряжении: он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но, вместе с тем, ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни

одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самостоятельность.

Государство может, оно должно делать другое: оно должно обеспечить определенное владение не тому или иному лицу, а за известной группой лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле; за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли наделной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы: господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю.

Но что такое семейная собственность? Что такое она в понятиях тех лиц, которые ее защищают, и для чего она необходима? Ею, во-первых, создаются известные ограничения, и ограничения эти относятся не к земле, а к ее собственнику. Ограничения эти весьма серьезны: владелец земли по предложению сторонников семейной собственности, не может без согласия членов семьи, без согласия детей домохозяина, ни продавать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрепить его за собой, ни отвести надел к одному месту: он стеснен во всех своих действиях. Что же из этого может выйти?

Возьмем домохозяина, который хочет прикупить к своему участку некоторое количество земли; для того, чтобы заплатить сверху, он должен или продать часть своего надела, или продать весь надел, или заложить свою землю, или, наконец, заняв деньги в частных руках. И вот дело, для осуществления которого нужна единая воля, единое соображение, идет на суд семьи, и дети, его дети, могут разрушить зрелое, обдуманное, может быть, долготетное решение своего отца. И все это для того, чтобы создать какую-то коллективную волю?! Как бы, господа, не напалодить этим не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозит в будущем и мелкою чересполосицей, а в настоящую минуту она, несомненно, будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина.

Во имя чего все это делается?

Думаете ли вы этим оградить имущество детей отцов пьющих, расточительных или женившихся на вторых женах? Ведь и в настоящее время община не обеспечивает их от разорения; и в настоящее время, к несчастью, и при общине народился сельский пролетариат; и в настоящее время собственник наделного участка может отказаться от него и за себя, и за своих совершеннолетних сыновей. Нельзя создавать общий закон ради исключительного, уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету.

Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предыдущий оратор, гр. Бобринский Второй? Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развить институт опеки за расточительность, который в настоящее время Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недробимости участков. Но главное, что необходимо, это, когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых (*Рукоплексакия центра*).

Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта недалека, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина. (*Рукоплексакия справа и в центре*). Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке ст. 87 закон 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство. (*Рукоплексакия центра и отдельные : справа*).

Многих смущает, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа, но левые, в данном случае, идут против принципов разумной и настоящей свободы. (*Голос слева: здорово голос из центра: верно*). Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу? (*Голос из центра: верно*).

Нельзя возвращаться на этот путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. (*Голос из центра: браво*.) Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия. (*Бурные рукоплексакия центра и на некоторых скамьях справа; голос слева: а от виселиц?*) И насколько нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года.

Я позволю себе привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции". (*Бурные рукоплексакия центра*.) Затем даль-

ше: „С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями“.

Поэтому сторонники семейной собственности и справа, и слева, по мне, глубоко ошибаются. Нельзя, господа, идти в бой надевши на всех воинов броню или заговорив их всех от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи.

Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния - земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это Россия. *(Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; иронические восклицания слева.)*

10. О деле Азефа.

Речь на заседании Государственной думы

11 февраля 1909 г.

Господа члены Государственной думы!

Прежде, чем Государственная дума примет какое-либо решение по заявлению об азефском деле, я хочу поделиться с вами теми сведениями, которые правительство по этому делу имеет. Несмотря на то только что высказанные соображения, заявление по этому делу представляется мне недостаточно обоснованным; данные, на которых построено заявление, противоречат тем материалам, которые имеются в распоряжении правительства. Обвинения, которые вытекают из запроса, раздалась впервые и раздаются и теперь сего громче из революционного лагеря. Поэтому я думало, что Государственная дума, выслушав меня, может быть, найдет, что в действиях правительства нет оснований для запроса о действиях незаконных мерных.

Если, господа, я не выступил раньше, то потому, что возводились против правительства голословные обвинения, я же хотел иметь в руках хотя какие-нибудь данные, против которых мог бы возражать, так как мне казалось, что те лица или партии, которые подняли дело об Азефе в Государственной думе, хотят поставить правительство в положение невыгодное, сбить его на определенную позицию, которая дала бы заявлениям правительства желательную для противни-

ков его окраску. Эта позиция, это положение - положение стороны обороняющейся, став на которую, правительство едва ли могло бы освободить свои объяснения от полемического оттенка.

Между тем, дело Азефа — дело весьма несложное, и для правительства и для Государственной думы единственно достойный, единственно выгодный выход из него — это путь самого откровенного изложения и оценки фактов. Поэтому, господа, не ждите от меня горячей защитительной или обвинительной речи, это только затемнило бы дело, придало бы ему ведомственный характер; отвечая же лично на этот запрос, я хотел бы осветить все это дело не с ведомственной, не с правительственной даже, а с чисто государственной точки зрения. Но, прежде чем перейти к беспристрастному изложению фактов, я должен установить смысл и значение, которое правительство придает некоторым терминам.

Тут в предыдущих речах все время повторялись слова „провока-тор“, „провокация“, и вот, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений, я должен теперь же выяснить, насколько различное понимание может быть придано этим понятиям. По революционной терминологии, всякое лицо, доставляющее сведения правительству, есть провокатор; в революционной среде (*возгласы слева*) такое лицо не будет названо предателем или изменником, оно будет объявлено провокатором.

Это прием не бессознательный, это прием для революции весьма выгодный.

Во-первых, почти каждый революционер, который улавливается в преступных деяниях, обычно заявляет, что лицо, которое на него донесло, само спровоцировало его на преступление, а во-вторых, провокация сама по себе есть акт настолько преступный, что для революции не безвыгодно, с точки зрения общественной оценки, подвести под это понятие действия каждого лица, соприкасающегося с полицией. А между тем, правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считает провокатором только такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокатора. (*Возглас слева: верно!*)

Таким образом, агент полиции, который проник в революционную организацию и дал сведения полиции, или революционер, освещающий правительство или полицию, *eo ipso* еще не может считаться провокатором. Но если первый из них, наряду с этим, не только для видимости, для сохранения своего положения в партии выказывает сочувствие видам и задачам революции, но вместе с тем одновременно побуждает кого-нибудь, подстрекает кого-нибудь совершить преступление, то, несомненно, он будет провокатором, а второй из них, если он будет уловлен в том, что он играет двойную роль, что он в части сообщал о преступлениях революционеров правительству, а в части сам участвовал в тех преступлениях, несомненно, уже станет тяжчайшим уголовным преступником. Но тот сотрудник полиции, который не подстрекает никого на преступление, кото-

рый и сам не принимает участия в преступлении, почитаться провокатором не может.

Точно так же трудно допустить провокацию в среде закоренелых революционеров, в среде террористов, которые принимали сами участие в кровавом терроре и вовлекали в эти преступления множество лиц. Не странно ли говорить то же о провоцировании кем-либо таких лиц, как Гершуни, Гоц, Савинков, Каляев, Швейцер и др.? Но смысл и выражение запроса не оставляют никакого сомнения в том, что Азефу приписывается провокация в настоящем смысле этого слова, а также и активное, последовательное участие в целом ряде преступлений чисто государственных.

Кто же такой Азеф? Я ни защищать, ни обвинять его не буду. Такой же сотрудник полиции, как и многие другие, он наделен в настоящее время какими-то легендарными свойствами. Авторами запроса ему приписывается, с одной стороны, железная энергия и сила характера, причем сведения эти почерпнуты из заметки „Нового времени“, которой почему-то приписывается и придается чуть ли не официальный характер. С другой стороны, ему приписывается целый ряд преступлений, почерпнутых из источников чисто революционных. Правительство же, как я сказал, может опираться только на фактический материал, а считаться с разговорами, которые, несомненно, должны были создаться вокруг такого дела, с разговорами характера чисто романтического, фельетонного на тему „Тайны департамента полиции“, оно, конечно, не может.

Поэтому, господа члены Государственной думы, перейдем к фактам, пересмотрим данные, внешние данные из жизни Азефа, проследим по совету члена Государственной думы Покровского революционную карьеру Азефа и, параллельно, его полицейскую карьеру и рассмотрим его отношения к главнейшим террористическим событиям последнего времени. По расследованию всего материала, имеющегося в Министерстве внутренних дел, оказывается, что Азеф в 1892 году живет в Екатеринославе, затем он переезжает за границу, в Карлсруэ, кончает там курс наук со степенью инженера, в 1899 году переселяется в Москву и остается там до конца 1901 года. После этого он уезжает за границу, где и остается до последнего времени, временами только наезжая в Россию, о чем я буду говорить дальше.

Отношения его к революции, опять-таки, конечно, по данным департамента полиции, таковы: в 1892 г. он в Екатеринославе принадлежит к социал-демократической организации, затем, переехав за границу, вступает в ряды только что сформировавшегося в то время союза российских социал-революционеров; затем в Москве он примыкает к московской революционной организации, упрочивает там свои связи и сходится с руководителем этой организации Аргуновым. К 1902 г., опять-таки, конечно, по данным департамента полиции, относится его первое знакомство с Гершуни, Гоцем и Виктором Черновым. Это - люди революционного центра. Первые двое играли главнейшую роль в революции - Гоц в качестве инструктора, а Гершуни в качестве организатора всех террористических актов.

В это время влияние Азефа растет, растет именно благодаря этим влиятельным знакомствам; в это время он получает и некоторую случайную, но, благодаря именно этим связям, ценную для департамента полиции осведомленность. К концу 1904 г. и относится вступление Азефа в заграничный комитет партии. Заграничный комитет не есть еще центральный комитет, который дает директивы и руководит всеми действиями революционеров. В это время, после ареста в 1903 году Гершуни, опять-таки по сведениям департамента полиции, во главе боевого дела партии находится Борис Савинков, и только после ареста Савинкова, с 1906 г., Азеф, уже в качестве члена центрального комитета, подходит ближе к боевому делу и становится представителем этой организации центрального комитета.

Таким образом, с мая месяца 1906 г., по сведениям департамента полиции, Азеф получает полную осведомленность об всех террористических предприятиях, а до того времени осведомленность его была случайная и далеко не полная. Сведения эти основаны на донесениях самого Азефа, на донесениях заведующих розыскною частью и подверглись, конечно, и контрольной проверке. Так, в 1905 г. в нашу миссию в Брюсселе является молодой человек, который заявляет, что он должен был совершить террористический акт, но он раскаялся и готов дать совершенные показания.

Оказалось, что это лицо предложило себя в качестве исполнителя смертного приговора революционной партии, революционерами было направлено в Париж, вошло в переговоры с центральным комитетом и переговаривалось там с Савинковым и Черновым, а Азефа не видело, что было бы, конечно, трудно допустимо, если Азеф в то время был бы уже членом центрального комитета. Затем, из данных розыскных органов, которые по обязанностям своим должны следить за сотрудниками посредством внутренней агентуры и посредством наружного наблюдения, подтверждается только что мною описанное положение Азефа в партии. Такие же сведения давали и другие сотрудники, работавшие параллельно в партии, как, например, упоминавшийся тут Татаров, впоследствии убитый революционерами. Определивши все то, что знало министерство об отношении Азефа к революции, позвольте мне перейти к отношению его к полиции.

В число сотрудников Азеф был принят еще в 1892 году. Он давал сначала показания департаменту полиции, затем, когда приехал в Москву, поступил в распоряжение начальника охранного отделения, но посылал свои донесения и непосредственно заведующему особым отделом департамента полиции Ратаеву, затем переехал во второй раз за границу, опять давал сведения непосредственно департаменту полиции, а когда назначен был директором департамента Лопухин, то переехал в Петербург и оставался в Петербурге до 1903 г. Затем из-за границы сносился опять с департаментом. В 1905 г. поступил в распоряжение к только что тут упоминавшемуся Рачковскому, который в то время заведовал политическим отделом; в конце 1905 г. Азеф отошел временно от агентуры и затем работал в петербургском

охранном отделении. Конечно, временами, когда Азефа начинали подозревать в партии или после крупных арестов, которые колебали его положение, он временно отходил от агентуры, но потом опять приближался к ней.

Вот, господа, после выяснения отношения Азефа к службе розыска и к революции, позвольте мне перейти к террористическим актам того времени для того, чтобы выяснить, как понимал департамент, как понимало министерство отношение его к этим актам. Но прежде позвольте мне установить одно обстоятельство: во всех выдвигаемых против Азефа обвинениях его имя связывалось с именем Рачковского. Так вот, я хотел выяснить, как тут, впрочем, и говорилось, что Рачковский до 1902 года действительно заведовал особым отделом департамента, но в 1902 г. он вышел в отставку и был в отставке до 1905 г. В этом году генерал Трепов был назначен петербургским генерал-губернатором, и Рачковский был снова принят на службу, зачислен чиновником особых поручений и откомандирован в его распоряжение. Когда генерал Трепов стал товарищем министра, заведующим полицией, то он поручил Рачковскому управление политическим отделом департамента полиции, которым он и заведовал до конца 1905 года, а затем с 1906 года, как я говорил в Первой думе, Рачковский уже никаких обязанностей по Министерству внутренних дел не исполнял.

Я не знаю, почему член Государственной думы Пергамент нашел какое-то противоречие в этом заявлении с правительственным сообщением. В правительственном сообщении говорится, что никто из должностных лиц, а в том числе указанный в газетных статьях действительный статский советник Рачковский и другие чины никогда и ни в какой мере не были прикосновенны к террористическим актам и иным преступным предприятиям революционеров. Несомненно, что это относится к тому времени, когда Рачковский исполнял активные поручения по департаменту полиции, а никак не к настоящему времени. Таким образом, с 1902 по 1905 годы, то есть за время наиболее активной деятельности Азефа, Рачковский находился в отставке.

Возвращаясь к террористическим актам, позвольте мне обратить ваше внимание на некоторые выводы, которые вытекают из изучения вообще истории терроризма за последние годы в России. Следствия, дознания, все данные департамента полиции с большой яркостью указывают на то, что главаря революционных организаций для того, чтобы укрепить волю лица, непосредственно исполняющего террористический акт, для того, чтобы поднять его дух, всегда сами находятся на месте преступления. Так, Гершуни был на Исаакиевской площади во время убийства егермейстера Сипягина. Он был на Невском рядом с поручиком Григорьевым во время неудачного посягательства на обер-прокурора Победоносцева. Он был в Уфе во время убийства губернатора Богдановича, он сидел в саду „Тиволи“ в Харькове во время покушения Фомы Качуры на князя Оболенского и даже подтолкнул его, когда заметил в последнюю минуту с его стороны

колебание.

Точно так же Борис Савинков во время убийства статс-секретаря Плеве и Великого князя Сергея Александровича, во время замышлявшегося покушения на генерала Трепова и во время метания бомб в Севастополе на Соборной площади в генерала Неплюева был на месте преступления. Поэтому, изучая отношения Азефа к преступным деяниям, необходимо наряду с другими обстоятельствами иметь в виду и этот террористический прием, обычный и, очевидно, свойственный руководителям террористических актов в России.

Я опускаю террористическую летопись 1902 года, то есть убийство егермейстера Сипягина и посягательство на Победоносцева, так как эти действия не инкриминируются Азефу. Я только хочу напомнить, что к этому 1902 г. относится первоначальное знакомство Азефа с Гершуни, и тогда же немедленно Азеф сообщает департаменту полиции о преобладающей роли некоего Гранина, того же Гершуни, в революционных организациях, а затем изобличает всю подавляющую роль Гершуни в террористических действиях России за эти годы. Изучение процессов Фомы Качуры и Григорьева дает богатый материал для истории русской революции этого времени. Показания этих лиц указывают то значение, которое имели в революции, в подготовке всех террористических актов Гершуни и Мельников. Азеф в это время только случайно, через фельдшерницу Ременникову, узнает подробности посягательства на Победоносцева и сообщает о них департаменту полиции.

За это же время из переписки о выдаче террориста Гоца из Неаполя и из переписки последнего с Гершуни точно так же обрисовывается главенствующая деятельность Гершуни и Мельникова. Из этой переписки ясно, как возникает первоначально мысль об убийстве статс-секретаря Плеве; в этой переписке имеется характерная фраза о просьбе Мельникова прислать бомб: „Петя просит апельсинов.“ 1903 год ознаменовывается убийством в Уфе губернатора ордановича; в этом убийстве участвует Гершуни. Азеф находится безвыездно в Петербурге. За это же время открывается и предупреждается целый ряд других террористических актов и назревает убийство статс-секретаря Плеве, которое приписывается здесь Азефу, несмотря на то, что он только что перед этим раскрыл покушение на того же статс-секретаря Плеве со стороны некой Клитчоглу.

Я повторяю, что ни защищать, ни обвинять Азефа я не намерен. Я передаю только те данные, которые имеются в распоряжении Министерства внутренних дел. Поэтому, чтобы беспристрастно отнестись к роли Азефа, надо, как мне кажется, поставить себе 4 вопроса: во-первых, где был Азеф в это время; во-вторых, какое положение было его в партии; в-третьих, какие сведения и данные сообщал он за это время полиции и затем, проверяла ли полиция, департамент - на это, кажется, тут кто-то и указал - деятельность своих сотрудников после совершения этих террористических актов. Я на этом акте останавливаюсь особенно долго потому, что Азеф именно был в это время в России, иначе мне достаточно было бы

сопоставить положение Азефа в партии и осведомленность его с самим совершением акта. Но Азеф был в это время в России, и по тем данным, о которых я раньше сообщил, еще близко к боевому делу не стоял, а знал только то, что могли сообщить ему сильно законспирированные центровики.

Где был Азеф - это удостоверяется его письменными донесениями из разных городов России, так что по числам можно совершенно ясно установить, в каком городе когда он был. Я должен сказать, что он ездил в это время в Уфу и имел там свидание с братом Сазонова, Изотом, сообщал о том, что Изот не имеет сведений о своем брате Егоре, бежавшем из тюрьмы и готовящем что-то чрезвычайно важное. Затем, 4 июня Азеф появляется в С.-Петербурге и открывает департаменту полиции, что лицо, погибшее во время взрыва в Северной гостинице во время приготовления бомб, очевидно, для покушения на статс-секретаря Плеве, был некто Покатилов, что соучастники его находятся в Одессе и в Полтаве. После этого он немедленно едет в Одессу, откуда сообщает, что готовится покушение на статс-секретаря Плеве, что оно отложено только потому, что не приготовлены бомбы. Примерно через месяц после этого Плеве погибает от руки именно Егора Сазонова, посредством брошенного им разрывного снаряда. В это время, однако, Азефа в России уже нет, так как от 16 июля имеется телеграмма его из Вены.

После такого потрясающего преступления, как удавшееся покушение на министра внутренних дел, департамент полиции, конечно, расследовал, что делал в это время его сотрудник. Директор департамента Лопухин выписывает заведующего агентурой Ратаева из-за границы, расследует все дело и оставляет Азефа на службе, на которой он и находится за все время директорства Лопухина. Вот те внешние сведения, которые имеются в департаменте полиции по делу статс-секретаря Плеве. Немедленно после этого Азеф посылает чрезвычайно ценные и важные донесения, которые ведут к раскрытию целого ряда преступных замыслов, но наряду с этим он дает и менее важные сведения, то есть такие, на которые в это время мало обращали внимания. Он сообщает, например, о конгрессе революционеров в Париже, решившем собрать в Париже конференцию всех революционных и оппозиционных партий. Эта конференция состоялась между 17 и 24 сентября, и, согласно донесению Азефа, на ней были: от революционеров - он и Чернов, а от конституционалистов - Петр Струве, Богучарский, кн. Долгоруков и Павел Милоков. *(Голоса в центре: Хорошее знакомство, хороши приятели! Смех.)*

5 февраля 1905 года совершается в Москве убийство Великого князя Сергея Александровича и готовится в Петербурге покушение на генерала Трепова. Опять-таки по тому положению, которое, по сведениям департамента полиции, занимал Азеф в партии, от него можно было бы ожидать донесений более подробных по этому делу, если бы в это время в России и имел бы возможность эти сведения достать от тех лиц, которые конспиративно вели это боевое дело.

Дело об убийстве Великого князя с полной ясностью освещено как судебным следствием, судебным процессом, так и литературой по делу, особенно изданиями подпольными. Но до настоящего времени мы нигде не встречали имени Азефа в рядах соучастников этого преступления. Дело это совершено Каляевым, организовано Борисом Савинковым, участвовала в нем еще Роза Бриллиант. Азеф же находился в это время за границей по документальным данным департамента полиции, до покушения он был в Париже, 3 февраля в Женеве, в Швейцарии, и непосредственно после этого находился во Франции, в Париже.

Что же касается покушения на генерала Трепова, то оно было раскрыто Татаровым, который дал имена всех организаторов покушения, но не называет между ними Азефа, хотя о роли этого сотрудника департамента полиции он, конечно, не знал; наоборот, Азеф сообщает дополнительные данные по этому делу. В одном из заявлений сказано, что в это же время был направлен революционный отряд в Киев для убийства генерала-адъютанта Клейгельса. Об этом ни в департаменте полиции, ни в охранном отделении никаких сведений нет.

Были сведения в охранном отделении о том, что в Киеве действовала местная дружина, которая была известна охранному отделению и которая была вся своевременно ликвидирована. Других покушений в Киеве за это время не было, но вот наступает 1906 год, арестуется Борис Савинков, и тут, как я уже говорил, Азеф становится близко к боевому делу в качестве представителя центрального комитета в боевой организации.

Интересна дальнейшая его роль. Я утверждало, что с того времени все революционные покушения, все замыслы центрального комитета расстраиваются, и ни одно из них не получает осуществления. Указание в запросе на покушение на министра внутренних дел Дурново неосновательно, так как оно, собственно говоря, и открыто с участием Азефа. Затем дальше идет поражающий ряд преступлений: покушение на Дубасова, взрыв на Аптекарском острове, ограбление в Фонарном переулке, убийство Мина, убийство Павлова, убийство гр. Игнатьева, Лауница, Максимовского. Но все эти преступления удаются благодаря тому, что они являются делом совершенно автономных, совершенно самостоятельных организаций, не имеющих ничего общего с центральным комитетом. Это удостоверено и процессами, это удостоверяется и данными из революционных источников. Орган соц.-рев. в № 4 „Революционной мысли“ за 1909 г. указывает на „полное бессилие партии в смысле боевой деятельности“, в такие решительные моменты, как конец 1905 г. и кровавый период, последовавший за разгоном Первой думы, какие данные свидетельствовали, что в центре партии существовала измена, сознательно парализующая все усилия партии в сторону широкого террора.

Успешно работали только боевые летучие отряды, особенно северные; но удачная их работа объясняется только тем, что они были автономными, не связанными с центром партии. Замыслы их не

могли поэтому быть известны центральному органу. Я говорю, что это подтверждается и всеми процессами того времени. Все эти покушения - дело максималистов, летучих отрядов, дружин и тому подобных организаций. Повторяю, что все покушения, все замыслы центральных организаций того времени не приводят уже ни к чему, расстраиваются и своевременно разоблачаются.

Тут упомянуто было о террористическом замысле в 1908 году на Священную особу Государя Императора. Я удостоверяю, что это принадлежит к области вымысла и, очевидно, центральный комитет распускал эти слухи для того, чтобы оправдать этим свою бездеятельность в глазах революционных партий.

Вот, господа, все, что по данным Министерства внутренних дел известно об Азефе. Я изучал подробно это дело, так как меня интересовало, нет ли в нем действительно улик в соучастии, в попустительстве или в небрежении органов правительства. Я этих данных, указаний и улик не нашел. Что касается Азефа, то я опять-таки повторяю, что я не являюсь тут его защитником и что все, что я знал о нем, я сказал вам. Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу.

В этом деле для правительства нужна только правда, и действительно, ни одна из альтернатив в этом деле не может быть для правительства опасна. Возьмите, господа, что Азеф сообщал только обрывки сведений департаменту полиции, а одновременно участвовал в террористических актах: это доказывало бы только полную несостоятельность постановления дела розыска в Империи и необходимость его улучшить.

Но пойдем дальше. Допустим, что Азеф, по наущению правительства лиц, направляя удары революционеров на лиц, неугодных администрации. Но, господа, или правительство состоит сплошь из шайки убийц, или единственный возможный при этом выход - обнаружение преступления. И я вас уверяю, что если бы у меня были какие-либо данные, если были бы какие-либо основания, то виновный был бы задержан, кто бы он ни был.

Наконец, если допустить, что Азеф сообщал департаменту полиции все то, что он знал, то окажется, что один из вожаков, один из главарей революции был, собственно, не революционером, не провокатором, а сотрудником департамента полиции, и это было бы, конечно, очень печально и тяжело, но никак не для правительства, а для революционной партии.

Поэтому я думаю, что насколько правительству полезен в этом деле свет, настолько же для революции необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужас увлеченного на преступный путь, но идейного, готового жертвовать собой молодого человека или девушки, когда перед ними обнаружится вся грязь верхов революции. Не выгоднее ли революции распускать чудовищные легендарные слухи о преступлениях правительства, переложить на правительство весь огулом дела, обвинить его агентов в преступных происках, которые

деморализуют и членов революционных партий, и самую революцию? Ведь лезковерные люди найдутся всегда. Я беру как пример печатающиеся теперь в газете „Matin“ разоблачения Бакая, теперешнего революционера и бывшего сотрудника департамента полиции.

Я недавно получил от Бакая письмо. Он просит меня ознакомиться с теми документами, которые были задержаны при нем во время обыска в 1907 году, и предлагает вернуться в Петербург для того, чтобы помочь дальнейшим разоблачениям. Документы эти, видимо, готовились также для прессы, они почти тождественны с теми, что печатаются в „Matin“, но, конечно, составлены в гораздо более скромном масштабе. В „Matin“ они раздуты и разукрашены. Относятся они к 1905 г., скорее к сыскному отделению, чем к охранному, ко времени апогея революции в Варшаве.

Я должен сказать, что в свое время некоторые сведения по этому делу проникли в печать, и я года полтора тому назад приказал полностью расследовать все это дело и должен удостовериться, что все то, что Бакай говорит, есть по большей части сплошной вымысел; например, его рассказ про Щигельского, который был здесь упомянут, и о том, что прокурор хотел привлечь его к ответственности, — не соответствует истине. Точно так же неверны только что здесь оповещенные с трибуны сведения о том, что какое-то лицо, приговоренное к смертной казни, состоит начальником охранного отделения в Радоме. Я должен заявить, что это не только не так, но в Радоме нет и охранного отделения. (Смех.)

Таким образом, очевидно, не безвыгодно продолжать распускать нелепые слухи про администрацию, так как посредством такого рода слухов, посредством обвинения правительства можно достигнуть многого; можно переложить, например, ответственность за беспорядки в революции на правительство. (*Руконяющаяся справа и в центре.*) Можно, господа, этим путем достигнуть, может быть, упразднения совершенно секретной агентуры, упразднения чуть ли не департамента полиции. Эту ноту я и подметил в речах предыдущих ораторов, надежду на то, что само наивное правительство может помочь уничтожить преграды для дальнейшего победоносного шествия революции. И дело Азефа, скандал Азефа послужит таким образом *ad majorem gloriam* революции.

А насколько, господа, такого рода секретная агентура губительна для революции, насколько она в революционное время необходима правительству, позвольте мне объяснить словами того же Бакая. Позвольте мне поделиться некоторыми размышлениями Бакая, напечатанными в последнем номере журнала „Былое“.

Бакай в этом номере сообщает, что когда в конце 1904 г. в заговорщической боевой отряд польской социалистической партии вошли два провокатора, то отделу в течение почти целого года не удалось, несмотря на все усилия, убить варшавского генерал-губернатора, двух приставов и освободить одного арестованного, причем все планы террористов рушились, и почти вся группа была арестована. А с конца 1905 года в боевой организации так называемых провокаторов

уже не было, тогда за год ограблены опатовское, либартское и маза-вецкое казначейства на сумму более полумиллиона рублей, совершены экспроприации на сумму около 200 тысяч рублей; убиты: военный генерал-губернатор, помощник генерал-губернатора, один полковник, два подполковника, два помощника пристава, воинских чинов 20, жангармов - 7, полицейских - 56; ранено военных - 42, жангармов - 12, полицейских - 42, а всего 179 человек; произведено 10 взрывов бомб, причем убито 8 и ранено 50 лиц; разгромлено и ограблено 149 казенных винных лавок. Эта справка дается не казенной статистикой, и видно, что так называемая, ныне упоминаемая провокация правительства, то есть, я думаю, правильная агентура, приводит скорее к сокращению преступлений, а не к их увеличению. Но во всяком случае из всего этого видно, что единственно возможный выход для революции из азефского скандала - это, конечно, встречный иск правительству, предъявление к нему обвинения в тяжчайших преступлениях.

Я, господа, указал на обвинение, мне остается указать на обвинителей. Их трое: первый из них тот самых Бакай, о котором я только что сообщал. Бывший ельдшер Михаил Ефимович Бакай в 1900 году собственноручно подал докладную записку в екатеринославское охранное отделение о своем желании поступить сотрудником в охрану. Сначала в Екатеринославе он открыл революционную, а отчасти и боевую организацию, обнаружил типографию в Чернигове, а затем раскрыл целую группу революционеров, арестованных в разных местах России. После этого в революционной партии последовал так называемый его провал; он оказался провокатором, и следствие этого он должен был быть переведен в Варшаву, где помогает раскрытию польской соц.-рев. организации, предупреждает покушение на генерал-адъютанта Скалона и даже чуть не погибает при задержании преступника, который должен был бросить в генерала разрывной снаряд.

Но одновременно с этим в охранном отделении возникает против Бакая подозрение. Дело в том, что обнаружилась проделка двух евреев, неких Зегельберга и Пинкерта, которые через, очевидно, весьма осведомленное в охранном отделении лицо узнают о тех делах, которые направляются к прекращению, и, соображая, какие лица должны быть скоро освобождены из-под ареста, начинают вымогать у родственников этих лиц крупные суммы денег якобы за их освобождение. (*Возгласы негодования в центре.*)

Таинственные сношения Бакая с этими лицами заставили охранное отделение немедленно и категорически потребовать от него подачи его в отставку, чему Бакай немедленно и молчаливо подчинился, хотя перед этим он усиленно просил о переводе его в Петербург, мотивируя это тем, что он в Варшаве участвовал о многих политических процессах, которые кончались смертными приговорами, и потому пребывание его там небезопасно.

После отставки Бакай немедленно передается на сторону революционеров, дает революционерам секретные документы, улаживается на этом, ссылается в Сибирь, бежит за границу и уезжает в

Париж, где и теперь занимается тем, что обнаруживает своих сотрудников и дает в подпольную прессу секретные документы и свои измышления; кроме того, он старается письменно обратить в революцию и своих прежних товарищей, сотрудников департамента полиции. Вот вам, господа, фигура одного из видных парижских деятелей русской революции.

Второй обвинитель - Бурцев. Он с 23-летнего возраста принадлежит к партии „Народной воли“, обвиняется в этом, ссылается также в Сибирь, точно так же бежит и проживает после этого в Швейцарии, Болгарии, Англии и Франции. Революционная вера Бурцева - сплошной террор; убийства, цареубийства, террор посредством разрывных бомб - вот проповедь Бурцева. Господа, я не хочу быть голословным, я опять-таки говорю, что основываюсь исключительно на фактическом материале: ведь самыми свободолюбивыми странами, кажется считается Англия и Швейцария - обе эти страны признали Бурцева преступным.

В Англии, когда Бурцев начал издавать свой журнал „Народоволец“, начал проповедовать цареубийство, террор, он был привлечен к судебной ответственности и в 1898 году центральным уголовным судом был осужден на 18 месяцев принудительных работ. Отбыв их, он отправился в Швейцарию, где сначала издал брошюру „Долой Царя“, а затем книжечку своего собственного сочинения „К оружию“. и за проповедь анархизма и терроризма швейцарским правительством был выслан из пределов Швейцарии.

Третий обвинитель - Лопухин, бывший директор департамента полиции. В настоящее время Лопухин привлечен к следствию по обвинению в пособничестве партии социалистов-революционеров, выразившемся в том, что он обнаружил партии службу Азефа делу розыска. Данные предварительного следствия, не опровергаемые и самим Лопухиным... *(Возглас слева: „Не подлежит оглашению!“)* Виноват: я слышу тут - „не подлежит оглашению“. Я считаю, что как лицо, стоящее во главе правительства, я имею право рассматривать данные предварительного следствия, и, раз они в настоящее время не признаны судебной властью секретными, я могу ими воспользоваться и сообщить их предварительному собранию. *(Возгласы слева и в центре: „Правильно!“)*

Поэтому я и говорю - по данным предварительного следствия, не опровергаемым самим Лопухиным, осенью минувшего года во время случайной, будто бы, встречи его с Бурцевым в Германии, а затем во время посещения его, Лопухина, 10 декабря минувшего года в Лондоне в гостинице тремя террористами - Савинковым, Арзуновым и Черновым, он подтвердил им, что Азеф был сотрудником департамента полиции.

Я, господа, упоминаю об этом не для того, чтобы оценивать поступок Лопухина, его оценит нелицеприятный суд. *(Возгласы слева: „Нет его в России!“)* Если бы правительство не довело этого дела до суда, если бы оно терпимо отнеслось к сношениям бывших высших административных лиц с революционерами, с проповедниками терро-

ра, с участниками даже кровавого террора, к разоблачениям этих бывших сановников, хранителей государственных тайн, перед революционным трибуналом, то это знаменовало бы не только боязнь перед разоблачениями, не только трусливу о робость перед светом гласности, а полный развал государственности (*руконлекания центра*).

Но я не берусь, господа, объяснять вам, почему Лопухин сделал то, что он сделал; мне нужно было знать другое, а именно: не обладал ли он сведениями о преступности Азефа, о соучастии его в террористических деяниях. С этой точки зрения я и рассматривал следственный материал и могу утвердительно сказать, что Лопухин этими данными не обладал, что он о преступных деяниях Азефа в этом смысле ничего революционерам не сообщал, а напротив, представителю революционных партий сообщил Лопухину якобы об активном даже соучастии Азефа в убийстве Великого князя, в убийстве статс-секретаря Плеве и в подготовке царевубийства.

Таким образом, выходит, что революционер, убежденный проповедник террора, разоблачает перед бывшим директором департамента полиции бывшего его сотрудника, не сообщая ему при этом никаких фактов в подтверждение, так как Бурцев указал Лопухину, что у него есть много источников для улик против Азефа, но сообщил ему только об одном - о показаниях Бакая, а бывший директор департамента полиции на основании этих данных предает революционерам бывшего сотрудника департамента полиции, якобы опасаясь дальнейшей его вредной деятельности. Я полагаю, что факты и сведения, могущие предотвратить такого рода несчастья, скорее уместны в руках правительства, чем в руках террористов, и поэтому решил, что если были такие данные, то пусть на них прольет свет процесс Лопухина; но, видимо, и этот процесс дает только те голословные данные, которые оглашаются уже теперь заграничной прессой.

Какие же, господа, из всего этого выводы?

Вывод первый, о котором я упомянул, что у меня в настоящее время нет никаких данных для обвинения должностных лиц в каких-либо преступных или незаконных деяниях. В настоящее время у меня нет в руках и данных для обвинения Азефа в так называемой провокации. Второй вывод, вывод печальный, но неизбежный, - что покуда существует революционный террор, должен существовать и полицейский розыск. Познакомьтесь, господа, с революционной, литературой, прочтите строки, поучающие о том, как надо бороться посредством террора, посредством бомб, причем рекомендуется, чтобы бомбы эти были чужунные, для того чтобы было больше осколков, или чтобы они были начинены звездами. Ознакомьтесь с проповедями царевубийств.

Ознакомьтесь с проповедью, с горячей проповедью о необходимости продолжения террора, каковая резолюция была еще принята партией революционеров в Лондоне в 1908 году и которая принята теперь группой парижских революционеров уже после бегства Азефа,

и: «Слажите, господа, может ли правительство по совести удовольствоваться только внешней, наружной охраной или на его ответственности, на его совести лежит охранять и Государя, и государственность другими путями, путями внутреннего освещения.

Я знаю, мне скажут: этот путь опасен; этот путь, который влечет и к превышению власти, и к провокации. Я, господа, не буду утомлять ваше внимание перечислением ряда инструкций, циркуляров, которые даны были мною по полиции для предупреждения таких явлений; не буду указывать на то, что в настоящее время усердно работает комиссия под председательством государственного секретаря Макарова по больному для нас вопросу о реформе полиции. Напомню только, что все те случаи провокации, которые доходили до правительства, подвергались судебному расследованию. Ведь недавно еще жандармский офицер осужден к арестантским отделениям; недавно еще в Калуге сотрудник департамента полиции был предан суду, несмотря на то, что он угрожал, что откроет всех остальных сотрудников и все известные тайны; точно так же и в Пензе сотрудник предан суду, несмотря на то, что он в прежнее время оказал ценные услуги департаменту полиции. Я пойду дальше, господа, и скажу, что хотя в настоящем случае я расследовал добросовестно дело и не нашел слухов провокации, но в таком деле злоупотребления и провокации невозможны, и напрасно ссылаются на мою речь в Первой государственной думе.

Я говорил тогда, что правительство, пока я стою во главе его, никогда не будет пользоваться провокацией как методом, как системой. Но, господа, уродливые явления всегда возможны! Я повторяю, что когда уродливые явления доходят до правительства, когда оно узнает о них, то оно употребляет против них репрессивные меры. Я громко заявляю, что преступную провокацию правительство не терпит и никогда не потерпит. *(Рукоплескания справа.)*

Но, господа, уродливые явления нельзя возводить в принцип, и я считаю долгом заявить, что в среде органов полиции высоко стоит и чувство чести, верности присяге и долгу. Я знаю службу здешнего охранного отделения, я знаю, насколько чины его пренебрежительно относятся к смертельной опасности. Я помню двух начальников охранного отделения, служивших при мне в Саратове, я помню, как они меня хладнокровно просили, чтобы, когда их убьют, я позаботился об их семьях. И оба они убиты, и умерли они сознательно за своего Царя и свою родину. А недавний случай в Москве, когда на пустой даче в окрестностях Москвы была устроена ловушка и в эту ловушку попал наряд охраны, когда с крыши чердака революционер наверняка расстреливал каждого подходящего к этой даче, разве задумались ночью начальник охранного отделения и его помощник и не бросились ночью же выручать своих товарищей? Оба были тяжело ранены, но разве они не доказали, что доблесть и честь для них дороже жизни? Я хотел, я должен был на этом кончить, но предыдущие речи меня убедили, что из моих выводов могут построить превратное заключение.

Мне могут сказать: итак, провокации в России нет, охранка

ограждает порядок и русский гражданин должен быть признан счастливейшим из граждан (*смех слева*). В настоящее время так легко искажают цели и задачи нашей внутренней политики, что, чего доброго, такое заключение и возможно, но я думаю, что для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны были бы быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом. Вся наша полицейская система, весь затрачиваемый труд и сила на борьбу с развешиваемой язвой революции конечно, не цель, а средство, средство дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что и в законодательное учреждение были попытки бросать бомбы! А там, где аргумент - бомба, там, конечно, естественный ответ - беспощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, но облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой.

Ведь изнеможенное, изболевшееся народное тело требует укрепления; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это с низов. И тогда, конечно, сами собой отпадут и исключительные положения, и исключительные кары. Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой. Путь к исцелению России указан с высоты Престола, и на вас лежит громадный труд выполнить эту задачу.

Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере, в главных очертаниях здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю России. (*Шумные рукоплескания справа и в центре.*) И время это, господа, наступает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда. (*Рукоплескания справа и в центре*)

11. О праве крестьян на выход из общины. Речь на заседании Государственного Совета 15 марта 1910 г.

Господа члены Государственного совета!

После исчерпывающего доклада М. В. Красовского и после глубоких разъяснений такого высокоуважаемого и авторитетного знатока крестьянского дела, как А. С. Стишинский, задача моя, представи-

теля правительства, сильно упростилась. Я свободен теперь от обязанности разъяснять вам существо и значение указа 9 ноября 1906 года, тем более что по поводу этого акта и в Государственной думе, и в Особой комиссии Государственного совета, и в ученых обществах, и в прессе, без преувеличения, сказано уже все. Закон этот не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях.

Закон сам завоевал себе право на существование, сам прокладывает себе пути и шагает так быстро, что через несколько времени, может быть, было бы уже невозможно видоизменить его окрепшие уже очертания. Это сознают и самые крайние противники закона, но тем более он им кажется принципиально вреден. Они не могут не смотреть на него, как на действительно живое порождение правительства, как на исчадие уродливое и уродующее местную жизнь.

Конечно, за последнее время суровые доводы против закона поневоле смягчены теми результатами, которые дает жизнь, но, вместе с тем, и понятно, и естественно стремление противников закона выравнять, выправить, видоизменить, обезвредить вредное, в их глазах, явление, ранее чем оно получит окончательное признание, окончательное узаконение в этом высоком учреждении, ранее чем санкционировать дальнейший его рост и развитие.

Но точно так же, господа, понятно и естественно убеждение правительства, что закон построен правильно, убеждение в том, что изменения, поправки могут только придать ему вредное, неестественное направление. Поэтому я остановлюсь исключительно на тех поправках и добавлениях, которые предполагается, в порядке так называемого обезвреживания закона, в него ввести, и сочту себя обязанным самым определенным образом изложить взгляд правительства по этому вопросу. Но прежде этого, для того, чтобы более понятна была принципиальная точка зрения правительства, позвольте попросить вас мысленно обернуться к прошлому и вспомнить, в какое время и при каких обстоятельствах закон 9 ноября возник.

Ведь это было довольно смутное время, когда еще горели или догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить часилием же, принудительным отчуждением владельческих земель. В это время правительство начало проводить целый ряд узаконений, относящихся до крестьян. Мероприятия эти понимались многими искренне, иными, быть может, лукаво, как акт политической растерянности слабого правительства, которое зря сразу разбросало весь свой балласт; земли удельные, земли государственные, общинный строй - все в жертву гидры революции.

Ноя думаю, что теперь всем стало ясно, что как эти меры, так и мероприятия по укреплению личной собственности являются результатом отношения правительства, отношения продуманного, принципиального к тому, что происходило в то время в России. А диагноз происшедшего в кратких словах может быть сведен к

следующему. Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускаться корни в народе, питаясь смутю гораздо более серьезною, смутю социальною, развившейся в нашем крестьянстве. Отсюда естественный вывод - необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного настроения.

Социальная смута вскормила и вспохла нашу революцию, и огни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальной аграрной реформой политические реформы могли получить жизнь, силу и значение. Поэтому, господа, на закон 9 ноября надо смотреть с угла зрения социального, а не политического, и тогда станет понятно, что он явился плодом не растерянного решения, а что именно этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя. А так как время смуты - время решений, не раздумья, то понятно, почему этот вопрос был проведен в порядке статьи 87, словом и волею Государя. Понятно это и по тому, как говорил тут А. С. Шишинский, что к 1 января 1907 года должен был быть решен в области крестьянского землевладения вопрос о выделе участков в частную собственность, так как к этому времени кончалась выплата выкупных платежей и должна была войти в силу статья 12 Общего положения.

Эту историческую справку я привел для того, чтобы с самого начала установить ту принципиальную сторону закона, с которой правительство сойти не может, в которой уступок нет. Не вводя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей. Это главная коренная мысль, которая залегла в основу нашего законопроекта.

Если, господа, я так долго остановился на внутреннем значении акта 9 ноября 1906 г., то, может быть, это ускорит и облегчит выяснение дальнейшего отношения правительства к тем поправкам и дополнениям, которые предполагается в него внести. Я остановился сначала на отделе 1-м, введенном в законопроект Государственной думой, особенно на статье 1, и прямо скажу, что этот отдел не несет никакой новой мысли, новой идеи, противоречащей, противоположной идее правительства, так как поправка эта внесена с целью скорейшего перехода крестьян к личной собственности. Это было достаточно определенно высказано в свое время товарищем министра внутренних дел, А. И. Лыкошиным, в Государственной думе. Но и тут, в Государственном совете, я должен также оговориться, что правительство возражало бы против признания участково-наследственными тех обществ, в которых не было общих переделов за последние 24 года.

Соображения правительства таковы: конкретно весьма легко установить общества, в которых, с самого наделения их землей, не было никогда общих переделов. Каждый живущий в русской деревне знает общества стародушников, общества крестьян, владеющих землей по старым ревизским душам. В этих обществах, в этих селениях существуют группы молодых крестьян, которые мечтают добиться уравнивания и общих переделов земли, но это им никогда почти не удается, не удается набрать голосов, так как старые домохозяева крепко и твердо стоят на своем, на старом порядке владения землей.

Но несколько сложнее положение там, где не было переделов в течение 24 лет. Во-первых, какой громадный труд, какое отвлечение от настоящего живого дела кадров крестьянских учреждений для выяснения, в каких обществах было и в каких не было переделов за последние два двенадцатилетия, так как и приговоры о переделах далеко не везде сохранились! А возбужденные при этом споры! Господа, ведь до разрешения их должно быть приостановлено рассмотрение всех заявлений отдельных домохозяев о закреплении за ними участков. Таким образом, дело не ускорилось бы, а, напротив, затормозилось бы.

Я не могу молчать еще о том, что так называемые незаконные общие переделы наблюдаются, главным образом, в тех обществах, где официальных переделов за последнее время не было. Затем, изменение существенного порядка вызвало бы среди крестьян лишь волнение, недоумение. Да и зачем принимать искусственные меры там, где дело идет естественным своим ходом? Ведь за 3,5 года - или, вернее, за 3 года, так как закон не начал действовать немедленно после его опубликования, - до 1 февраля 1910 г. заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1 700 000 домохозяев, то есть, как заявил тут А. С. Стишинский, около 17% всех общинников - домохозяев; окончательно укрепили участки в личную собственность 1 175 000 домохозяев, то есть более 11% с 8 780 160 десятинами земли, и это кроме целых сельских обществ, в которых к подворному владению перешли еще 193 447 домохозяев, владеющих 1 885 814 десятинами.

Таким образом, при такой же успешной работе, еще через 6 - 7 таких же периодов, таких же трехлетий, общины в России - там, где она уже отжила свой век - почти уже не будет. Поэтому правительство, веря в жизненность законов 9 ноября 1906 года, не стремилось и не стремится вводить в закон каких-либо признаков принуждения и особенно, проводя закон в порядке статьи 87, считало невозможным производить какую-либо насильственную ломку. Конечно, законодательные учреждения в этом отношении более свободны. У вас руки развязаны, и поэтому правительство заявляет, что оно согласилось бы на введение отдела I одобренного Думой закона 9 ноября, особенно если бы в нем были исключены слова „и в течение 24 лет“.

Переходя ко второй поправке, внесенной Государственной думой и касающейся укрепления излишков, я заявил, что правительство считает укрепление этих излишков, по взаимному соглашению, а при отсутствии такового по оценке волостного суда, неприемлемым.

Правительство предвидит, что, при таком порядке, возникнет целый ряд судебных споров, очень продолжительная судебная волокита, а вместе с тем и затруднение в процессе выхода домохозяев из общины. Укрепление этих излишков по действительной стоимости, то есть вторичный выкуп от сельского общества уже раз выкупленной земли, едва ли было бы справедливо и во всяком случае было бы для хозяев обременительным. Поэтому правительство настаивает на своей редакции, принятой и Особой комиссией Государственного совета.

Покончив с главнейшими дополнениями, внесенными в закон Государственной думой, я перейду к двум поправкам, предложенным меньшинством Особой комиссии Государственного совета. В Особой комиссии голоса разделились почти поровну, и поэтому я считаю себя обязанным выяснить мнение правительства как по вопросу о личной и семейной собственности, так и по вопросу о предоставлении обществам преимущественных прав к приобретению продаваемых домохозяевами наделных земель. Обе эти поправки клонятся к ограничению прав домохозяина в распоряжении своей наделной собственностью: первая - во имя ограждения права семьи, вторая - в целях ограждения интересов общества.

Я не буду распространяться вновь о том значении, которое правительство придает личной собственности. Я с самого начала заявил уже, что в законопроекте есть стороны принципиального характера, от которых правительство не может отказаться и не откажется. Я добросовестно старался вникнуть в мысли и доводы сторонников семейной собственности и понимаю, что предоставленные женщинам права голоса в разрешении вопроса о продаже наделных участков, в этом направлении мысли, является требованием минимальным. Я разделяю теорию, отождествляющую семейный союз с трудовой артелью. Я сознаю весь ужас семьи, глава которой - пьяница и тунеядец - начнет распродажу земли - кормилицы семьи. Но все же я самым решительным и определенным образом заявляю, что принудительные пути, по мнению правительства, делу не помогут, а повредят. Семейный союз, как союз трудовой, останется в силе, если члены семьи будут сознавать себя членами такого, даже если они находятся где-нибудь на отдаленных отхожих промыслах, и никакой закон не свяжет их с семьей отбившегося домохозяина, если он и живет на месте. Домохозяин тунеядец, пьяница всегда промотает свое имущество, какую бы власть над ним вы ни предоставили его жене. В этом отношении ограждение прав семьи может осуществиться только единственным справедливым и правильным решением в установлении опеки за расточительство. Но отдавать всю общинную Россию под опеку женам, создавать семейные драмы и трагедии, рушить весь патриархальный крестьянский строй, имея в мыслях только слабые семьи с развратными и пьяными домохозяевами во главе, - простите, господа, я этого не понимаю.

Ведь даже Сенат, создавший у нас институт семейной собственности, никогда так далеко не шел, никогда не ставил препятствий

отдельным домохозяевам продавать свои подворные участки. Когда создадут армию, не равняют ее по слабым и по отсталым, если только намеренно не ведут ее к поражению. Как же воссоздать крепкую сильную Россию и одновременно гасить инициативу, энергию, убивать самодеятельность? Самодеятельность эта зашивалась общиной, так не заменяйте же общину женским гнетом. Логика везде одинакова: особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым.

Много у нас говорят о свободах, но глашатая отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина. Поэтому я самым решительным образом буду возражать и против второго предложения меньшинства Особой комиссии о предоставлении обществам преимущественного права приобретения продаваемых домохозяевами надельных участков. Поверьте, что там, где у общества есть средства, где у обществ образовался капитал от обязательных отчуждений угодий для государственной или общественной надобности или от разработки недр, там общество не упустит продаваемого надела, если только он ему нужен. Но там, где у общества средств нет, к чему искусственно расширять площадь общинной земли, срамливать насильно договорившиеся стороны с обществом, создавать силой закона спор и вражду; а что такие споры, такая вражда создадутся - в этом я безусловно убежден.

Ведь у нас продают свои участки, главным образом, домохозяева, желающие переселиться или желающие приобрести себе другой участок, который, по их понятиям, более выгоден. Для этого иногда домохозяева приезжают издалека, а продавцы и покупатели стремятся осуществить сделку или до начала полевых работ, или до наступления зимнего времени. А тут предполагается дать обществам право в течение месяца составить приговор о желании конкурировать с частным покупателем, а затем дать им еще три месяца для осуществления этой сделки, для заключения купчей крепости. Я и спрашиваю себя: каким образом, при каких условиях - при узаконенной четырехмесячной волоките, - каким образом явится возможность осуществить частную сделку? По-моему, такой возможности нет. Создается лишь соблазн для общества, соблазн накладывать „табу“ на всякую предполагаемую сделку, с тем чтобы по истечении четырех месяцев от нее отказаться.

Является еще соблазн наталкивания покупателей и продавцов на заявление в волостном правлении сделок фиктивных. И все это в видах искусственного поддержания общины, в видах затруднения домохозяевам сознательного осуществления своего права так или иначе решить свою судьбу, тогда, когда наше законодательство последнего времени идет в противоположную сторону - к уравнению в правах крестьян с остальными обывателями Империи.

Я так действительно возвращаюсь к этому вопросу потому, что принципиальная сторона законопроекта является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы

строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и наши законопроекты об улучшении, упорядочении местной земской жизни, потому, наконец, что это уравнение прав крестьянства с остальными сословиями России должно быть не словом, а должно стать фактом.

Я, господа, не преувеличиваю значения закона 9 ноября. Я знаю, что без сопутствующих, упорно проводимых мероприятий — мелкому кредиту, по агрономической помощи, по просвещению духовному и светскому нас вечно ждут и неудачи, и разочарования, но я твердо верю в правильность основной мысли закона и приписываю первоначальную удачу этого, сравнительно, быть может, скромного акта тому, что он неразрывно связан с величайшим актом прошлого столетия с освобождением крестьян и составляет, быть может, последнее звено в деле раскрепощения нашего земледельческого класса.

И что дело это не бесполезно, что ваш усидчивый труд по окончательной разработке этого закона не останется без результата, доказывает одно поразительное явление, явление, может быть, недостаточно учитываемое, а, может быть, и нарочно замалчиваемое: горячий отклик населения на закон 9 ноября, эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бодрое чувство, с которым почти одна шестая часть, как только что было указано, домохозяев-общинников перешла уже к личному землевладению. Господа, более 10 миллионов десятин общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тысяч заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1400000 десятин, уже отведенных к одним местам. Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, чтобы засвидетельствовать перед вами, что значит живая неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства! И безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов.

Правительственные чиновники много поработали над делом землеустройства, и я ручаюсь, что работа их не ослабнет. Но я с слишком большим уважением отношусь к народному разуму, чтобы допустить, что русское крестьянство переустраивает свой земельный быт по приказу, а не повнутреннему убеждению. Правительство и рассчитывает, что, идя навстречу этому внутреннему убеждению, этому внутреннему народному чувству и разделяя вместе с правительством веру в государственную силу свободного крестьянства, вы, господа члены Государственного совета, вынесете свой беспристрастный и авторитетный приговор и придадите закону 9 ноября 1906 года силу своего одобрения.

12. О крестьянской семейной собственности. Речь на заседании Государственного Совета 26 марта 1910 г.

Господа члены Государственного совета!

Вопрос о семейной собственности - вопрос для крестьянской жизни настолько значительный, а для правительства настолько принципиальный, что я позволю себе в настоящее время, перед голосованием статьи 9, вкратце к нему вернуться. Во-первых, считаю, необходимым установить, ввиду неоднократного упоминания тут, об отношении правительства к слабым, что правительство никогда и нигде не заявляло о том, что государство свободно от забот относительно слабых, относительно немощных, относительно неспособных членов крестьянской общины и крестьянской семьи. Заботы по этому предмету, несомненно, лежат на правительстве, но они, эти, слабые, не должны лежать тяжелой обузой, не должны давить, как тяжкие кандалы, на одно крестьянское сословие, на один земледельческий класс, на его инициативу, его стремление улучшить свой быт.

Закон 9 ноября, избегая всякого насилия, всякого принуждения как в отношении общинного способа, так и семейного способа владения землей, лишь осторожно развязал, снял путы, связывавшие до настоящего времени свободную волю крестьян, рассчитывая на то, что, не будучи ничем стеснены, способности и воля разумнейших и сильнейших свободно проявят себя, проявят во всю ширину народной самостоятельности русского народного духа. По этим соображениям, возражая, как известно, против признания единоличными собственниками членов тех общин, где когда-либо были переделы, правительство, по тем же причинам, решительно высказывается против установления каких-либо новых писанных норм в определении понятия крестьянской семейной собственности, особенно с пригвозждением к ней, помимо естественного, жизненного подбора, элемента, иногда, быть может, негодного.

Заметьте, господа, что правительство шло в этом направлении с величайшей осторожностью и, освобождая крестьянству пути перехода к личной собственности, сохранило по отношению к этому новому виду владения все правила, ограждающие сохранность крестьянской наделной земли для крестьянства, и тем заслужило даже упрек в недостаточном размахе бюрократического творчества!

В этом направлении правительство пошло гораздо далее существующего закона. Во-первых, единоличные участки, укрепленные в личную собственность, - по проекту правительства до выдела к одному месту, а по статье 51 Думского законопроекта и после выдела, - подчиняются всем правилам, установленным для наделных земель. Эти участки могут продаваться только в руки крестьянства, они могут закладываться только в Крестьянском банке, они

изъемяются из обращения на них частных взысканий. Закон 9 ноября, сохраняя возможность применения местных обычаев в порядке завещательном и в порядке наследственном, ограждает в значительной степени права сыновей. Закон 9 ноября, как я только что сказал, пошел даже дальше существующего закона, оградив от произвола домохозяев и боковых родственников, признав их совладельцами надельных земель. Наконец, Дума статьей 51-й ограничила возможность скупки наделов, установив правила о воспрепятствовании продаже в одну руку в одном уезде более 6 указанных наделов; при этом я должен оговорить, что едва ли в действительности существует такая громадная мобилизация крестьянской собственности, как тут упоминалось.

По крайней мере, мы стараемся по каждому отдельному случаю немедленно производить расследование, и, как члены Государственного совета недавно могли узнать, по поводу одного сообщения о крайне низкой цене, по которой продаются будто бы надельные участки в Орловской губернии, напечатанного в „Новом времени“, был запрошен губернатор. Он ответил телеграммой на имя товарища министра, „что сведения о продаже земли в газете „Новое время“ совершенно неверны - в округе Орловского окружного суда средняя покупная цена десятины за последние три года, согласно купчим крепостям, равнялась 86 рублям, а с едня покупная цена десятины в 1909 г. равнялась 89 р. Цена эта значительно ниже фактической покупной цены, она искусственно понижена во избежание нотариальных расходов. В указанные цены не входят принятые на себя покупщиками и плательщиками недоимки“.

Я должен заметить, что вообще средняя продажная цена надельной земли по всей России в настоящее время равняется 93 р., то есть она не чрезмерно низка.

Возвращаясь к установленным законом гарантиям, я укажу, что право взрослых сыновей, как заметил и гр. Д.А.Олсуфьев, ограждено указом 5 октября 1906 г., установившим возможность производства в настоящее время семейных разделов, по приговорам сельских сходов, даже и без согласия домохозяев-отцов. Права отдельных семейств ограждаются против обезземеления вследствие пьянства или распутства домохозяина выработанным уже Министерством внутренних дел законом об упрощенных опеках над расточителями.

Все эти мероприятия имели в виду, не нарушая самой природы надельной земли как земельного фонда, обеспечивающего крестьянство, дать возможность этому крестьянству использовать землю приложением к ней путем свободного труда лучших крестьянских сил. Поэтому совершенно противно самой мысли, самому принципу закона 9 ноября насильственное прикрепление к земле какой-либо рабочей силы, будь то путем прикрепления ее к общине или путем создания в черте самого надела новой небольшой общины - общины семейной. По нашим понятиям, не земля должна владеть человеком, а человек землей. Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей,

а земля (повторяю) то, что сказали в свое время в Государственной думе), земля - это Россия.

Я опасаясь, господа, применения к надельным землям того принципа, который такое продолжительное время применялся к уральским заводам, принципа обязательного занятия заводскими работами всего заводского населения, независимо от пригодности его для этих работ. В результате - гибнут заводы, в результате - находятся в трагическом положении и заводские рабочие. По этим соображениям, правительство, не из желания спорить, не из упорства, но по принципиальным соображениям, не может присоединиться к такой поправке к статье 9, которая вносила бы совершенно новые, не существовавшие до сих пор начала, противоречащие существующим нормам крестьянской собственности. Короче сказать, неприемлема для нас такая поправка, которая ударяла бы по всем домохозяевам-крестьянам.

Так как наиболее льготной в этом отношении является поправка А. С. Стишинского, и к ней, кажется, очень близка и поправка А. Д. Оболенского 2, то позвольте мне представить вам некоторые соображения, доказывающие неприемлемость для нас этой поправки; тогда, мне кажется, отпадает необходимость говорить и о всех остальных поправках.

С первого взгляда может показаться более чем естественным предоставление домохозяину, укрепляющему за собой участок, права заявления: желает ли он укрепиться единолично или желает укрепить вместе с собой и членов своей семьи в общую семейную собственность. Это, казалось бы, не вносит в дело никакого принципа принуждения; наоборот, крестьянину-домохозяину предлагается свобода выбора между порядком новым и старым.

Но в действительности это далеко не так.

При наличии собственности, по закону 9 ноября, сохраняется, как я только что говорил, действующий ныне порядок распоряжения землей. Какова бы ни была сенатская практика, в которой исследователи совершенно добросовестно могут отыскивать указания на принцип и личной, и семейной собственности, все же ни эта практика, ни Государственный совет, в известном всем деле Армалиса, не установили, что при продаже, при залоге или при отчуждении участка, принадлежащего семье, требуется нечто иное, кроме свободного единоличного волеизъявления домохозяина.

Таким образом, если указ 9 ноября не ломает в этом отношении понятия, установившегося в деревне, то обсуждаемая поправка вносит в эту область много нового. Во-первых, совершенно неясно, предполагается ли этой поправкой даровать домохозяину право укреплять вместе с собою всех членов своей семьи, имеющих по местным обычаям участие в общей собственности, или избирать для этого отдельных своих родичей. Первый случай равнялся бы распространению на существующее поколение коллективной семейной собственности и установлению между родителями и детьми новой законодательной нормы.

Я думаю, что доброе число домохозяев, которые согласились бы при укреплении избрать эту формулу новой прикровенной семейной собственности, под видом сохранения прежнего порядка, было бы прямо введено в заблуждение. Я полагаю, что они были бы изумлены после рождения у них новых сыновей открытием того обстоятельства, что эти новорожденные сыновья не имеют никакого участия в собственности на землю. Я думаю, что они были бы изумлены, когда со временем, при желании с их стороны продать участок, заложить его, перейти на хутор, выйти на отруб, им было бы заявлено, что они отреклись от своего права распоряжаться землей, что их место занял какой-то новый коллективный орган семейного волеизъявления. Да каким же образом установить этот орган, каким образом добиться в нем единогласия, каким образом установить в нем представительство интересов малолетних и опекунских установлений?

По моему разумению, проведению такого рода принцип в жизнь невысказано. Писанное право точно так же такого рода нормы не знает, разве только в одной Черногории, о которой тут уже упоминалось и где гражданское уложение писал профессор Новороссийского университета. Но, быть может, и вероятно даже, я ошибаюсь, а так как поправка мотивирована, как тут было заявлено, тем, что нельзя же ограничивать волю домохозяина, укрепляющего за собой надел, запретом предоставления определенным лицам соучастия в его владении, то, несомненно, поправка предполагает право домохозяев избрать тех или иных членов своей семьи для соукрепления в наделном участке.

Но в таком случае ведь теряет значение и сама поправка. Она ведет к совершенно неожиданным результатам, так как домохозяин приобретает право исклѳчать из своей семьи нежелательных ему членов семьи, например, взрослых сыновей, по настоянию мачехи. Более того, домохозяин приобретает в силу этой поправки при жизни гораздо более прав, чем закон 9 ноября предоставляет ему, в порядке завещательного распоряжения, которое все-таки поставлено в зависимость от обычая.

А дети? Дети, конечно, выиграют от этой поправки и в первом, и во втором случае. Если закон не скажет, то он подскажет детям идти по всей России требовать от родителей насильственного закрепления за ними в семейную собственность наделных участков. В иных случаях будет делаться это скопом, в других случаях - будет навязывать свою волю наиболее дерзкий, наиболее наглый член семьи. А так как этот вопрос - шкурный, то требование это будет предъявлено с ножом к горлу. Раздор между родителями, о жалкой роли которых тут так много говорилось, и между детьми, несомненно, будет посеян, и в результате бывшая патриархальная семья, лишившись распорядителя-домохозяина, лишившись юридического аппарата волеизъявления, будет влачить жалкое первобытное существование, прикованная к нищенской рутине цепями, выкованными здесь, в С-Петербурге. Вот, господа, причина, почему я считал бы не только вредным, но прямо опасным вместо определенных норм вводить в

закон туманное понимание социалистически-сентиментальногосвойства.

13. Об отношении к Финляндии.

Речь на заседании Государственной думы 21 мая 1910г.

Господа члены Государственной думы!

Я думаю, вы поймете меня, если при обсуждении вопроса такой исторической важности, как вопрос финляндский, я принужден буду, говоря от имени правительства, соблюдать точно так же, как и два года тому назад, величайшую сдержанность и осторожность. Все писанные нормы, которые определяют положение Финляндии в государстве, а также все законодательные акты, относящиеся до Финляндии, за последние сто лет носят на себе следы самых разнообразных политических и исторических течений, часто друг другу противоречащих, часто случайных, зависящих от временных событий и условий.

Суждения же последнего времени отличаются такой страстностью, такой склонностью опорочить финляндскую политику правительства, приписывая ей своекорыстные побуждения, что я одной из своих главнейших задач ставлю освобождение спора от излишних, затемняющих его подробностей, от принижающих его приемов, дабы представить на ваш суд очищенную от этих пух и привесок точку зрения, по моим понятиям, государственную.

Я убежден, что масса материалов, документов, актов, касающихся отношений Финляндии к России, дают возможность легко защищать всякую теорию: достаточноковыдергать из архивных груд нужные для этого материалы и строить на них свои суждения. Для этого не нужно даже особой недобросовестности. Достаточно некоторой предвзятости и предубежденности. Но этот путь не для правительства. Пускай политическое построение правительства сочтется многими прямолинейным, пускай оно многим будет неприятно, в. пусть не назовут его изворотливым и недоброкачественным.

Я начну с того, что многим, очевидно, непонятно, почему правительство в настоящее время подняло финляндский вопрос. Финляндия процветает, Финляндия никому не мешает, и обостряя отношение к ней - это или роковая ошибка, или недобросовестная авантюра. (*Голос слева: верно.*) Но дело, господа, не так просто: кризис 1905 года и последующих годов оставил этот вопрос открытым, и только преступная бездеятельность власти могла бы заставить правительство замолчать. (*Голос справа: браво.*)

Остается неразрешенным хотя бы вопрос об исполнении финляндцами воинской повинности. Дело в кратких словах обстояло так. В 1905 году временно был приостановлен, а затем и отменен закон о

распространении всеобщей воинской повинности на Великое Княжество Финляндское. Приостанавливая этот закон, Государь Император повелел в течение трех лет, до урегулирования вопроса, вносить из финляндских средств в государственное казначейство по 10 миллионов марок в год. Хотя Сейм и пытался воспользоваться этим случаем для того, чтобы распространить свое распоряжение на статные средства, которые по закону находятся в распоряжении одного Монарха, но как-никак деньги эти были заплачены.

В 1908 году вопрос, однако, вернулся в первоначальное положение. Оставить его неразрешенным было невозможно, приняться же за его разрешение - значило поднять весь финляндский вопрос, так как тут сталкивались две совершенно противоположенные точки зрения: точка зрения правительственная и точка зрения финляндская. Правительственная точка зрения заключается в том, что отбытие воинской повинности и несение расходов на военную нужду болезненно касаются общеимперских интересов, отражаясь и на числе новобранцев, призываемых из русских губерний, и на количестве повинностей, уплачиваемых русским населением; а финляндская точка зрения сводилась к тому, что вопрос этот по конституции должен разрешаться односторонним актом Сейма. А какой должен был быть этот сеймовый акт, видно из представлений Сената о восстановлении отдельных финляндских войск. Этим и только этим путем, по мнению финляндцев, мог быть правильно и законно разрешен вопрос.

И нельзя сказать, чтобы правительство в этом деле действовало неосторожно и вызывало. Если бы статный фонд был неисчерпаем, то, конечно, возможно было вопрос оттянуть, путем хотя бы ежегодного перечисления из статных сумм в государственное казначейство определенных взносов взамен исполнения финляндцами личной воинской повинности. Но не желая ослаблять расходы на культурные надобности, которые питаются из статного фонда, Государь предложил Сейму изыскать суммы для этих взносов из сеймовых средств. И вот, господа, уже второй Сейм отвечает на это совершенно законное требование Монарха решительным отказом.

Я остановился на этом случае как на ближайшем механическом поводе, вскрывающем русско-финляндский вопрос. Одно из двух - приходится или взыскать и установить способ решения общеимперских вопросов и финляндских законов, касающихся интересов Империи, или примириться с односторонним разрешением их Сеймом. Но, может быть, надо было бы идти на это, может быть, государственная мудрость именно и заключается в том, чтобы сделать из Финляндии совершенно свободное, автономное государство, связанное с Россией только общими внешними интересами, и создать на пороге Петербурга благодарный и довольный народ.

Конечно, господа, всякое разумное правительство перед тем как идти на столкновение, на так называемый конфликт с частью государства, должно ясно дать себе отчет, в чем же заключаются интересы государства, не поддаваясь при этом ни чувству ложного самолюбия, ни чувству национального шовинизма. Поэтому надежа-

ло проанализировать, выгоднее ли для всего народа - не для одних, конечно, только финляндцев - полное невмешательство России во внутренние дела, во внутреннюю жизнь Финляндии.

Вам, конечно, известно, что в истории русско-финляндских отношений были эпохи, когда финляндская самостоятельность достигала широких размеров, когда связь ее с Россией ослабевала. Таких главнейших было три момента: первый - после издания октябрьского манифеста 1905 года, когда Финляндия, казалось, достигла всего того, о чем она только могла мечтать; ранее после убийства генерал-адъютанта Бобривка, когда при генерал-губернаторе князе Оболенском ясен был поворот в сторону соглашения с финляндцами; наконец, еще раньше после воцарения Императора Александра Второго, когда оказывалось явное доброжелательство финляндцам.

Что же эти эпохи принесли России? Что Россия от этого выиграла? Выиграла она могла, во-первых, нравственно, завоевав симпатии финляндцев и обезопасив себя с этой стороны; выиграла она могла политически, приобретя для русских граждан некоторые преимущества путем чисто финляндского законодательства; выиграла она могла, наконец, материально, связав более крепко свои экономические узы с достаточным народом, находящимся под одним с нею скипетром. Если бы были достигнуты экономические и нравственные выгоды, то, конечно, дальнейший путь был бы ясен. Благо и России, и Финляндии требовало бы полной государственной - я подчеркиваю слово государственной - автономии последней.

Но, мне кажется, трудно доказать, что ослабление связи между Финляндией и Россией увеличивало бы симпатии Финляндии к русскому государству. Вы помните события, которые произошли в октябре 1905 года в Финляндии. Я вам их подробно излагал два года тому назад. Вы не забыли, конечно, целых кораблей, нагруженных оружием, вы не забыли и „Воймы“, и красной гвардии, и безнаказанно подготовлявшихся в Финляндии террористических актов против России. Газеты того времени отражают эти настроения и эти события.

Я думаю, что никогда еще активное возбуждение против России не достигало таких размеров в Финляндии, как в ту эпоху. Лозунгом тогдашним было: вооружение для защиты добытого. Но и в предугу- щий период, после убийства генерал-адъютанта Бобривкова, уступки России не вызывали благодарности со стороны Финляндии. Характерны в этом отношении те всеподданнейшие доклады, которые посылал в Петербург посланный в Финляндию с примирительной миссией тогдашний генерал-губернатор князь Оболенский. Приехав в Финляндию, он был поражен возрастающей враждебностью ко всему русскому со стороны населения, особенно интеллигенции, вошедшей в сношения, в связь с русскими террористами. Интересно во всеподданнейшем докладе от 1904 года сообщение князя Оболенского, что 3 заседании одной из комиссий известный сенатор Лео Мехелин, доказывая необходимость упорного отстаивания разных требований, ссылался на предстоящую якобы в России революцию, имеющую вспыхнуть не далее, как в шестинедельный срок.

Это было писано в 1904 г., а в последующем всеподданнейшем докладе 1905 года князь Оболенский, описывая начавшиеся в крае беспорядки, пишет: „Приведенные в первой моей всеподданнейшей записке слова Мехелина о предстоящем в России мятеже оправдались-беспорядки в Петербурге и других местах Империи состоялись именно в указанный им срок“. Но еще в более мирные времена, в те времена когда начались созывы Сеймов, когда государство начало определять свое отношение к области, без ущерба для государства, - я говорю не своими словами, а привожу слова почтенного Н. Х. Бунге из записки, найденной в его документах, - уже начали раздаваться обвинения со стороны финляндцев о нарушении их прав со стороны России. Далее Бунге говорит о возрастающей в то время враждебной отчужденности Финляндии от России.

Но перенесемся в еще более отдаленные времена, времена крымской кампании, когда уже со стороны России никакого давления на Финляндию не оказывалось, и в те времена уже известен „союз бескровных“, который мечтал об отторжении княжества от России. Но, господа, если ослабление уз Финляндии с Россией не принесло России никаких нравственных выгод, не обезопасило ее с этой стороны, то, может быть, совершенно самостоятельная работа финляндского Сейма создала такую законодательную практику, которая была выгодна для „другой страны“, как в Финляндии часто называют Россию?

В апреле нынешнего года при обсуждении в финляндском Сейме того самого законопроекта, который теперь обсуждаете вы, бывший сенатор Нюберг, конечно, желая привести доводы в пользу финляндской аргументации, заявил о том, что существует целый ряд законоположений, беспорочно касающихся интересов России, которые были изданы в финляндском законодательном порядке. И это, господа, безусловно так: финляндский Сейм расширял свою законодательную самостоятельность до того, что не стеснялся подчас улавливать, регулировать и даже отменять русские законодательные нормы. Принесло ли это пользу русским гражданам или, по крайней мере, было ли это безвредно? Не всегда.

Я не буду приводить вам целый ряд законоположений подобного характера, как, например, подчинение православной консистории финляндскому закону о гербовом сборе, как постоянные попытки подчинить финляндских граждан за преступления, совершенные ими в Империи, финляндскому уголовному закону, но я остановлюсь тут на самой яркой попытке, известной в литературе предмета, признанной фактом, попытке обойти, отменить в финляндском порядке целый ряд русских узаконений, попытке поставить Финляндию в самостоятельное якобы положение в международном союзе, попытке уравнять имперские русские интересы с интересами международными.

Я говорю об Уголовном уложении 1889 года. Известно, что это Уголовное уложение было уже Высочайше утверждено 19 декабря 1889 года, а затем было манифестом от 1 декабря 1890 года, когда обнаружилась подкладка этого дела, временно приостановлено введением в

действие. Тревогу тогда забил известный наш ученый, сенатор Таганцев, который, как частный человек, случайно ознакомился с этим делом. В этом его огромная, незабвенная государственная заслуга. Таким образом, вряд ли русским подданным был выгоден способ решения их дел, о котором упоминал бывший сенатор Нюберг, тем более что, как известно, права русских подданных мало чем и отличаются в Финляндии от прав иностранцев.

Но перейдем теперь к следующему вопросу: о том, как материально отражается на России государственное самоопределение Финляндии. С одной стороны, на Россию ложатся все те расходы, которые обуславливаются состоянием Финляндии в составе Русского государства и которые Империи не возвращаются. Затем, Россия несет ущерб невыгоды от тех льгот, которые ею предоставляются Финляндии, от льгот таможенных, тарифных, монетных и т. д. Первая категория расходов заключается в себе расходы по защите государства, расходы по содержанию Министерства императорского двора и Министерства иностранных дел. Я намеренно не упоминаю о взносах взамен исполнения воинской повинности, так как эти взносы мы так или иначе получим. Я не принимаю во внимание доли финляндцев в уплате процентов по общеимперским займам, хотя я думаю, что военные тяготы, для которых, главным образом, и заключались наши займы, должны были бы равномерно ложиться на все части государства. Я не учитываю также доли финляндцев в содержании высших имперских учреждений, например, Государственной думы, потому что мне могут ответить, что, кроме вреда, эти учреждения ничего финляндцам принести не могут. *(Слева рукоплескания и го оса: верно.)*

Но я думаю, что было бы совершенно справедливо, если бы на финляндцев, точно так же, как и на всю остальную Империю, упали некоторые совершенно бесспорные расходы, лежащие на каждого жителя империи в сумме: 3 руб. 59 коп. на содержание армии и флота, 10,2 коп. на содержание Министерства двора, 3,9 коп. на содержание Министерства иностранных дел; всего 3 руб. 73 коп. на жителя, а если вычесть платимые финляндцами на однородные расходы - я беру в расчет все подходящие расходы, пенсии, лоцию и т. д. - 54 коп. с жителя, то на каждого финляндца придется 3 руб. 19 коп., а на всю Финляндию 9 625 000 руб. На Россию тягота эта ложится, по 6 коп. на каждого жителя, иными словами каждый русский, старик и младенец, женщина и мужчина, за проблематическое право обладания Финляндией платят по 6 коп. в год, а с семьей в 5 душ - 30 коп., а каждый финляндец получает льготу от Империи по 3 руб. 19 коп. каждое семейство 15 руб. 95 коп. в год.

В расчет этот не вошли таможенные доходы, которые составляют 16 500 000 руб., между тем как наш тариф по финляндской границе - тариф уравнивательный, то есть Россия получает в свою пользу тарифные ставки в размере, взыскиваемом на остальных границах, за вычетом взыскиваемых Финляндией. Сопоставляя все это, будет ясно, почему Финляндия, расходуя на каждого жителя

совершенно столько же, сколько и Россия, то есть по 15 рублей с копейками, может употреблять на культурные надобности вдвое больше, а на управление, несмотря на все припевы о нашем бюрократизме, втрое больше, чем Россия.

Господа, я привел все эти цифры только для того, чтобы доказать, что развивающаяся государственность Финляндии с материальной стороны особых выгод Империи не приносит. Во всяком случае, потери нравственные, политические и материальные, вызываемые очевидно тем, что некоторые общеимперские дела разрешаются односторонне в финляндском порядке, не могут уравновешиваться теми правами административного законодательства, которые принадлежат нашим Монархам.

Тут много упоминалось об административном законодательстве и законодательстве параллельном. Надо помнить, что права эти весьма шатки, неопределенны и что с начала созыва Сеймов 1863 года эта область еще более сузилась; например, целый ряд законов о самоуправлении сельском и городском, о промыслах, банках, акционерных компаниях, о лесах и многие другие, прежде разрешавшиеся в порядке административного законодательства, теперь давно решаются при посредстве народного представительства. Точно так же целый ряд доходов, как, например, доходы винокуренные, доход гербовый, доход от железных дорог, от прибылей банков, которые прежде поступали в штатный фонд, находящийся в распоряжении Монарха, в настоящее время поступают в сеймовые средства.

Поэтому наивно было бы думать, что посредством административного законодательства можно было бы оградить общеимперские интересы русских граждан в Финляндии. Понятно поэтому, что лица, которые отвечают за интересы России, не могли не чувствовать, не сознавать, что стремительное центробежное течение, которое неудержимо приняли финляндские дела, все более и более наносило ущерб России. Уже Император Александр Второй делал строгие словесные внушения Сейму, а Император Александр Третий, познав бессилие слов, постановил разработать проект общеимперского законодательства и внести его в Государственный совет. Завершил мысль Императора Александра Третьего ныне благополучно царствующий Государь Император манифестом 3 февраля 1899 года, основные положения которого были приостановлены в 1905 году.

Таким образом, в настоящее время общеимперские интересы ничем не обеспечены, в настоящее время вопрос опять оказывается висющим в воздухе, и картина государственного бессилия является полной. И в это время нам говорят о благоразумии, говорят о том, что необходимо ждать, ждать в то время, когда партнер не ждет, когда ждать значит проигрывать, проигрывать, может быть, последние отцов.

Не всегда, впрочем, сами финляндцы строили свои расчеты на малодушие русских. Так, например, сенатор Даниельсон-Кальмари еще в таганцевской комиссии заявлял:

И в Финляндии в настоящее время смотрят на этот вопрос иначе, чем в то время, когда он возник впервые. Ныне сознают, что земские чины должны дать свое согласие на отнесение некоторых вопросов, бывших до сего времени предметом финляндского законодательства, к области законодательства общегосударственного. События последних лет привели к убеждению, что изменение в рассматриваемом ныне отношении неизбежно и представляется возможным с точки зрения финляндцев. Хотя все еще есть люди, которые считают нашим правом и долгом отклонить требования относительно общегосударственных законов, все-таки мнение это, насколько нам известно, не имеет более значительного числа приверженцев ни на Сейме, ни в Сенате, ни вообще среди нашего народа. Все более преобладающее значение получает мнение, что нам необходимо считаться со взглядами, господствующими „здесь в России“, и что мы поэтому должны упорно отстаивать свое мнение, иногда даже в таких случаях, когда мы не убеждены в необходимости изменения постановлений, касающихся законодательной компетенции, так как цель могла бы быть достигнута и без таких мер. Мы, следовательно, можем идти на уступки, лишь бы нам и при новых условиях гарантировано было существование в качестве особого народа с собственным политическим бытием.

Это, конечно, говорилось до событий 1905 года, но и затем в комиссии сенатора Харитоновва финляндские члены не отрицали существования интересов и дел общеимперского свойства и предлагали для разрешения их особый способ - способ делегации, способ, уравнивающий Россию с Финляндией и в конце концов ничего не разрешающий, так как при разногласии финляндских и русских членов этих делегаций большинство вопросов, по мнению автора проекта, должно было оставаться неразрешенным.

Русское правительство предпочитало все-таки изыскать способ решения этих вопросов, в конце концов их разрешающий. Поэтому, господа, позвольте мне в дальнейшем исходить из того положения, что необходимость разрешения вопроса об общеимперском законодательстве установлена. Но тут сам собой возникает вопрос: какая же власть должна решить основной вопрос, то есть самый способ течения общеимперских дел, сущность этих дел, вопрос процессуальный и вопрос материальный? В существе своем спор тут может сосредоточиться на следующем: финляндцы, опираясь на слова Императора Александра Первого, на дарованную им конституцию, на подтверждения незыблемости коренных, старинных шведских законов, на возможность отмены сеймовых законов только путем взаимного согласия Монарха и Сейма, приходят к тому заключению, что России принадлежит право решения только в области внешних международных сношений, а что все внутренние дела, хотя бы и обнимающие общеимперские интересы, могут быть законно разре-

шаемы только в финляндском порядке, сеймовом или административном.

Эта точка зрения наиболее образно была высказана тем же сенатором Лео Мехелином, который в 1904 году в газете „Fria ord“ заявлял о том, что взаимоотношение обеих стран требует, чтобы Царь и Великий Князь был единственным русским, который мог бы и должен был бы влиять на финляндские дела. Таким образом, внутренним делам противопоставляются внешние, но не общегосударственные; таким образом, провозглашается теория личной унии, или, по терминологии финляндской, унии реальной. Отсюда ясен логический вывод, что решение вопроса об изменении взаимоотношений России и Финляндии, взаимоотношений, сильно осложнившихся за сто лет, должно принадлежать исключительно творчеству финляндского Сейма; России должно принадлежать, в лице ее Монарха, лишь право veto, что сводит роль России к пассивному сопротивлению против вредных для нее актов и не дает ей возможности привести свои отношения с Финляндией к благополучному исходу.

Свое мнение о том, как возникла и как развивалась эта теория, я уже излагал перед Государственной думой. Я считаю совершенно излишним в настоящее время оспаривать юридическое построение финляндцев. Совершенно несомненно, что Император Александр Первый утвердил для Финляндии без всякого точного определения основные нормы конституционных законов Швеции. Совершенно неопровержимо, что и после Фридрихсгамского договора, в 1810 и 1816 годах, в тех манифестах, на которые тут ссылались, Император Александр Первый подтверждал дарованную им краю конституцию - или конституции - и заявлял о политическом существовании финляндского народа. Совершенно верно, что при Императоре Александре Втором, в 1869 г., был издан Сеймовый устав, который был признан незыблемым основным законом, подлежащим изменению или отмене лишь по согласному решению Монарха и Сейма. Совершенно бесспорно также, что монетный закон 1877 г. был признан общим сеймовым законом, а закон о воинской повинности в главных своих статьях - даже законом основным.

Я бы не хотел утаить ни одного из доводов, которые говорят в пользу финляндской точки зрения, я не возьму на себя неприглядной для правительства обязанности выискивать отдельные слова, выражения, опорочивающие эти акты: нельзя исторический спор ставить в зависимость от адвокатской ловкости ораторов и ловить на слове исторических деятелей, давно уже сошедших в могилу. (*Голос в центре: это правильно*). Задача правительства иная: правительство считает, что Финляндия пользуется широкой местной автономией, что Финляндии дарована провинциальная конституция, но правительство вполне убеждено, что те предметы, которые охватывают всю империю, или те финляндские законы, которые затрагивают интересы России, выходят за пределы компетенции финляндского Сейма. Всякое другое понимание забело бы нас в исторический тупик. (*Голоса в центре: правильно.*)

Ведь для всех, я думаю, господа, ясно, что нормы законодательные, правовые нормы и отношения не окаменевают, но изменяются, развиваются вслед за развитием жизни народной. Точно так же должны были измениться взаимоотношения России и Финляндии. Должна же быть какая-нибудь верховная, суверенная, на юридическом языке, власть, которая бы эти вопросы решала, решала бы вопросы об изменении норм взаимоотношений Финляндии и России, которая решала бы и общие для них вопросы. Мы ведь видим, что право административного законодательства Монархов не покрывает этих вопросов. Мы видим, как мало удачны попытки финляндского Сейма решать эти вопросы захватным правом.

Предоставление же Сейму решения принципиального вопроса об общегосударственном законодательстве было бы равносильно предоставлению ему прав, которые член Государственной думы Миллюков назвал учредительными, по вопросу, который касается всей России. Это было бы незаконно по отношению к России. Это не соответствовало бы существу провинциальной финляндской конституции. Я скажу более, такого права самоопределения не имеют даже составные части сложных государств.

Нам возразят, да уже возражали, что в том учреждении в Германии, которое решает вопросы об изменении отдельных конституций, имеют право голоса все союзные государства. Но я думаю, что в настоящее время никто еще не признает Финляндию государством союзным с Россией. Английский Colonial Legislation Validity Act безусловно признает силу за решениями колониальных парламентов только тогда, когда они не противоречат законодательным актам британского Парламента. Но если державная власть в деле общеимперского законодательства не принадлежит и не может принадлежать финляндскому Сейму, то кому же она принадлежит по праву?

До настоящего времени ее бесспорно осуществляли русские Монархи, то есть единственная общая законодательная для Финляндии и для России власть. Ввиду неопределенности финляндских законов, ввиду туманности даже самого понятия основных финляндских законов, ввиду неясности границ между местным и общеимперским законодательством, Монархи наши безразлично осуществляли эту власть и путем имперских повелений, и в порядке административного законодательства, и в порядке сеймового законодательства, которое, как вы видели, иногда даже вторгается в область законодательства чисто русского. Но что совершенно ясно, совершенно бесспорно, это то, что сами наши Государы сознавали, что они, и они одни, властны и правомочны выполнять общеимперское законодательство в пределах Веёёкого Княжества Финляндии.

Александр Первый, даровав Финляндии конституцию и потребовав от земских чинов в Борго их мнения по разным вопросам, запечатлев в Фридрихсгамском мирном договоре державные права России, тщательно и добросовестно охранял финляндскую автономию, но, вместе с тем, в тех делах, которые касались и России, он чувствовал себя абсолютно свободным от всяких ограничений и

действовал совершенно патриархально. Разрешив финляндцам управ-
ляться в своих границах на основании старинных шведских законов,
Александр Первый во всех своих манифестах, даже самых льготных,
все же признавал Финляндию частью, и притом подчиненной частью
русского государства, России. Он даже, как вы знаете, не считал необхо-
димым, утверждая эти законы, сделать оговорку о том, что они
имеют силу только в той мере, в какой они не противоречат русским
Основным законам, настолько он признавал их провинциальный
характер.

Ведь в этих законах, которые, по ст. 57 Формы правления,
должны быть понимаемы буквально, не только запрещается назна-
чать генерал-губернаторов, но вопреки единственному фундамен-
тальному закону того времени о престолонаследии требуется, как
тут уже упоминали, от Монарха лютеранское вероисповедание, невы-
езд его из пределов Финляндии и т. д. Если признать, что Император
Александр Первый отказался за Россию от державных или учреди-
тельных прав, то надо признать, что немедленно же после утверж-
дения шведских законов он начал их нарушать! Но в его время, по
крайней мере, в этом его никто не обвинял, в эту эпоху все признавали
Великое Княжество Финляндское русской провинцией. Это заявля-
лось и на Сейме в Борго, это вы можете найти во всех исторических
и юридических учебниках того времени.

Известный финляндский ученый Нервандер называет Финлян-
дию Тиродем России. Двадцать лет пребывавший вице-председате-
лем Сената барон Гартман открыто заявлял, что форма правления
потеряла свою силу, что необходимо возможно широкое распро-
странение в Финляндии русского языка. Министр статс-секретарь граф
Рейндер мечтал о сближении устава Гельсингфорского университе-
та с уставами других русских университетов. В те времена, до 50-х
годов, в торжественных случаях в университете пелся русский народ-
ный гимн; Императора и консистория университетская, и студенты
встречали адресами, написанными на русском языке.

Вот, господа, в какой финляндской атмосфере действовали и
законодательствовали Император Александр Первый и Император
Николай Павлович. Я не знаю, надлежит ли перечислять вам тот
объемистый перечень законов, которые при Императоре Александре
Первом были изданы в имперском порядке? Их тут перечислял один из
предыдущих ораторов. Нельзя же длительную практику принимать
как исключение. Известно, что Император Александр Первый в том
же 1810 году, в котором он издал один из льготных своих манифестов,
на который тут уже ссылались, указом своим приказал перечислить
в ресурсы государственного казначейства остатки по смете новой
Финляндии. Вам известно, что он присоединил старую Финляндию к
новой Финляндии, что он назначил генерал-губернатора вопреки пара-
графу 33 Формы правления.

Особенно интересны те суждения, которые высказывались в
Государственном совете по поводу этих актов. В той записке, кото-
рая была представлена в Государственный совет, говорилось букваль-

но следующее, и в то время это никого не смущало:

Если обе сии провинции - то есть старая и новая Финляндия - ныне равно принадлежат Империи и той же и единой покорены Верховной власти, то не может быть никакого основания различать их ни в имени, ни в жребии, ни в образе управления, и подобно тому, как из двух прежних разновременных завоеваний составила одна губерния, ныне должно из трех составить одну провинцию.

Вместе с тем указывалось, между прочим, что от этой меры имперская казна не потерпит ущерба, так как „вообще о финляндских доходах сделано постановление, чтобы остатки их причисляемы были к казначейству Империи“.

Затем в царствование Императора Николая Первого и Александра Второго существовал, можно сказать, негласный порядок решения общеимперских дел. Может быть приведен перечень тех учреждений, которые ведали этими делами. Например, таможенный тариф Финляндии обсуждался в Министерстве финансов в 1840 году. Реформа финляндского банковского устава обсуждалась в Министерстве финансов, проект устава Императорского Александра Первого университета 1828 года обсуждался в особом комитете при Министерстве народного просвещения. Проект кодификации финляндских законов обсуждался во втором отделе канцелярии Его Величества. Проект денежной реформы обсуждался в Министерстве финансов в 1860-65 гг. Вопрос о том, созывать или не созывать Сейм, обсуждался в особом совещании из сановников русских и представителей Финляндии под председательством Императора Александра Второго. Военные вопросы обсуждались в Военном министерстве; вопросы, касающиеся постройки шоссе, обсуждались в Главном управлении путей сообщения, которому с 1909 г. была подчинена Финляндия после причисления всей Финляндии в 8-й округ путей сообщения.

Начиная с царствования Императора Александра Второго получила, однако, особое развитие теория об особой финляндской государственности. В это время в сеймовом порядке прошли такие важные законы, как закон монетный и закон о воинской повинности. Но в словах и во многих действиях Императора Александра Второго сказывалось все же, что он общеимперскую идею не подчинял идее провинциальной. Так, в 1863 году, когда финляндский Сенат обратился к Императору Александру Второму с ходатайством о том, чтобы на разрешение финляндского Сейма был передан вопрос о возврате Сестрорецка в черту Империи, Александр Второй в этом безусловно отказал и возразил этот решил единолично. Горестны воспоминания этого Монарха о данном им в тяжелую для него минуту на театре военных действий согласи на монетную реформу. Еще в 1860 г. он сказал о монетной же реформе: „On m'a escamote mon consentement“.

Император Александр Третий ясно сознавал преобладание общеимперского законодательства. В широких массах известен его почтовый манифест и его манифест о приостановлении введения в действие Уголовного уложения, о котором я уже упоминал. Менее

известны другие два акта его царствования: Высочайшее повеление 1891 года о передаче на обсуждение Государственного совета проекта финляндского Сената о финляндских основных законах и проектах финляндского генерал-губернатора графа Гейдена об учреждении управления финляндскими губерниями и Высочайшее повеление 1893 года о передаче, точно так же на разрешение Государственного совета, мнения русских и финляндских членов комиссии Бунге о будущем государственном законодательстве.

Знаменательно, что в это еще время многоопытный финляндский генерал-губернатор граф Гейден настаивал на том, чтобы его проект об учреждении управления финляндскими губерниями обсуждался в порядке русских Основных законов, так как он имеет общегосударственный характер. Понятно из всего сказанного, что Государь Император Николай Александрович, вступая на престол и подтверждая права и привилегии Великого Княжества Финляндского, подтвердил законы, права и привилегии областные, провинциальные; естественно также, что он захотел продолжить дело своего отца и 3 февраля 1899 года обнародовал манифест об общеимперском законодательстве; понятно, что в 1905 году, когда весь наш законодательный и государственный строй изменился, манифестом 20 февраля 1906 г. было возведено о том, что о порядке осуществления общегосударственного законодательства будут в свое время преподаны особые указания.

Обзор действия пяти Монархов приводит нас к неопровержимому выводу, что общегосударственное законодательство, хотя иногда, может быть, и в неясных очертаниях, иногда с отступлениями, с колебаниями, но осуществлялось в течение ста лет волею и властью русских государей. Ни один из них не отказывался от своих общеимперских прав, ни один из них тем более не отказался от державных или, как здесь их называли, от учредительных прав Русской Империи. Отказ этот был бы равносильным признанию Финляндии самостоятельным государством, всякое столкновение, всякий конфликт с которым был бы неразрешим, так как не было бы такой власти, которая была бы вправе эти осложнения, эти конфликты разрешать. Окончание же конфликтов путем, установленным между равноправными государствами, то есть путем войны, конечно, между Финляндией и Россией немыслимо.

Таким образом, ныне царствующему Государю в минуту поворота в финляндских делах предстояло решить, кто же правомочен осуществить державную власть для установления норм и порядка общегосударственного законодательства. Даровав, как самодержавный Государь, Основные законы Империи, Государь Император манифестом от 20 февраля 1906 года оставил за собою право установить в свое время и законы общегосударственные. Он мог сделать это сам, он мог сделать это, вняв финляндским теориям, с помощью финляндского Сейма, он мог, наконец, призвать к этому делу русское народное представительство. Манифестом 14 марта этот вопрос разрешен, и законопроект находится перед вами, господа члены Государст-

Ветной думы.

Вам предстоит решить вопрос исторических размеров, но во время этого исторического суда будут раздаваться и раздаются уже и обвинения, и укоры, и нарекания. Указывая на перечень, вам будут доказывать, что русская реакция стремится задуть автономию свободного народа (*голоса слева: правильно*), тогда как в возможности пополнения перечня и заключается признак верховенства Русского государства, заключается обеспечение, в случае пропуска или недосмотра, от поворота вновь в такое же положение, в котором мы находимся в настоящее время.

Приглашение финляндских депутатов в Думу и в Государственный совет с решающим голосом - это акт величайшей справедливости, но это в то же время доказательство (*шум слева: звонок председателю*) единства Русской империи. Смущающий вас, как я слышал, некоторый дозор, в малой хотя степени, за школами введен в перечень вследствие той неприязни, того недружелюбия, которое внушается в школах детям по отношению к России и русскому языку. (*Шум слева; звонок председателя.*) Солозы, печать, общество - это все предметы, которые даже в сложных государствах составляют предмет общеимперского законодательства. (*Голос слева: еще бы.*)

Но нам будет указывать, конечно, что этим путем бюрократия стремится разрушить высокую местную культуру (*голоса слева: правильно*) и народное просвещение. Я вам отвечу словами докладчика, что независимо от финляндского правосознания существует еще другое правосознание, правосознание русское; вам будут указывать на то, что правительство не считается с интересами целого народа; на это я вам отвечу, что Государь доверил дело вам, а не бюрократии и что помимо вас не пройдет ни один имперский закон; вам, наконец, будут, вероятно, торжественно указывать на мнение якобы Европы, на тысячи собранных финляндцами за границей подписей; тут уже отвечу вам не я, а ответит вся Россия, что многие, видимо, еще не поняли, что при новом строе Россия не разваливается, не расчленяется на части, а крепнет и познает себя.

Разрушайте, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, - презрение к нашей родине. Презрение чувствуется в угрозе пассивного сопротивления со стороны некоторых финляндцев, презрение чувствуется со стороны непрощенных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Спрячьте с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собой Россию, спрошенную царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу. (*Продолжительные рукоплескания правой и центра.*)

14. О мерах по оздоровлению жизненной ситуации в столице. Речь на заседании Государственной думы 11 января 1911 г.

Господа члены Государственной думы!

Ввиду того, что вами приняты уже первые 24 статьи предложенного вам законопроекта, мне не предстоит необходимости доказывать вам по существу необходимость издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы. Вы оценили, конечно, побуждения правительства, обратившегося в законодательные учреждения в сознании тяжелой своей ответственности перед населением за принятие мер к охране его жизни.

Я думаю, что едва ли кому-нибудь удастся доказать, что в городе, в котором число смертей уже превышает число рождений, в котором одна треть смертей происходит от заразных заболеваний, в котором брюшной тиф уносит больше жертв, чем в любом западноевропейском городе, в котором не прекращается оспа, в котором время от времени появляется возвратный тиф, болезнь, давно исчезнувшая на Западе, в котором почва вполне благоприятна для развития всяких бактерий, не только холерных, но, я думаю, и чумных, что в таком городе правительство обязано стоять на почве, как здесь было сказано, исключительно надзора, исключительно протеста и платонических побуждений, должно подавить в себе волевое усилие и являть из себя зрелище бессилия государства, санкционирующего бессилие общественное.

Такого представления о роли правительства ни у кого, конечно, быть не может, и возражения против правительственного законопроекта опираются, насколько я их понимаю, на соображения иного порядка. Оппозиция против правительственных предложений объясняется, очевидно, представлением о них как о мерах в высшей степени прямолинейных, как о мерах, может быть, поражающих каким-то слишком наивным симплицизмом. Появилась и держится в городе холера. Начальство начинает распорядиться, дело не налаживается; городское управление медлит. И в результате - что же? Необходимость заместить это самоуправление чиновником, который все знает, все прекрасно выполняет, быстро и скоро все приведет в порядок.

Но подумало ли правительство, указывают противники его, что целые группы населения, может быть, наиболее для этого пригодные, устранены от дела городского самоуправления; подумало ли оно о том, что городское управление обрезают в своих средствах, что оно не имеет права облагать оценочным сбором земли дворцовые, казенные и удельные; предъявило ли оно когда-либо городскому управлению категорическое требование об оборудовании канализации и улучшении водопровода; наконец, подумало ли оно об освобождении городско-

го самоуправления от тех тормозов, от тех розатоков, которые поставлены на его пути самим законом, так как городское управление, как известно, не имеет права иначе, как в путях закона, не только отчуждать ненужное имущество, но даже временно занять его в целях работ по оздоровлению города, не имеет права установить обязательного присоединения домовладельцев к общей канализационной сети, не имеет даже права обложить обывателей уравнительным канализационным сбором?

Если бы правительство об этом подумало, если бы оно своевременно расширило компетенцию города соответственно обширности возложенных на него задач, тогда другое дело - правительство имело бы право возбудить вопрос о понудительных против города мероприятиях; но при отсутствии этих условий всякое вмешательство правительства в городскую компетенцию является доказательством недоверия к общественным силам, более того, является ударом, наносимым самому принципу городского самоуправления.

Вот, насколько понял, те возражения, на которые мне придется отвечать. О необходимости составления проекта нового Городового положения, вместо прямой борьбы с антисанитарными условиями г. Петербурга, я говорить не буду, так как вы, господа, уже постановили перейти к постановке вопроса о внесении законопроекта и, следовательно, в общем признали его целесообразность. К тому же, многим из вас известно, что даже в городах, в которых круг избирателей и круг гласных гораздо более ограничен, чем в Петербурге, вопрос канализационный и вопрос водоснабжения вырешен уже достаточно благополучно. Кроме того, я полагаю, что попутно разрешать крупный вопрос о новом способе комплектования городских гласных было бы в настоящее время неудобно. Я точно так же оставляю в стороне вопрос об обложении оценочным сбором земель дворцовых, казенных и удельных. Вопрос этот не относится к ст. 25 и последующим и вообще имеет мало отношения ко всему законопроекту, так как, по предположению правительства, и канализация, и водопровод должны сами себя окупать и содержать.

Если не касаться этих двух вопросов, то спор сводится к следующему: иные полагают, что городское самоуправление не может в настоящее время осуществить канализацию и улучшить водопровод, потому что сам закон ставит ему в этом преграды, и цель законодателя - устранить эти преграды, расширив законные полномочия города в пределах этих двух предприятий; помимо же этого никакого законодательного воздействия не требуется. Другие предполагают, что дело законодателя - не только благожелательное содействие городскому управлению, но и обеспечение необходимого исполнения той задачи, которая признана государством необходимой.

Какое же отношение правительства к этим вопросам. Ответ на это дает первоначальный правительственный законопроект, согласно которому предполагалось, ввиду тревожного в санитарном отношении состояния столицы, немедленно взяться за работу и, ввиду невозможности заставить работать других, принять на себя

правительству и весь труд и всю ответственность по этому делу, не терпящему никакого отлагательства. Как известно, комиссия Государственной думы пошла по среднему пути. Она нашла, что если городское самоуправление поставить в условия, в которых помехи, о которых я только что говорил, были бы устранены, то в этих облегченных условиях городское самоуправление, может быть, и выполнит возложенные на него задания. Поэтому комиссия решила предоставить городу эту возможность и лишь в случае неудачи города обеспечить в самом законе выполнение или завершение дела правительственной властью.

Несмотря на то, что при такой постановке дела может быть риск некоторого замедления, правительство пошло на это, согласилось с предположениями комиссии и приняло участие в переработке законопроекта. Действовало оно так из уважения и к принципу городского самоуправления, и в предположении, что при таком оказательстве доверия городу со стороны высших законодательных учреждений и со стороны правительства может появиться новый стимул, новый импульс, который послужит к удаче предприятия. Но правительство не могло допустить и мысли, чтобы Государственная дума остановилась на полпути и не обеспечила при каких бы то ни было обстоятельствах и условиях завершение дела, являющегося не вопросом самолюбия тех или иных городских деятелей, а вопросом жизни или смерти населения столицы.

Тут, господа, мне придется поделиться с вами некоторыми соображениями и мыслями, которые привели меня в свое время к выводу о необходимости немедленного правительственного действия. Эти мысли, конечно, могут служить аргументом *a fortiori* для доказательства необходимости оставления в силе второй части законопроекта комиссии, которая служит санкцией к первой его части. Ничего оскорбительного и для городского самоуправления, и для принципа самоуправления в этих мыслях, конечно, нет. Наблюдая за деятельностью Петербургского городского самоуправления, я не мог не подметить какой-то робости, какой-то нерешительности, во всех вопросах, касающихся мер по оздоровлению столицы.

Никто не будет отрицать, что до самого последнего времени самая возможность сооружения такого грандиозного предприятия, как канализация, подвергалась сомнению не только с точки зрения технической его осуществимости, но и с точки зрения даже его необходимости; тут чувствовалось явное смущение перед громадностью предстоящих расходов, которые превышают сумму всех займов, заключенных до настоящего времени г. Петербургом. Состав городской думы переменный, одно дело начнут, другие будут продолжать, третьи, может быть, закончат, ответственность громадна - вот психология городского самоуправления, психология, которая проскальзывает, просачивается во всех, даже частных, разговорах городских деятелей. И поражает в этих разговорах, в этих соображениях городских деятелей то, чем оно оправдывается: данными о том, что вот уже в течение более 40 лет городская дума изыскивает

способы, выбирает лучшие проекты канализации, ссылаясь на то, что правительству даже до настоящего времени еще категорически не принимало по отношению к городу достаточно энергичных мер поощрения.

Разве, совершенно независимо от вопроса о степени вины в данном деле правительства или городского самоуправления, разве все эти доводы не служат доказательством отсутствия у городского самоуправления волевого импульса? Подтверждается это примерами и из области менее крупных предприятий. Вспомните, например, что простой вопрос, вопрос о введении водометов должен был быть проведен в порядке Высочайше утвержденного мнения Комитета министров; город с своей стороны последовательно обсуждал этот вопрос и в 1892 г., и в 1894, 1895, 1896, 1897 гг., и, наконец, в 1899 г., окончательно его отклонил, после чего он должен был быть проведен в порядке Верховного управления. Таким же путем было проведено и расширение фильтров. Наконец, в самое последнее время, в 1909 г., городская дума решила вопрос о префильтрах, даже ассигновала деньги на эту постройку; префильтры, однако, построены не были, и в конце концов город перерешил вопрос и отказался от своей мысли.

Не доказывает ли это, что в городе, при наличии самых благих пожеланий, не созрела еще та решимость, которая одна может родить результаты? Я укажу еще на события самого последнего времени. В настоящее время в городской думе существует новая канализационная комиссия, состоящая из почтеннейших людей, которые желают сделать дело; в эту комиссию приглашаются эксперты из самых крупных научных авторитетов, но эксперты эти заявляют, что всякая их работа будет безрезультатна, бесполезна, покуда не будут ясны условия, положения, задания, которые должны быть выполнены, иначе работа их останется академической. И вот эта академичность работы и является характерной для всех трудов городского самоуправления в области оздоровления Петербурга, кроме, конечно, больничного дела.

Для того, чтобы претворить, для того, чтобы превратить эту работу в работу реальную, хотя бы и несовершенную, и необходима санкция к вашему законопроекту, санкция, которою является статья 25 и последующие его статьи. Если этой санкции вы не дадите, то работа, конечно, может быть, и будет исполнена, но; может быть, и не будет исполнена, а, может быть, будет замедлена. Быть может, тогда, когда пройдут установленные сроки, наступит момент, когда правительству придется вносить особый законопроект о приведении в исполнение работы в принудительном порядке; может быть, это произойдет в летний период, когда Государственная дума не будет заседать, придется во всяком случае проводить этот закон и через Думу, и через Государственный совет. В результате - замедление, остановка работ.

То же самое произойдет, если будет принято пожелание о предоставлении и правительству права роспуска городской думы и призыва другого ее состава. Соответствует ли такая возможность

силе и авторитету закона? Может ли закон, прошедший через рассмотрение Государственной думы и Государственного совета, получивший санкцию Государя Императора, установить лишь новую, кажется, седьмую или восьмую по счету комиссию, снабдить ее всеми способами и возможностью выполнить дело, не обеспечив ничем безусловности его окончания?

Говорят, что и на это надо идти ввиду того, что всякое воздействие правительства на город будет опорочивать принцип самоуправления. Но так ли это? Я думаю, что ничего постыдного для наших городских деятелей нет в предвидении возможности если не воздействия, то, во всяком случае, содействия правительства к приведению в исполнение столь необходимого предприятия, как канализация и водоснабжение. Господа, история повторяется: Берлин 60-х годов прошлого столетия напоминает собой в большой мере в санитарном отношении картину сегодняшнего Петербурга. Там точно так же жидкие нечистоты выливались в открытые канавы и каналы, которые выносили все эти нечистоты в реку Шпрее; твердые нечистоты почти все (до 90%) оставались в черте города. Точно так же слышались разговоры о невозможности сооружения канализации и в финансовом отношении, и, главным образом, в техническом; говорили, что будут обваливаться и обрушиваться дома и т.д., а теперь в Германии канализовано 624 города.

Да и в Англии до 1870 г. прошлого столетия органы городского самоуправления обнаруживали полную бездеятельность в отношении улучшения санитарных условий страны. С 30-х до 70-х годов прошлого столетия там шла, как теперь у нас, ожесточенная борьба между сторонниками государственного воздействия и между противниками его, доказывавшими, что самая мысль о таком воздействии оскорбительна для идеи самоуправления. И что же? В классической стране самоуправления узаконено начало воздействия. Вам известны и английский, и французский законопроекты, которые тут неоднократно цитировались, но я попрошу вас вникнуть в его внутренний, неформальный, а более глубокий смысл, и вы поймете, что этот закон не репрессивный, не нарушающий духа английского self government, а закон глубоко социальный. Такого рода закон и должен был возникнуть в государстве не полицейском, не регулирующем действия всех и каждого, а в государстве, преследующем задачи широкой социальной политики, ставящем пределы свободы отдельного лица и отдельных организаций, когда они нарушают интересы масс.

Но ведь, господа, на этом же принципе зиждется все законодательство об охране женского и детского труда, все законодательство об общественном призрении, все законодательство о фабричной инспекции. Кому, господа, более всего нужна в Петербурге чистая вода и канализация? Ведь не домовладельцам, которые живут в более или менее сносных условиях, не министрам, не нам с вами, а столичной бедноте. Я видел, как эта беднота безропотно умирает в городских больницах, отравленная тем, что каждому должно быть доступно в чистом виде, - водой. Я знаю и помню цифру 100 тысяч смертей от

холеры в настоящем году; я чувствую боль и стыд, когда указывают на мою родину, как на очаг распространения всевозможных инфекций и болезней. Я не хочу, не желаю оставаться долее безвольным и бессильным свидетелем вымирания низов петербургского населения.

Я поэтому стою за принятие закона, который выразил бы не только желание, но и непреклонную волю законодателей. Я хочу не надеяться, я хочу наверное знать, что при каких бы то ни было обстоятельствах, при каких бы то ни было условиях, через 15 лет в столице русского царя будет, наконец, чистая вода, и мы не будем гнить в своих собственных нечистотах. Я не поверю и никто мне не докажет, что тут необходимо считаться с чувством какой-то деликатности по отношению к городскому управлению, что тут может существовать опасение обидеть людей или оскорбить идею. Я прошу вас выразить вашу твердую волю, имея в виду не только Петербург, нет, это необходимо и по отношению ко всей России.

Я повторяю то, что только что говорил член Госуда ственной думы Шингарев: Россия ежегодно наводняется эпидемиями и болезнями из Азии. Есть целый ряд городов, которые становятся рассадниками, узлами инфекции, откуда они разносятся по всей России. Окните мысленным взором все наше Поволжье, сначала Астра: ань - ворота, через которые к нам приходит и холера, и чума. Астрахань с ее известным водопроводом, вбирающим воду на берегу Волги, представляющим из себя клоаку, наполненную миазмами. Далее - Царицын с его оврагами, очагами заразы, из которых самый знаменитый - Кавказ, на высоком берегу которого сосредоточено скопление всех отбросов - гнездо заразы, а внизу, внизу живут люди, которые дышат миазмами от нечистот, сбрасываемых сверху. В настоящее время этот Кавказ очищен и очищен, конечно, пожаром. Дальше идет Саратов с его не менее знаменитым Глебучевым и Белошинским оврагами, по которым я немало проходил и о которых мог бы много порассказать. А Самара, нарядная Самара, с ее известной Веденево́й ямой, ямой, которая теперь уже не яма, а бугор с которого жидкие нечистоты по оврагу стекают в реку Самару. Казань имеет тоже свои достопримечательности в центре города: ров Булак и озеро Кабан, в которое точно так же сваливаются все казанские нечистоты.

И правительство все это знает и все это терпит? Не только знает, но даже изучило, изучило посредством самых известных научных авторитетов, составило планы оздоровления этих городов и предъявило даже эти планы к исполнению городским самоуправлением. Но, господа, если вы теперь отвергнете санкцию к закону, то есть статью 25 и дальнейшие, то и эти планы останутся, конечно, такими же прекрасными планами, как предначертания комиссии сенатора Лихачева, которая в 1897 году объехала все эти места и в свое время выработала целый ряд мероприятий по оздоровлению Поволжья. И это произойдет не от того, чтобы города эти не хотели почиститься, наоборот, но потому, что это дело трудно, потому что оно не сегодня началось, потому что понуждения, как это видно будет на примере Петербурга, на примере того законопроекта, который вы

теперь рассматриваете, ожидать не придется и сверху не будет произведено того, чего нас вообще недостает в России: твердой и ясной воли, а такую коллективную непреодолимую волю может проявить, конечно, только закон.

Меня ждет еще одно возражение: каким же образом то, что окажется недостижимо для городских самоуправлений, будет удачно выполнено чиновниками? (*Голос слева: это самое главное.*) Да, я думаю, просто потому, что государство обладает большими техническими средствами, имеет больший круг людей к своим услугам. Дело, господа, не в чиновниках. Чиновник может быть и плох, может быть и хорош, а я думаю, что чиновник часто не меньше, а, может быть, и больше других трудится на пользу и на славу России. И, право, горько и больно слышать, когда рисуют по обычному шаблонному трафарету образ чиновника, стремящегося исключительно захватывать чины, ордена, оклады и лишнего всякого нравственного чувства.

Но, повторяю, дело не в этом. Гораздо трагичнее только что высказанное недоверие к силам самого государства. Только что приводились примеры того, как правительство вооружало себя всевозможными полномочиями и не достигало результатов. Но ведь дело, как сказал член Государственной думы Шингарев, не в правах местной власти. Дело, предмет обсуждения не в принципе смешения прав администрации с правами самоуправления, который может быть и ошибочен. Дело не в снабжении власти в нормальное время средствами, принадлежащими земству и городскому самоуправлению, тем более что таких свободных средств обыкновенно нет. Но недопустимо думать, что государство не имеет средств и возможности выполнять изъятые учреждениями, которыми от самого государства передованы некоторые государственные функции. Если не верить силам государства и силам государственности, то тогда, господа, конечно, нельзя ни законодательствовать, ни управлять. (*Голос справа: браво.*)

Ошибочно, господа, точно так же подходить к каждому вопросу, примеряя его к существующим образцам - либеральным, реакционным или консервативным. Наша оппозиция привыкла прикасаться к каждому правительственному законопроекту особой лакмусовой бумажкой и затем пристально приглядываться - покраснела она или посинела. (*Смех справа.*) Напрасно. Меры правительства могут быть только государственными, и меры эти, меры государственные, могут оказаться консервативными, но могут быть и глубоко демократичны. Так, господа, и в данном случае правительство просит вас довести дело до конца, правительство просит вас подчеркнуть неприкосновенность вашего решения, памятуя, конечно, не о самолюбии тех или других деятелей, а о простом бедном рабочем люде, который живет или, скорее, гибнет в самых невозможных условиях и о котором под названием пролетариата здесь принято вспоминать, главным образом, как о козыре в политической игре. (*Голоса справа: да, верно.*)

Вам, господа, предстоит решить вопрос не субъективного чувства о том, органы ли самоуправления или правительство достой-

ны большегосочувствия, вам предстоит решить крупный социальный вопрос о государственном воздействии на условия существования экономически зависимых масс. Этот вопрос вы можете решить правильно с одной только точки зрения - с точки зрения государственной. (*Голоса справа: браво: рукоплескания справа и в центре.*)

* * *

Господа члены Государственной думы! Перед отъездом из Государственной думы по экстренным делам я всхожу на эту кафедру не для полемики, а для того, чтобы рассеять одно, как мне кажется недоразумение. Тут в речах лиц, относящихся несочувственно к 25-й и последующим статьям законопроекта, выражалось мнение, что правительство и в моей речи, и в своем представлении настаивает на необходимости ограничить молодое самоуправление и твердо стоит на принципе вмешательства в дело самоуправления.

В этом именно я и вижу безусловное недоразумение. Если вы вникнете в смысл законопроекта, то вы усмотрите, что вмешательство правительства в дело самоуправления осуществляется не в 25-й и последующих статьях, а в первых 24 статьях. А эти первые 24 статьи уже приняты вами; ими предусматривается организация новой комиссии, которая не предвидится Городовым положением. В эту комиссию входят пять членов от Министерства внутренних дел - даже не от всех ведомств, а от одного министерства, - а председатель назначается Высочайшею властью. И в руки этой комиссии отдается все дело. Следовательно, сама Государственная дума признала, что не всегда вмешательство правительственных органов бывает вредным, особенно в таких важных предприяттиях, как то, которое предстоит теперь для оздоровления столицы.

Дальнейшее недоразумение заключается в смешении, как мне кажется двух понятий: понятия правительства как органа подчиненного и понятия о государстве. Если бы 25-я и последующие статьи были вами ампутированы, то, несомненно, ваш законопроект оказался бы незаконченным, не было бы гарантии той непрерывности работы, которая необходима в таком важном деле, как дело оздоровления столицы: было бы обеспечено, как я высказал раньше, одно содействие городскому управлению, но гарантии непререкаемости обеспечения населению столицы возможных жизненных условий, конечно, в этом законе уже не было бы. Но по пути обеспечения этих условий самим государством пошли все те страны, которые верят в свой государственный, которые верят, что самоуправление - только составная часть управления государственного.

Нельзя в данном случае противопоставлять самоуправление правительству и надо предвидеть и предопределить, что если в этом конкретном деле самоуправление потерпит неудачу, то существует нечто высшее, определяемое более высоким понятием, существует государство, и что государство способно выполнить задачу, невыполненную его органом, что население ни в каком случае не останется в безвыходном положении. Поэтому я и думаю, что если вы остано-

теперь на статье 24, то законопроект ваш останется незаконченным. Тут проявится какое-то противоречие, незаконченность, неполнота закона, и на логической почве останется в данном деле одна только позиция, которая прямо говорит, что она в современную государственность не верит, и которая предлагает ей свой рецепт, свой выход из создавшегося положения - все теперешнее государство, все государственную пирамиду, как выразился один из ораторов, сверху вниз опрокинуть. Но едва ли этому рецепту сочувствует остальная часть Государственной думы.

(Рукопескания справа и в центре.)

15. Ответ на запрос членов Государственной думы. Последнее публичное выступление П.А. Столыцина 27 апреля 1911 г.

Господа члены Государственной думы!

Время, протекшее со времени внесения в Государственную думу запроса о незаконном применении правительством статьи 87 Основных законов, закрепило ходячее мнение о причинах, руководивших действиями правительства в этом деле, и придало им в глазах многих характер совершенной беспорочности. Моя задача - противопоставить этим суждениям совершенно откровенное изложение всего хода взволновавшего вас дела и, насколько возможно, полное и точное разъяснение побудительных причин, вынудивших правительство прибегнуть в данном случае к неожиданной и чрезвычайной мере.

Понятно, что речь моя, какой бы летописный характер она ни носила, все же ввиду сложившегося в различных политических кругах понимания правительственной политики будет восприниматься с некоторой неприязнью моими слушателями. Это первое и большое затруднение, с которым мне придется считаться в моих объяснениях. Но оно не единственное. Другое неблагоприятное для меня обстоятельство то, что мне приходится отвечать Государственной думе после того, как мною уже даны разъяснения по тому же предмету Государственному совету как стороне, наиболее заинтересованной в этом деле. А так как доводы правительства уже значительно исчерпаны, то мне не избежать некоторых повторений, хотя повторить я постараюсь лишь то, что, может быть, повторять и бесполезно. Повторения эти будут касаться, главным образом, формальной стороны дела, несмотря на то, что я отгораживаться формальным правом не намерен. Но обойти эту сторону вопроса я не могу, так как мне в дальнейшем изложении придется опираться как на установленный факт на то, что в данном случае при других необходимых условиях не было со стороны правительства ни нарушения, ни обхода закона. Это необходимо мне и для более ясного освещения статьи 87, значение которой определяет права Короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента.

Какие же формальные права присущи нашим законодательным учреждениям?

Государственная дума, так же как и Государственный совет, вправе, конечно, предъявлять правительству запросы из области управления, но весьма сомнительно, чтобы эти же учреждения вправе были запрашивать правительство по предметам свойства законодательного, хотя бы законодательные функции временно осуществлялись через Совет министров. Права наших палат в этом отношении твердо и ясно выражены в самом законе. Они заключаются в праве последующего обсуждения временных законов и отказа в последующей им санкци. Все возражения по этому поводу основаны, по моему мнению, на смещении двух понятий, двух моментов: права палат после того, как закон уже внесен в законодательные учреждения, и права палат предварительно контролировать формальную закономерность правительственного акта до этого.

Первое право - право отвергнуть закон по всевозможным мотивам и даже без всяких мотивов - совершенно бесспорно, а второго права просто не существует, оно представляло бы из себя юридический нонсенс. Первым обширнейшим полномочием поглощается право запроса; им определяются права законодательных палат, которые не могут стать цензором формальной правильности акта Верховной власти. Я знаю в практике западных государств случаи отклонения временных законов, проведенных в чрезвычайном порядке, но я не знаю случаев запроса о незаконности таких актов, так как субъективная оценка и момента чрезвычайности, и момента целесообразности принадлежит во всяком случае не палатам. Это логично и понятно: законодательные учреждения не могут сделаться судьей закономерности законодательного акта другого учреждения. Обязанность эта по нашим законам принадлежит исключительно Правительствующему сенату, который не имеет право опубликовать или обнародовать незаконный, незаконный акт.

Точно так же законодательные учреждения вправе запрашивать и председателя Совета министров, и отдельных министров, и главноуправляющих о незаконных их действиях, но едва ли они вправе запрашивать о том же Совет министров как учреждение, не подчиненное Правительствующему сенату, в котором, когда Ему это благоугодно, председательствует Его Императорское Величество. Единственный раз, когда мне был предъявлен запрос о незаконных действиях Совета министров как учреждения, а именно по изданию правил 24 августа 1909 года, я сделал оговорку о том, что существо этого запроса не соответствует природе запросного права.

Предъявленный в настоящее время Государственной думой запрос составлен с формальной стороны более осторожно, чем запрос Государственного совета, так как в нем отсутствует один довод, который лег в основу запроса Совета. Но довода этого касались во время прений о принятии запроса некоторые ораторы, и поэтому мне в двух-трех словах придется коснуться и его. Я подразумеваю опоро-

чение права Верховной власти применять статью 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат. Но это право неопровержимо, оно зиждется, основано на жизненных условиях, и как бы наши жизненные и наши законодательные условия ни были различны от таких же условий в западных государствах, но и там, на западе, это право понимается именно так, а не иначе, и авторитетное мнение науки признает правильность обращения к указному праву во время перерыва занятий палат, вызванного действиями самих палат. Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право Монарха применять чрезвычайные указы на нет.

Чтобы покончить с формальной стороной вопроса, я отмечу еще по поводу указного права, как права чисто политического, что и в Западной Европе не существует норм, так сказать, конституционного его применения. Если бы не хотите обратиться к примеру Австрии, то возьмите пример Пруссии. Все чрезвычайные указы, изданные за последнее столетие в порядке параграфа 63 прусской конституции, подвергались оспариванию в прусских палатах, и хотя большинство из них были в конце концов приняты палатами, но многие из них вызывали сильные сомнения, как, например, касавшиеся натуральных повинностей, нового обложения, таможенных сборов и т. д. То, что пытаются представить у нас нарушением законов, незаконностью, и в Пруссии, и в Австрии никогда не признавалось нарушением конституции.

Но если формальная сторона этого дела настолько безукоризненна, то чем же объяснить, господа, тот шум, который поднялся вокруг последних действий правительства: возбуждение в политических кругах, негодование одних, недоумение других? Конечно, наивно было бы со стороны правительства объяснять это непременно желанием сделать ему во что бы то ни стало неприятность. Несомненно, причины лежат гораздо глубже; чтобы исчерпать вопросы до дна, надо обратиться к ним, и я попытаюсь совершенно спокойно и беспристрастно разобраться в происшедшем, но, ввиду только что высказанных мною соображений, я в дальнейших своих объяснениях буду опираться не на статью 58 Учреждения Государственной думы, а на статью 40 и просто, добросовестно, насколько это мне доступно, изложу вам сведения по делу, которое, согласно статье 40, будет в будущем подлежать вашему рассмотрению. Я считаю это совершенно необходимым, так как Государственная дума не судебное учреждение, разрешающее уже законченный, совершившийся факт, анатомирующее мертвое тело; Государственная дума имеет дело с событиями, грядущими, с жизнью страны, а жизненные явления требуют объяснения.

В дальнейшем мне, к сожалению, придется подчеркивать пункты и поводы к разногласию между мыслью, заложенной в основании запроса Государственной думы, и мыслью правительственной. Но ранее этого я мимоходом отмечу одно положение, которое не вызовет между нами разногласий. Правительство точно так же, как и

Дума, понимает и признает применимость статьи 87 только в самых исключительных обстоятельствах, и статью эту оно не может, конечно, считать обычным оружием своего арсенала. Что же касается разногласий, о которых я только что упомянул, особенно тех, которые ведут в конце концов к применению чрезвычайных мер, то я охотно признаю, что всякое правительство должно их предвидеть и должно сообразовать свои действия с ожидаемыми последствиями.

Gouverner - c'est prévoir - говаривала еще Великая Екатерина, и, конечно, правительство, действующее не в безвоздушном пространстве, должно было знать, что придет час и оно столкнется с двумя самостоятельными духовными мирами - Государственной думой и Государственным советом. Но так как эти два духовных мира весьма между собой различны, то люди, искушенные опытом, находили, находят и теперь, что правительство должно было мириться с политикой, скажем, некоторого оппортунизма, с политикой сведения на нет всех крупных, более острых вопросов, между прочим и рассматриваемого нами теперь, с политикой, так сказать, защитного цвета. Эта политика, конечно, не может вести страну ни к чему большому, но она не приводит и к конфликтам. Очевидно во всяком случае, что ключ к разъяснению возникшего недоразумения - в оценке и сопоставлении психологии Государственного совета, Государственной думы и правительства, а в правильности их анализа и заключается разъяснение, требуемое от меня Государственной думой.

Психологию Государственного совета предвидеть было не трудно. Законопроекту правительства, внесенному в Государственный совет, придавалось уже заранее значение неудачной затеи, и, конечно, трудно было ждать от Государственного совета отождествления его же отказа в принятии этого закона с чрезвычайным обстоятельством. Признавая правительство по-прежнему лишь высшим административным местом, не считая его политическим фактором, Государственный совет должен был увидеть и увидел в совершившемся лишь борьбу между двумя началами - началом административным и началом законодательным, а в действиях правительства усмотрел лишь ущерб, нанесенный второму началу, законодательному, высшей правящей бюрократией.

Психология Государственной думы несколько сложнее, так как авторы запроса приписывают правительству нечто другое, и значительно худшее. Я, конечно, не касался и не буду впредь касаться личных против меня нападков, личных выпадов; я остановлюсь на более существенной аргументации: правительство, господа, попросту заподозрено в том, что, пренебрегая всеми законами, даже и Основными, желает править страной по собственному усмотрению, собственному произволу (*голос слева: верно*), и для того, чтобы легче этого достигнуть, желает приобщить к этому законоубийственному делу и самую Государственную думу (*голос слева: правильно; голоса справа: тише*); поэтому отношение правительства к Государственной думе понималось тут как яркая провокация или, как оратор Государственной думы более мягко выражался, как вызов. А так как закон был

опубликован в думской редакции, то этому придавалось значение искушения, введения в соблазн Государственной думы с целью посоветовать ее с Государственным советом, с целью уронить авторитет Государственной думы и воскресить эру административного засилья. (Шум слева; звонок председателя.)

Кроме этого, в попутных замечаниях обращает на себя внимание еще упрек в крайнем искажении смысла статьи 87 путем создания искусственного перерыва и обвинение правительства в нарушении избирательного закона. Вот приблизительно, что думали, чувствовали и выражали авторы запроса Государственной думы. Мне, конечно, придется дольше остановиться на этих мыслях, но раньше я попытаюсь отстранить одно привходящее обвинение, на которое я только что сослался; вопрек в нарушении избирательного закона. Я думаю, господа, нет ли тут недоразумения? Указ 14 марта ни одним словом не касается этого вопроса; наоборот, если в указе была бы сделана оговорка о сохранении прежнего порядка выборов, то этим самым были бы изменены правила выборов в Государственный совет и нарушена была бы статья 87 Основных законов. Конечно, несомненно, с введением в западной России земства отпадает статья 5 этих правил, но не указ 14 марта поражает эту статью, а она сама определяет себя как меру временную, подлежащую уничтожению при наступлении известных обстоятельств, ожидаемых законодателем.

Само собой, что полномочия нынешних членов Государственного совета остаются в силе и с введением земства до окончания срока их выбора, а за это время, очевидно, выяснится, окончательно определится судьба временной меры, проведенной в порядке статьи 87.

Покончив с этим эпизодическим обстоятельством, я возвращаюсь к основному вопросу. Из суждений господ членов Государственной думы ясно, что корень вопроса, то есть отклонение законопроекта о западном земстве, до настоящего времени не рассматривался Думой как нечто необычайное, как обстоятельство чрезвычайное. Если видели нечто чрезвычайное в последних событиях, то исключительно только в нарушении, бюллетене, бросающемся в глаза действию правительства, то есть в способе, а не в причине. Словом, решительность меры затмила ее цель, и чрезвычайность была признана не в существе вопроса, а лишь в применении статьи 87 как в доказательстве возвращения к худшему: то ли, из абсолютизмов - к абсолютизму зарвавшихся чиновников. (Голоса слева: Верно.) Правительство, со своей стороны, видело корень вопроса в исключительности политического момента и статья 87 понимало лишь как совершенно, конечно, исключительное средство, но как законный способ выйти из ненормального положения.

Чтобы понять не только действия, но и побуждения правительства, надо исходить из предположения, что политические обстоятельства сложились не совсем обычным образом. Припомним же, господа, положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государств-

«Венную думу, признание их здесь обычно недостаточно радикальными, переписка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах.

Заметьте, господа, что я не ставлю вопроса на почву обвинения каких-либо политических партий в излишнем радикализме или излишней реакционности. Я рисую положение так, как оно есть; я хотел бы правдиво изобразить вам те необычные условия, в которых приходилось действовать правительству, в которых возник и получил дальнейшее развитие закон о западном земстве. Совершенно подчиняясь безусловному праву обеих палат и изменять, и отклонять предлагаемые им законопроекты, правительство все же должно было дать себе отчет, бываю ли такие исключительные минуты, когда и само правительство должно вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы. Правительство должно было решить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготавливая проекты, которые никогда не должны увидеть света. Или же правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертаний Верховной Воли, имеет право и обязано вести определенную яркую политику? Должно ли правительство при постепенном усовершенствовании представительных учреждений параллельно ослабевать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиление, укрепление нашей государственности? Наконец, вправе ли правительство испрашивать у Монарха использования всех находящихся в его распоряжении законных средств или это равносильно произволу?

И, конечно, господа, правительство не могло решить этого вопроса в пользу правительственного бессилия! Причина этому не самолюбие правительства, а прочность государственных устоев. Поэтому и в данном деле, если только придавать ему крупное значение, если учитывать тот волшебный круг, в который попало наше законодательство, правительство должно представить Верховной власти законный и благополучный из него выход. Какой же, господа, мог быть выход из попавшего в изображенное мною только что колесо дела (*Будет, с места: отставка; голоса справа: тише, тише*), дела осуществления западного земства, которое имело за себя сочувствие Монарха, которое в главных основных началах прошло через Государственную думу и было отвергнуто Государственным советом?

Конечно, первый, самый естественный выход заключался во вторичном внесении этого закона на обсуждение законодательных учреждений. Многие говорят: если бы правительство не отвернулось от народного представительства, если бы оно не предпочло остаться одиноким, вместо того чтобы идти рука об руку с Государственной думой, то при некотором терпении были бы достигнуты желательные результаты без нежелательных потрясений. Но ведь это,

господа, не так, это было бы актом самообмана, если не лицемерия, это была бы отписка перед западной Россией, отписка тем более жесткая, что ваши полномочия Третьей думы, в скором времени заканчиваются, и для того, чтобы покончить с западным земством, от Государственного совета не требовалось даже шумной процедуры обыкновенного погребения недоношенных законов - достаточно было сдать его в комиссию и несколько замедлить его рассмотрением. *(Голоса в правом центре: браво.)*

Но, говорят, в таком случае был другой, законный способ - это испрошение у Государя Императора роспуска законодательных учреждений. *(Голоса слева: верно.)* Но роспуск палат из-за несогласия с Верховной палатой, которая является, главным образом, представительством интересов, а не представительством населения, в которой только половина членов выборных *(смех и шум слева; звонок председателя)*, лишено было бы практического смысла и значения. Оставался третий выход - статья 87. Я уже говорил, господа, что правительство ясно отдавало себе отчет, что оценка законодательными учреждениями акта Верховной власти представляет из себя юридическую невозможность. Но, понимая вопрос именно так и зная, что законодательные учреждения снабжены гораздо более сильным средством - правом полного отклонения временного закона, правительство могло решиться на этот шаг только в полной уверенности, что акт, изданный по статье 87, по существу своему для Государственной думы приемлем.

Внесение в Государственную думу на проверку закона, явно для Государственной думы неприемлемого, представляло бы из себя, конечно, верх недомыслия, и вот отсутствие этого недомыслия, тождественность акта, изданного по ст. 87, с законопроектом, прошедшим через Государственную думу, опорочивается как соблазн, как искушение, как лукавство! Опорочивается также и искусственность перерыва и проведение по статье 87 закона, отвергнутого верхней палатой в порядке статьи 86. Но, господа, то, что произошло теперь в более ярком освещении, молчаливо признавалось Государственной думой при других обстоятельствах.

Я не буду касаться мелких законов, я напомню вам прохождение законопроекта о старообрядческих общинах. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашения между обеими палатами и что в настоящее время требуется лишь окончательная санкция этого разногласия с Государственной думой, и закон отпадет. Ну для кого не тайна, что Государственная дума заслушает это разногласие перед одним из перерывов своих занятий, в полной уверенности, что правительство исходатайствует у Государя Императора восстановление существующего закона *(Милюков, с места: что такое? Это безобразия)* в порядке статьи 87. *(Смех и шум слева.)*

Совершенно понятно, что если бы постановление Государственной думы воспоследовало не перед естественным перерывом, то перед правительством во весь ост стал бы вопрос о необходимости искусственного перерыва, так как нельзя, господа, нельзя приводить

В отчаяние более 10 миллионов русских по духу и по крови людей из-за трения в государственной машине. *(В правом центре рукопашания и голоса: браво; шиканье слева; звонок председателя.)* Нельзя, господа, из-за теоретических несогласий уничтожить более полутора тысяч существующих старообрядческих общин и мешать людям творить не какое-нибудь злое дело, а открыто творить молитву, лишить их того, что было им даровано Царем. *(Шум слева.)* И в этом случае Государственная дума, устраняя необходимость искусственного перерыва, сама наводит, толкает правительство на применение статьи 87!

Я в этом не вижу ничего незаконного, ничего неправильного *(Миллюков, с места: хорюш)*, но я думаю, что оратор, на которого я раньше ссылался, должен был бы усмотреть тут, по его собственному выражению, „вызов“, но уже со стороны Государственной думы по отношению правительства, а правительство по этой же теории должно было бы, вероятно, воздержаться от этого „искусственного предложения“. Взвинтить на ненужную высоту *(голос слева: на веревку)* возможно, конечно, каждый вопрос, но государственно ли это?

Конечно, статья 87 - средство совершенно исключительное. Но, господа, она дает по закону возможность Монарху создать выход из безвыходного положения. Если, например, в случае голода законодательные учреждения, не сойдясь между собой, скажем, на цифрах, не могли бы осуществить законопроект о помощи голодающему населению, разве провести этот закон возможно было бы иначе, как в чрезвычайном порядке? Поэтому правильно было искать в этом же порядке утоление духовного голода старообрядцев. Но отчего же менее важны культурные интересы шести западных губерний? Почему они должны быть принесены в жертву нашей гармонически законченной законодательной беспомощности? Потому, скажут мне, что эти шесть губерний жили до настоящего времени без земства, проживут без него и далее, потому что этот вопрос не касается всей России и не может быть поэтому признан первостепенным. Но ведь старообрядческие общины и неурожай - вопросы, которые по распространению своему не касаются всей России.

Всей России в вопросе западного земства касается нечто другое и более важное, чем географическое его расположение. Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения. До настоящего времени к решению таких вопросов народ не приобщался. Может быть, поэтому он становился к ним все более и более равнодушен; чувство, объединяющее народ, чувство единения тускло и ослабевало! И если о ернувшись назад и поверх действительности взглянуть на наше прошлое, то в сумерках нашего национального блуждания ярко вырываются лишь два царствования, озаренные действительной верой в свое родное русское. Это царствования Екатерины Великой и Александра Третьего. Но лишь в царствование императора Николая Второго вера в народ воплотилась в призвание его к решению народных дел; и, может быть, господа, с политической точки зрения, не

было еще на обсуждении Государственной думы законопроекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве. В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал. *(В правом центре рукоплескания и голоса: браво.)*

Если еще принять во внимание, что даже поляки в городах Царства Польского молчаливо одобряют ограждение их от подавляющего влияния еврейского населения путем выделения его в отдельные национальные курии, если того же самого в более или менее близком будущем, в той или другой форме будут требовать и немцы Прибалтийского края по отношению к эстонцам и латышам, то вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательного предложения оградить права русского населения в шести западных губерниях. Не без трепета, господа, вносило правительство впервые этот законопроект в Государственную думу; восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны наши соседи на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории? Победил, как вы знаете, исторический смысл; брошены были семена новых русских политических начал, и если не мы, то будущие поколения должны будут увидеть их рост.

Но что же произошло после этого? Отчасти случайно, по ошибке, отчасти нарочито, эти новые победы, новые ростки начали небрежно затоптываться лодыми, или их не разглядевшими, или их убоявшимися. *(Возглас слева: ох!)* Кто же должен был оградить эти всходы? Неужели гибнуть тому, что было создано, в конце концов, взаимодействием Монарха и народного представительства? Тут, как в каждом вопросе, было два пути, два исхода. Первый путь - уклонение от ответственности, переложение ее на вас путем внесения вторично в Государственную думу правительственного законопроекта, зная, что у вас нет ни сил, ни средств, ни власти провеста его дальше этих стен, провеста его в жизнь, зная, что эта блестящая, но покорная демонстрация. Второй путь - принятие на себя всей ответственности, всех ударов, лишь бы спасти основу русской политики, предмет нашей веры. *(В правом центре рукоплескания и голоса: браво.)*

Первый путь - это ровная дорога и шествие по ней почти торжественное под всеобщее одобрение и аплодисменты, но дорога, к сожалению, в данном случае не приводящая никуда... Второй путь - путь тяжелый и тернистый, на котором под свист насмешек, под гул угроз, в конце концов все же выход к намеченной цели. Для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. И я признаю открыто: в том, что предложен был второй путь, второй исход, ответственны мы - в том, что мы, как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей

родины и смело вбиваем звонки в вами же сооружаемую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской, и эта ответственность - величайшее счастье моей жизни. *(Голоса в правом центре: браво.)*

И как бы вы, господа, ни отнеслись к происшедшему, а ваше постановление, быть может, повесьма сложным политическим соображениям уже предрешено, как бы придирчиво вы ни судили и ни осудили даже формы содеянного, я знаю, я верю, что многие из вас в глубине души признают, что 14 марта случилось нечто, ненарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства. *(В правом центре рукоплескания и голоса: браво; смех в левом центре и слева; голоса слева: защитники народного председательства.)* Патриотический порыв Государственной думы в деле создания русского земства на западе России был понят, оценен и согрет одобрением Верховной власти. *(В правом центре рукоплескания и голоса: браво; шиканье слева.)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	3
Предисловие В. А. Солоухина	4
I. Жизнь и деятельность П. А. Столыпина	
1. Биография П. А. Столыпина	8
2. Убийство П. А. Столыпина в Киеве	18
3. Памяти П. А. Столыпина	19
II. Дело об убийстве П. А. Столыпина	
1. Письмо Императора Николая II матери	30
2. Из газетных сообщений	33
3. Свидетельства очевидцев на П. А. Столыпина	36
4. Протоколы допросов Д. Богрова	47
5. Суд над Д. Богровым	60
6. Казнь Д. Богрова	62
7. К портрету убийцы П. А. Столыпина (воспоминания современников)	64
III. Выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете	
1. О законодательных предложениях правительства (6 марта 1907)	82
2. Выступление после думских прений (6 марта 1907 г.)	92
3. Заявления по поводу выборов во II Государственную думу	93
4. О Государственной росписи доходов и расходов (20 марта 1907 г.)	95
5. О заговоре против Государя Императора, Великого Князя Николая Николаевича и П. А. Столыпина (7 мая 1907 г.)	97
6. Об устройстве быта крестьян и о праве собственности (10 мая 1907 г.)	99
7. Первая речь на заседании III Государственной думы (16 ноября 1907 г.)	108
8. Ответ на выступление В. Маклакова (16 ноября 1907 г.)	111

9. О земельном законопроекте и землеустройстве крестьян (5 декабря 1908 г.)	116
10. О деле Азефа (11 февраля 1909 г.)	119
11. О праве крестьян на выход из общины (15 марта 1910 г.)	133
12. О крестьянской семейной собственности (26 марта 1910 г.)	140
13. Об отношении к Финляндии	144
14. О мерах по оздоровлению жизненной ситуации в столице (11 января 1911 г.)	157
15. Последнее публичное выступление П. А. Столыпина (27 апреля 1911 г.)	165

Графическое оформление
книг, журналов, буклетов, проспектов,
каталогов, календарей, открыток и лю-
бых видов рекламной продукции
выполнит для вас
экспериментальный центр графики
"Сирин — 89"

"Сирин — 89" заключает договоры
с государственными, кооперативными,
частными и иностранными заказчиками.

От макета до иллюстраций
и подготовленных к печати оригиналов--
— такова сфера услуг, которые мы
предлагаем заказчику

"Сирин—89" берет на себя
инициативу по подготовке темати-
ческого плана изданий, прежде всего
из области русской истории, культуры
и философской мысли.

Москва 125047
ул. Горького, 50
тел. 251 16 07

П.А. СТОЛЫПИН-
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ЗА ЦАРЯ